

РОДОВАЯ ОБИТЕЛЬ ПЕРВОЙ ЦАРИЦЫ ИЗ РОДА РОМАНОВЫХ

Архимандрит Леонид (Кавелин)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МЕЩОВСКОГО ГЕОРГИЕВСКОГО МУЖСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ

К 400-летию дома Романовых

Архимандрит Леонид (Кавелин)

СТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
МЕЩОВСКОГО ГЕОРГИЕВСКОГО
МУЖСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО
МОНАСТЫРЯ

К 400-летию дома Романовых

Архимандрит Леонид (Лев Александрович Кавелин)

Родился 20.02.1822 в селе Спас-Волженское Смоленской губернии¹. Духовный писатель, историк, археограф, переводчик, автор стихов и прозы.

Отец — штабс-ротмистр, затем асессор Тульского губернского правления, мать — урожденная Нахимова, двоюродная сестра адмирала П. С. Нахимова. Двоюродный брат философа коп. Д. Кавелина.

Учился в Московском кадетском корпусе, затем 12 лет прослужил в лейб-гвардейском полку.

В 1852 году стал послушником Оптиной пустыни. Был духовным чадом преп. Макария Оптинского.

7 сентября 1857 года принял монашеский постриг, 20 октября того же года рукоположен в иеродиакона и 29-го — в иеромонаха. В ноябре 1857 года был назначен в Русскую духовную миссию в Иерусалиме, где прослужил два года.

С 1863 г. начальник Российской духовной миссии в Иерусалиме с посвящением в архимандриты.

С 1865 — настоятель русской константинопольской посольской церкви.

С 1869 г. наместник Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

В 1870 г. среди множества других работ публикует настоящее «Историческое описание Мещовского Георгиевского мужского общежительного монастыря».

В 1872 г. в ряду прочих статей публикует:

1. Лукьян Степанович Стрешнев // Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 2, с. 1–9.

2. Исследование о роде Стрешневых // Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 2, с. 10–18.

С 1877 г. — наместник Троице-Сергиевой Лавры.

В литературе о. Леонид дебютировал в 1839 г. стихотворением по поводу бородинских маневров, напечатанным в «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений» (книга 9). По выходе из корпуса он сошелся с Бурачком, издателем «Маяка», и принял учас

¹ КЦОВ. 1916. № 32–33. С. 4; Архив Виталия Легостаева. Кн. 7. С. 75.

тие в редактировании этого журнала, печатая в нем и в «Иллюстрации» повести и стихи.

Живя в Оптиной пустыни, он составил: «Каталог старопечатных и редких книг библиотеки Козельской Оптиной пустыни», «Обозрение Козельского Оптина монастыря бывших в нем до начала XVIII века храмов», «Обозрение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской губернии». Аналогичные работы он исполнил и в других местах своего служения. Полного списка статей, заметок, изданий Леонида нет в печати; наиболее подробный перечень их принадлежит И. Корсунскому, статья которого: «Наместник Сергиевой Лавры архимандрит Леонид», равно как и «Воспоминание об отце архимандрите Леониде», Н. Субботина, напечатаны в приложении к «Исторической записке о деятельности московского археологического общества за первые 25 лет существования» (М., 1890 и 1893).

Незадолго до смерти Леонид вел с И. И. Малышевским полемику по вопросу о происхождении княгини Ольги и закончил обширную работу: «Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова» (М., 1893–1894).

По свидетельству графа С. Д. Шереметева, председателя общества любителей древней письменности, близко знавшего отца Леонида, это был «человек глубоких убеждений... он высоко держал знамя монашества... С виду несколько согбенный и уже далеко не крепкий телом, он производил впечатление уже тем, что непохож был на других. Он мало обращал внимания на себя, не принадлежал к числу выхоленных архимандритов... но в голубых выразительных глазах искрился светлый ум и в изгибах рта чувствовалась ироническая складка. Он был горяч и вспыльчив, непреклонен и непримирим с житейской пошлостью. Сила воли чувствовалась во всех его проявлениях, воли крепкой, привычной к военному дисциплинарному строю. Духом он горел Господеви, работал неустанно и личным своим примером служил образцом непомерного трудолюбия».

Не осталась незамеченной и научная деятельность отца Леонида. Так, еще в 1863 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской археографической комиссии, в 1867 г. — действительным членом Императорского Московского общества истории и древностей российских, в 1881 г. архимандрит Леонид стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Следует отметить, что научные занятия не мешали отцу Леониду справляться с обязанностями наместника Лавры. При нем в обители были проведены обширные реставрационные работы: приведена в порядок ризница, был поновлен Успенский собор, позолочены иконостасы в нескольких церквях.

Скончался 22 октября 1891 г. Погребен отец Леонид со стороны алтаря лаврской Духовской церкви¹.

¹ Шереметев С. Д. Архимандрит Леонид (Кавелин). М., 1901. С. 4–7.

СТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МЕЩОВСКОГО
ГЕОРГИЕВСКОГО МУЖСКОГО
ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ

Местоположение обители

Мещовский Георгиевский заштатный мужской монастырь находится в полуверсте от города Мещовска, на северной оконечности (на посаде) города, отделяясь от него рекой Туреей, на левом берегу впадающей в нее речки Серебрянки.

Монастырь построен на ровной местности, имеющей не в далеком расстоянии от обители покатость к рекам — Турее на юг и Серебрянке на запад.

Вид на монастырь из города очень хорош. По обеим сторонам святых врат (с южной стороны монастыря) деревянные заборы обозначают границы монастырских владений в эту сторону; слева, вдоль южной стены, до березовой рощи, расположен монастырский огород; справа, вдоль западной стены, луг, служащий выгоном для монастырского скота, ограниченный с этой стороны речкою Серебрянкой. Прямо против св. ворот, на расстоянии нескольких сот сажен, видна бывшая подмонастырская слобода, раскинувшаяся по берегу речки Серебрянки прямо до ее устья. В узкой долине, по которой течет эта речка, видны кусты рабит, составляющих как бы опушку города, который расположен по скату правого нагорного берега реки Туреи; вид этот украшается 4 каменными храмами. На восточной оконечности города видна Петропавловская церковь, обозначающая место бывшего здесь до 1764 года девичьего Афанасьевского монастыря (построенного в начале прошедшего столетия Феодором Абрамовичем Лопухиным и упраздненного в 1764 году); близ церкви каменный двухэтажный дом купца Харитонов; позади их на дальнем плане видна линия большой дороги из Калуги в Мещовск; следя глазом от Петропавловской церкви, в середине города встречаешь Рождественскую церковь (бывший собор), построенную вместо обветшавшей в 1783 г.; она стоит

на самом берегу реки Турей на высоком круглом холме или городище, холм этот насыпной, основание его составлено из нескольких деревянных срубов, обсыпанных сверху и с боков землей¹.

Прямо против св. ворот монастыря Благовещенская церковь (нынешний теплый собор), окрашенная приятной для глаз краской палевого цвета с шатровой колокольней. Вблизи большой холодный собор новейшей архитектуры, также во имя Благовещения: на квадрате этого обширного и величественного храма размещено пять высоких круглых трибун или фонарей, покрытых шаровидными куполами; четырехугольная столпообразная колокольня строится отдельно. Этот собор, кроме своей огромности, замечателен внутренней своей отделкой: стены расписаны священными изображениями не простой, а художественной кисти; с богатой золотой резьбой, иконостас украшен иконами хорошего иконного письма в серебро-позолоченных окладах; храм снабжен богатой ризницей и содержится в замечательной чистоте и порядке, и все это дело усердия его ктитора мещовского купца Молчанова, брат которого в звании церковного старосты лично заведует ризницей и наблюдает за содержанием храма во всегдашней чистоте и порядке, поддерживая то и другое собственными средствами.

Против юго-западного угла монастыря на границе его владений находятся летние строения Петропавловской ярмарки, продолжающейся 10 дней (с 27 июня по 5 июля), через ярмарочную площадь проходит дорога из города в торговое село Щелканово мимо монастырской роши и окопа, у этой же дороги стоит монастырская каменная квадратная часовня, открываемая лишь во время ярмарки. Напротив юго-западного угла, напротив речки Серебрянки, на выезде из города находится другая монастырская часовня, также каменная, восьмиугольная, украшенная образами и всегда открытая; возле нее небольшой домик для инока. Дорога, на которой стоит часовня эта, по выходе из города разделяется на две: одна пошла на север-запад

¹ В этих подземных жилищах жители города Мещовска укрывались и укрывали свое имущество во время неприятельских нашествий в конце XVI и XVII столетий. Местоположение этого храма самое живописное; с его паперти видна речка Турей с притоком ее Серебрянкой, весь город, место Петровской ярмарки, городская роша и Георгиевский монастырь, окруженный также рошей. По дороге, ведущей к храму, насажены березы и липы, а на вершине кургана, по обеим сторонам храма, тянутся аллеи из акаций, между которыми разведен плодовый сад.

к Серпейску, а другая параллельно западной стене обители через село Серебренное в Мосальск; обе обсажены березами. Проезжающему по этим дорогам Георгиевская обитель так же, как и с юга, показывается всей красотой своих зданий; на правом плане виден настоятельский корпус с балконом над стеной, за ним соборный храм с колокольной, влево от него длинное каменное здание, занимаемое духовным училищем, и несколько братских деревянных корпусов около стены, между ними — деревья внутреннего монастырского сада. Башни и стены обители бросаются в глаза своей белизной, которая выигрывает еще более от контраста с яркой зеленью березовой рощи, окружающей обитель с северо-востока. От самого русла речки Серебрянки на взгорье располагаются пахотные поля, которые покрываются весной ковром изумрудной зелени, а летом, когда нивы готовы уже к жатве, представляет волнующееся море колосьев.

От стен этой обители до Серебрянки по косоугроу расстилается зеленая мурава; на этом месте прежде был фруктовый сад, истребленный во времена обнищания обители; на самой речке запружено два пруда, обсаженные раkitами. К северо-западному углу монастыря пристроен скотный двор деревянного строения. Против этого угла на север вдали на 1/4 версты расстояния видно село Серебренное, бывшее поместье Лопухина, родителя Евдокии Федоровны Лопухиной, несчастной супруги Петра I.

С северо-востока обитель окружена веселой березовой рощей, и вся земля, которою ныне владеет монастырь, находится вокруг стен его, для бесспорного владения обведена рвом и окопом.

Основание монастыря

Мещовский Георгиевский монастырь первоначально был построен на верховьях реки Рессы, где ныне находится деревня Соболевка, в 30 верстах от Мещовска.

Разделив в эпоху Смутного времени общую участь всех обителей тогдашней Русской Украины, то есть будучи сожжен и разграблен весь без остатка, он был, по миновании неприятельского нашествия, перенесен (как сказано в древних его актах «от Литовского разорения») с прежнего своего места на нынешнее, на городской посад. Этой особенностью он отличается от всех других обителей, бывшей Крутицкой (ныне Ка-

лужской епархии). Устройство монастыря на нынешнем месте совершилось при пособии царицы Евдокии Лукьяновны, урожденной Стрешневой, родственники которой издавна погребались в старом Георгиевском монастыре, родители же, по местному преданию, погребены уже в стенах нынешней обители. Таким образом, время начального устройства обители «в Мещовску на посаде», совершившегося при жизни царицы Евдокии Лукьяновны, заключается между 1626 и 1645 годами¹.

Первое письменное сведение как о прежнем, так и о нынешнем месте Георгиевского монастыря заключается в писцовых книгах Мещовского уезда письма и меры князя Тимофея Звенигородского да подьячего Дружины Огаркова 134 (1626), 135 (1627) и 136 (1628) годов, в которых о старом монастырском месте упоминается следующим образом: «в церковных землях написано: погост Рождества Пресвятой Богородицы до предела Екима и Анны, да другая церковь страстотерпца Христова мученика Георгия, да предел великия мученицы Христовы Параскевы на речке на Ресе, на погосте же двор попа Якова Григорьева, во дворе дьячок Гришка Яковлев, да три места церковного причта. Пашни церковная паханая добрая земли пять четей, да перелогом восемь четей, да лесом поросло семь четей и обоеи пашни паханыи и прелогом и лесом поросло добрая земли двадцать четей в поле, а в дву потому же сена по речке по Ресе двадцать копен». Из этого видно, что в 1626 году на старом месте Георгиевского монастыря не только не было монастыря, но и погост этот уже не принадлежал монастырю, которому он возвращен лишь в 1698 году², причем по указу великих государей Петра и Иоанна Алексеевичей, мещовский воевода Петр Васильевич Коноплев, той земли окольными людьми досматривал и по досмотру и по сказкам этих людей оказалось, что «изстари тот Егорьевский монастырь в Мещовском уезде в околороднем стану в верховьи реки Ресы был и в монастыре церковь ветха и ныне (в 1695) есть, а тот монастырь переведен в Мещовск и построен близ города».

О нынешнем монастырском месте в тех же писцовых книгах 134 (1626) 135 и 136 годов определенно сказано: «в около-

¹ Годы ее жизни от бракосочетания с царем Михаилом Федоровичем до кончины.

² По челобитью тогдашнего архимандрита Серафима.

Мещовская Георгиевская обитель. Фото XIX века

роднем стану в монастырских вотчинах написано: вотчина Егорья страстотерпца¹, что в Мещовску на посаде село Клитино на речке на Ужете...» Несомненно, что в тех же книгах описан, хотя вкратце, и самый монастырь, но, к сожалению, мы имеем под рукой лишь выписи из этих книг, относящиеся к монастырским вотчинам, а не к самому монастырю.

Но из выписей ясно, что:

1. В 1626 году монастырь уже был на своем нынешнем месте близ города, а прежнее его место составляет погост, числившийся в церковных землях и уже не принадлежавший монастырю, который лишь в конце XVII столетия, в эпоху своего процветания, успел возвратить себе свою древнюю собственность.

2. В то время он уже владел селом Клитиним с деревнями, а как монастырям с конца XVI столетия уже воспрещено было приобретать вновь вотчины, то поэтому и надобно полагать, что вотчина эта принадлежала монастырю издревле, то есть до упомянутого воспрещения, а следовательно, можно утвердительно сказать, что Мещовский Георгиевский монастырь уже существовал в первой половине XVI столетия. А, как известно, что больше половины монастырей нынешней Калужской епархии основано в XV столетии, то предположительно и основание Мещовского Георгиевско-

¹ Подразумевается монастыря.

го монастыря можно отнести к этому же столетию; принимая во внимание, что в конце XV столетия удельные князья Мезецкие (Мещовские) вступили окончательно в подданство Московского великого князя, это предположение вероятнее еще более.

Историческое обозрение обители

Для удобства исторического обозрения обители разделим его на три периода:

1. От переселения ее после Литовского разорения на нынешнее место близ города в начале XVII столетия до окончательного ее устройства в конце того столетия, в настоятельство отца Серафима, то есть от 1610 до 1699 года.

2. История обители в течение первой половины XVIII столетия до 1764 года, то есть до учреждения о духовных штатах.

3. От учреждения о духовных штатах до настоящего времени, от 1764 до 1863 года.

Отдел I

От возрождения обители на нынешнем ее месте после Литовского разорения в первой четверти XVII столетия до окончательного устройства, на котором в настоятельство о. архимандрита Серафима (с 1679 по 1699 годы). Период постепенного благоустройства и цветущего состояния обители.

Говоря об основании обители, мы упомянули, что он перешел на нынешнее свое место к городу Мещовску, как явствует по старинным его описям, от Литовского разорения, во время которого сожжены без остатка все его здания, а также разграблено и сожжено все монастырское имущество, и, между прочим, книги и монастырские акты, как о том упоминается в одной из уцелевших описей начала XVIII века¹. Для исследования

¹ В 1721 году по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца в канцелярии Калужской провинции перед стольником и коп. П. Воеводой Леонтием Михайловичем Глебовым города Мещовска Георгиевского монастыря, что на посаде, архимандрит Феофан сказал: «Жалованных прежними великими государями грамот и харатейных книг в том Георгиевском монастыре нет, а которые грамоты и вкладные епархиальные письма и записи и всякие крепости

о времени этого разорения надлежит обратиться к истории города Мещовска, так как старое монастырское место находилось всего в 30 верстах от него в околгородном стану.

Мещовск, называемый в древности Мезецком, Месческом и Мещерском, по последнему своему названию нередко был смешиваем с городом Мещерском (Касимовым), городом бывшей Мещерской области, купленной великим князем Дмитрием Донским у тамошнего крещеного князя Александра Уковича¹. Мещовск, Мезецк, подобно другим городам нынешней Калужской губернии, находясь в пределах древней области вятичей, имел некогда своих удельных князей, называвшихся князьями Мезецкими, из рода мученика веры св. Михаила князя Черниговского.

В период усиления Московского княжения, находясь на границах Русской Украины, Мезецк, вместе с украинскими городами, Козельском, Любутском, Воротынском, Перемышлем, Мосальском, Серпейском и другими, сделался городом спорным, а в конце XIV столетия подпал власти усилившегося тогда великого князя Литовского Витовта.

В исходе XV века удельные князья вышеупомянутых украинских городов, бывшие со времени Витовта присяжниками великих князей Литовско-Русских (изменивших тогда православию), более стали преклоняться на сторону единоверного им великого князя Московского². По смерти Казимира, когда начались неприязненные действия, воеводы Московские вторично разорили Любутск, а князья Дмитрий и Семен Воротынские, перейдя на службу к Иоанну со своими вотчинами, овладели Мосальском. Они же засели (захватили) Серпейск и Мещовск, но не могли их удержать за собой, будучи вскоре вытеснены оттуда Литовскими воеводами. Тогда Иоанн III послал им на помощь сильную рать: Серпейск и Опаков на Угре были взяты ею приступом, а Мещовск сдался добровольно. Эта война кончилась в 1494 году миром. В договорной грамоте великого князя Иоанна III с великим князем Литовским и королем Польским Александром, в 1492 году относительно Мещовска сказано: «а Мезецкие князи, князь Михаил Романович и княжи Иван Феодорович

и харатейные книги были и то все в Литовское разорение побрано и сожжено в старом Георгиевском монастыре, что был на реке Ресе, а будет я архимандрит сказал ложно и чтобы великий государь велел отнять чин».

¹ От которого ведут свой род князья Мещерские.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. С. 148.

Мещовск. Фото нач. XX века

Говдыревсково, князи Михаил и Феодор служат тебе великому князю Ивану и твои детем со своими отчинами, что их долины в городе в Мезецку и в волостях, а мне великому князю Александру их не обидети и не примате их и с их отчинами; а что служат мне Мезецкие князи, князь Феодор Сухой и князь Василий К. Федоровы дети Андреевича, и те князи в Мезецке ведают свои отчины, долины свои, а тебе их не примати с их отчинами, а что у тебя в нятстве Мезецкие князи князь Семен Романов и князь Петр Федоров и тебе тех князей отпустить в Мезеческ на их отчину и они кому хотят, тому служат и с своими отчинами, а учнут служить мне, то их тебе и твоим детям не примате с их отчинами, а учнут служить тебе и твоим детям, ино их не примате»¹.

В духовной грамоте Иоанна III 1504 года читаем: «А что еси применил князю Михаилу Мезецкому на его жребий на Месческ в Стародубе Олексин и он держит по меновой грамоте» (стр. 396). И так вот с каких пор Мещовск вошел в состав великокняжеских городов².

В той грамоте (396) «да сыну же своему Дмитрию дал город Месческ с волостными и с погосты и с селы и со всеми пошлинами, со всем, что к нему потягло, как был за Мезецким князем»; выше говорится, что он, великий князь Иоанн Васильевич, выменял Мезецк князю Михаилу на его жребий Месческ на Алексин в Стародубе.

От Василия Иоанновича Мещовск перешел к сыну его Юрию (1533); завещанием 1572 года назначен несчастному сыну Грозного Иоанну.

При начале царствования Феодора Иоанновича окрестности Мещовска были опустошены крымскими, азовскими казаками и ногайцами, и, вероятно, тогда же самый город обнесен по валу деревянной стеной, 124 сажени в окружности с двумя проезжими и четырьмя глухими башнями. Укрепления эти, воздвигнутые в упреждение иноплеменного хищничества, как увидим ниже, принесли жителям Мещовска некоторую пользу защитой их в Смутное время от ограбления соотечественников.

Первые годы XVII столетия были бедственны для пределов калужских; на юг от Калуги началось восстание, произведенное

¹ См. Карам. прим. к VI т. стр. 59.

² Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. С. 390.

князем Григорием Шаховским во имя самозванца. После поражения царского воеводы князя Трубецкого под Кромами, усмирявшего скопище приверженцев самозванца, Калуга, Козельск, Лихвин, Мещовск, Малоярославец, Медынь и Боровск пристали к стороне лжецаря¹. Когда же предводитель шаек самозванцев Ивашка Болотников был поражен царскими воеводами под Москвою, тогда Козельск, Мещовск (Мещенск), Лихвин, Боровск и Медынь, составлявшие часть его войска, перешли на сторону царя Василия².

Бывший предводитель их Болотников, которого не приняли к себе жители Серпухова, с холопами, бродягами и казаками засел в Калуге. Калужане приняли его дружелюбно, и Болотников обвел Калугу тыном и двойным рвом и выдержал здесь осаду с 30 октября 1606 года по 3 мая 1607 года, окончившуюся поражением царских воевод (1 мая 1607 года) в жестокой сече на Пчельне, где пали главные воеводы князя Татев и Черкасский, а войско было частью разбито, а частью перешло на сторону мятежников³. Узнав о поражении царского войска под Калугой, воевода Измаилов снял осаду также передавшегося мятежникам Козельска и засел с огнестрельным снарядом в Мещовске⁴.

Между тем Болотников оставил Калугу и ушел на Тулу, намереваясь соединиться со вторым самозванцем, шедшим к нему из Стародуба. Шуйский сам отправился против изменников и осадил Тулу 30 июня 1607 года. В то же время он приказал своим воеводам — князю Литвинову Мосальскому и Третьяку Сентову стать: первому между Козельском и Мещовском, а второму у Лихвина, но Меховецкий, предводительствуя передовой ватагой ополчения самозванца, разбил близ Мещовска 8000 войска князя Мосальского, принудив его укрыться в Мещовск, и занял Козельск.

Взятие Тулы праздновалось в Москве как бы завоевание Казанского царства или Смоленского княжества. Вопреки опыту, презирая нового злодея России, Василий не спешил истребить его, а распустил войско. Узнав это, Лжедмитрий по совету Лисовского немедленно выступил из Трубченска (где было скрылся), с 7000 ляхов, 8000 казаков и немалым числом россиян. Воеводы царские, князь Михаил Кашин и Ржевский укрепились в Брянске, самозванец осадил этот город. Тогда Василий послал им на помощь

¹ Бутурл. Дмитрий Петрович. Ист. смут. врем. в России 1848 г. ч. II стр. 2.

² Карам. Ист. гос. Росс. Т. XII. С. 25. Изд. Эйнера.

³ Сказание совр. о Дмитрие Самозванце. Ч. III, дневник Марины. С. 100.

⁴ Летопись о мног. мятеж. С. 117.

из Москвы князя Ивана Семеновича Куракина, а из Мещовска повелел наперед идти воеводе Мосальскому. Царь же Василий, услышав, что вор идет под Брянск, повелел послать из Мещовска воеводе трезвых людей, чтобы проведать про вора и город Брянск сжечь. Григорий послал из Мещовска наскоро разных людей человек 150, а голову велел им выбрать между себя самим, кого они возлюбят. Они же выбрали голову Брянчанина Елизара Безобразова, а в то время из Брянска все люди вышли к вору навстречу, он же, сжегши Брянск, опять возвратился в Мещовск¹.

Далее в той же летописи говорится (92), что сам мещовский воевода Григорий Сумбулов (вероятно, вследствие нового приказа царского), занял Брянск и был в нем до прибытия в Брянск царских воевод, Кашинского и Андрея Никича Ржевского: *«Они же, пришедши в Брянск, — говорит летопись, — воеводу Григория Сумбулова отпустиша (в Мещовск), а сами на осыпи поставиша острог»*. Когда же самозванец осадил Брянск, тогда царь *«послал на помощь осажденным из Москвы князя Ивана Семеновича Куракина, а из Мещовска велел наперед идти воеводе князю Василию Мосальскому и с разными людьми»*. Таким образом, Мещовск, оставшись верным Василию, был с тех пор представлен лишь собственным слабым средствам.

По взятии царем Василием Тулы (10 октября 1607 года) Калуга сделалась главным притоном мятежников, а 1 января 1610 года прибыл в нее давно ожидаемый Лжедмитрий и властвовал здесь около года, величая ее в грамотах своей вотчиной².

В это время прочие города Калужской области и их уезды находились в самом плачевном положении: их грабили ляхи, а особенно запорожцы, которые, пользуясь смятением в России, выступили, по свидетельству Маскевича³, едва ли не весь кош и устремились на беззащитное государство. Они-то в течение 1610 года опустошили Козельск, Мещовск и Мосальск.

В дневнике осады Смоленска о разорении Козельска и Мещовска записано так: *«Сентября 16/26 запорожские казаки, вышедшие на конях из королевского войска, ограбили Козельск и Мещовск, которые взяли нечаянно, и вырезали всех жителей, не давая никому пощады, и с большою добычею возвратились в Королевский лагерь»⁴*.

¹ Ник. лет. С. 90.

² А. Истор. Т. II. С. 340 и 358.

³ См. Сказ. совр. о Дмит. Самоз. Т. V. С. 23.

⁴ Истор. смут. врем. Бутурина, т. III прилож.

Второй самозванец Тушинский вор на Калужском царстве, как величался Лжедмитрий, был убит в Калуге 11 декабря 1610 года князем Арасланом Урусовым.

Узнав о происшествии в Калуге, дума бояр немедленно послала туда воеводу князя Юрия Никитича Трубецкого. Мещовск в это время был занят Львом Сапегой, который перешел туда из Мосальска¹. Из отписки к нему князя Трубецкого в январе месяце 1611 года видно, что войска Сапеги, несмотря на его договор в Москве с боярами не воевать уезды и города Калужской области, побивали людей и брали в полон малых ребятишек².

Междоусобица кончилась. На престол вступил по воле царя царствующих и Господа господствующих и по избранию земской думы³ в 1612 году Михаил Феодорович, сын митрополита Филарета, оказавшего столь великую услугу своему отечеству; в Смутное время область Калужская начала мало-помалу успокаиваться; но в 1614 году она снова сделалась театром военных действий. В этом году сын Польского Короля Сигизмунда царевич Владислав открыл поход на Россию и занял Вязьму, а, получив известие, что Калуга занята русскими войсками под начальством князя Дмитрия Михайловича Пожарского, Владислав, желая пресечь ему, сообщение с Москвой, послал в Калужскую область с этой целью легкий отряд под командованием пана Чаплинского. Чаплинский с непостижимой быстротой распространил в окрестностях Калуги опустошения, наступал и истреблял казаков Заруцкого, не успевшего соединиться с Пожарским, и часть их загнал в мещовские укрепления. Вырезав здесь окрестных жителей, он осадил Мещовск и принудил его к сдаче, отведя воду у осажденных. Мещовский воевода Истома Засецкий был взят в плен и отослан в стан Владислава. Разорив Мещовск, Чаплинский пошел на Козельск, который сдался ему добровольно. В Мещовск же прислан был от Владислава староста Шремский Пан Опалинский, под начальство которого должен был поступить отряд Чаплинского для дальнейших совместных действий против князя Пожарского.

¹ Акты Истор. II № 307.

² Акты Истор. II № 317.

³ В числе избирателей от Мещовска были дворяне Феодор Стрешнев, Семен Глебов и Андрей Григорьев сын Змеев. Стрешнева в 1615 году при вторжении в Калужскую область Лисовского видим в звании лихвинского воеводы. Он мужественно отразил нападение Лисовского на Лихвин и был за то награжден молодым царем.

Пожарский мужественно отражал все нападения на калужские границы, но, к несчастью, заболел и был отозван в Москву. Калужская область сделалась беззащитной жертвой Польских наездников. Когда Владислав отступил в 1618 году от Можайска, сосредоточил свои силы около Вязьмы. Весной этого года в нее ворвались запорожцы, присоединившиеся в числе 20000 под предводительством своего кошевого атамана Сагайдачного. Они вообще с лисовцами производили разбои и опустошения по всей Калужской области. Обыватели мест, где появлялись отряды Сагайдачного, бросали свои жилища, скрывались по лесам или искали спасения в бегстве в столицу. В то же время была разгромлена запорожцами беззащитная Калуга, в которой Сагайдачный оставался до самого заключения мира с поляками. Мир этот последовал 1 декабря 1618 года в Деулике. Город Серпейск остался за поляками, которые возвратили завоеванные ими Козельск и Мещовск. Во вторую войну с Польшей (1634) только Серпейск со своим уездом примыкал к театру военных действий. А в царствование Алексея Михайловича завоевания, сделанные им на Литовской России, сделали Калужскую область из украинской внутренней и надолго обеспечили ее спокойствие.

Таким образом, принимая, с одной стороны, во внимание известие о разорении Мещовска в 1610 году, а с другой — показания писцовых книг Мещовского уезда 1626 года и последующих, что монастырь в этих годах уж существовал на нынешнем его месте, надо полагать, что время разорения сей обители с достаточной вероятностью может быть отнесено к тому же 1610 году, если не ранее.

Вкладная книга, заведенная в 1681 году настоятелем монастыря о. Серафимом, начальное устройство обители на новом месте относит к щедротам царицы Евдокии Лукьяновны (из фамилии Стрешневых). Известие это вероятно в конце предисловия к вкладной книге следующими словами: *«На сию душевную добродетель (милостыню) и благолепия дому Пречистая Богородицы Честнаго и Славнаго Рождества Ея Георгиевского монастыря, зело устремилось своим тщательством блаженная памяти благочестивейшая государыня наша царица и великая княгиня Евдокия Лукьяновна»*. Сохранившееся доселе местное предание, подтверждаемое и письменным отзывом прежних настоятелей, объясняет внимание к этой об-

ители царицы Евдокии Лукьяновны тем, что как родственники ее издревле погребались в старой Георгиевской обители, так и родители ее погребены в стенах нынешнего монастыря.

Окончательное благоустройство обители в настоятельство отца Серафима (1679–1699)

Отцу Серафиму по справедливости принадлежит титул основателя обители, так как он первый из настоятелей ее возжелал иметь попечение с великим усердием на строение «святого дома», то есть каменной церкви. Начатое им с успехом продолжалось и довершено тремя его преемниками.

Настоятелей управлявших Георгиевской обителью до 1679 года, известно лишь двое: игумен Кирилл и Пафнутий. Первый известен лишь по имени, он управлял обителью между 1643 и 1652 годами, а от управления второго осталось всего лишь три акта (столбца), относившихся к одному и тому же делу: «О взятии монастырем на оброк пустовой земли бывшей городской Пятницкой церкви», челобитная и две квитанции (1664–1676)¹. В челобитной игумен Пафнутий пишет: *«Великому Господину Преосвященному Павлу Митрополиту Сарскому и Подонскому бьет челом богомolec, твой государев города Мещовска Егорьева монастыря игумен Пафнутий з братиею: в прошлых государь годех бил челом блаженные памяти Преосвященнейшему Серапиону Митрополиту бывшей игумен Кирилл з братьею о пустовой Пятницкой земли и по его игуменову челобитью дана та пустовая Пятницкая земля в наш Егорьев монастырь в оброк, да оброку с нея платили по полтине на год. Милостивый великой Господин Преосвященный Павел Митрополит Сарский и Подонский, пожалуй нас богомольцев своих, вели государь нам тою пустовою Пятницкою землею по прежнему»*

¹ Остался еще отрывок указа, писанный, по-видимому, тому же игумену Пафнутию от того же митрополита Павла в 180 (1672) году о выборе патриаршего десятника Мещовской десятины: *«...и ты б о том к нам отписал и велел ему всякия домовья дела ведать и домные и венечные и похоронные и по черовине пошлины собирать и в книге велел писать подлинно без утайки, а отписку и выбор за священниковыми руками и венечным пошлинным деньгам роспись прислал к нам и велел подать в нашем казенном приказе казначею нашему старцу Евфимию да дьяку Алексею Земнову. Писал на Крутицах лета 7180 марта в 28 день»*.

му владеть, а оброку, что ты великий государь укажешь! Великий Господин Преосвященный Павел Митрополит Сарский и Подонский смилуйся пожулуй!»

На обороте сей челобитной помета: *«175? года февраля в 5 день государь Митрополит пожаловал, указал им тою церковною Пятницкою землею владеть, а оброку платить с нынешнего 175 году в домовую казну по двадцать алтын на Москве».*

Затем следуют две квитанции во взносе согласно упомянутой помете игуменом Пафнутием оброчных денег за эту землю в домовую казну митрополита 7176 и 7181 годов за подписью митрополичьего казначеева первого старца Савватия и второго старца Евфимия¹.

Вот все, что нам известно об истории обители от перенесения ее на нынешнее место после литовского разорения до настоятельства Серафима, то есть в течение без малого 100 лет. Конечно, нельзя не сожалеть об утрате письменных актов за весь этот период времени, но вся последующая история обители, известная уже по письменным сведениям, удостоверяет нас, что в это время обитель Георгиевская щедротами царицы Евдокии Лукьяновны и ее родственников и всякому чину людей едва успела отстроиться деревянным зданием. Начало ее лучшего трудоустройства надобно отнести именно к 1679 году, то есть к настоятельству отца Серафима. В своем обращении к благотворителям обители, составляющим предисловие заведенной им в 1691 году вкладной книги, отец Серафим, упомянув о душевной пользе милостыни вообще, но об участии в устройении обители царицы Евдокии Лукьяновны, продолжает: *«... мы убозии и грешнии, вседневнии благочестия вашего богомольцы Пресвятой Богородицы Рождества ея Георгиевского монастыря архимандрит Серафим с братиею в прошлых годах 187 (1679) году желанием возжелахом на дело сие, и о строении святого дому попечение имети с велием есмы усердием... Да церковь Божественная во обители Пресвятой Богородицы и страстотерпца Георгия в конечное свершение построилась».*

Первые отозвались на это воззвание особы царского дома в память своей благочестивой сродницы Евдокии Лукьяновны: цари Феодор, Иоанн Александровичи, царь Петр Алексеевич,

¹ Найдены нами в бумагах Тихоновой Калужской пустыни.

получивший и новое побуждение благотворить Св. Георгиевской обители, потому что супруга его Евдокия Федоровна родилась и выросла вблизи Мещовского монастыря (в селе Серебренном). Примеру царского дома последовали окрестные бояре и всякого чина люди. В окладной книге с 1681 по 1699 год записаны следующие пожертвования:

«Деньгами и материалом на построение каменной церкви.

Царские вклады:

1. В 1681 году царь и великий князь Феодор Алексеевич пожаловал на каменную церковь 200 пудов железа; а дал марта в 1 день¹;

2. В 1684 году цари и великие князья Иоанн и Петр Алексеевичи пожаловали на построение каменной церкви 50 руб. денег.

3. В 1686 году они же пожаловали 20 пуд железа, бочку белого железа, пуд слюды, 50 листов белого железа к оконницам.

4. В 1686 году они же пожаловали на церковное строение по Иване Михайловиче Милославском 30 руб. денег.

5. В 1690 году они же пожаловали на церковное строение 50 руб. денег, три бочки белого железа, 12 пудов прутаваго, 230 досок железа чугунного.

6. В 1691 году они же пожаловали на колокольню 100 пудов железа связного.

Вклады частные:

1. Боярин Петр Авраамович Лопухин большой дал вкладу по стольнике Стефане Дмитриеве сыне Борисове денег 20 руб.

2. В 1691 году Феодор Авраамович Лопухин дал на церковное строение денег 9 руб.

3. В том же году боярин Иван Тимофеевич Кондырев на церковное строение дал денег 10 руб.

4. В 1685 году боярин Иван Федорович Стрешнев дал вкладу денег 20 руб.

5. В 1686 году бояре Никита Константинович да Тихон Никитич Стрешневы дали на строение на каменную церковь денег 50 руб.

6. В 1687 году князь Юрий Семенович Урусов дал вкладу на строение каменной паперти 25 руб.

7. Боярин Петр Авраамович Лопухин меньшей дал вкладу на церковное строение 5 руб с полтиною.

¹ Следовательно, на память прпмц. Евдокии, ангела его бабки царицы Евдокии Лукьяновны.

8. Окольный Василий Иванович Лопухин дал денег три рубля.

9. Окольный Петр Тимофеевич Кондырев дал вкладу на церковное строение денег 5 руб.

10. В 1690 году стольник князь Василий Федорович Македонский дал вкладу денег 5 руб.

11. Стольник Михаил Стефанович да сын его Василий (Стефанович) Михайлович нехорошей, Гурьевы дали вклады на церковное строение 5 руб.

12. В 1696 году Илларион Иванович Лопухин дал на церковное строение 10 руб.

13. Стольник Григорий Тимофеевич Воейков дал на церковное строение полтину.

14. Стольник Никита Артемьевич Шепелев — 5 руб.

15. Стольник Андрей Игнатьевич Щербачев — 2 руб.

16. Стольник Василий Петрович Камынин — 5 руб.

17. Стольник Михаил Васильевич Лопухин — 16 алтын 4 деньги.

18. Стольник Василий Амвросьевич Чебышев — 5 руб.

19. Стольник Андрей Михайлович Бороздин — 5 руб.

20. В 1683 году игумен Серафим на церковное строение — 50 руб.

21. Свирского монастыря Келарь Исмаил — 5 руб.

22. Монах Елисей — 3 руб. 20 алтын.

23. Села Сухинич иерей Анфиноген — 2 руб.

24. Монах Галактион — 2 руб.

Записался и приписался на корм рабочим:

1. Боярин Петр Тимофеевич Кондырев — 20 четвертей ржи.

2. Боярыня Дарья Назарьевна дала вкладу — 10 четвертей ржи.

4. 1696 года Илларион Иванович Лупандин скирду ржи — 150 копен.

5. Стольник Ефим Семенович Кондырев — 20 четвертей ржи.

6. Стольник Даниил Максимович Ртищев — 50 пудов соли.

7. Стольник Самуил Иванович Чебышев — 15 четвертей хлеба, 2 ведра вина и 2 пуда мяса.

8. Стольник Силивестр Артемиевич Агибалов всякого хлеба — 20 четвертей, 15 пудов мяса, 10 ведер вина.

9. Стольник Никита Артемьевич Шепелев — 5 ведер вина.

Книгами:

1. Боярин Феодор Авраамович Лопухин дал вкладу на месячные минеи восемь рублей.

2. Бояре Никита Константинович и Тихон Никитич Стрешневы дали в 1685 году на месячные минеи 5 рублей.

3. В 1685 году дана вкладу книга Устав печатный разных вкладчиков.

4. Иеродиакон Никон Чудова монастыря, постриженник св. Георгиевского монастыря, дал вкладу апостол, цена 40 алтын.

5. Чудова монастыря иеромонах Иосиф дал апостол золочен по обрзу, цена 2 рубля, родители написаны в апостоле.

Разными вещами:

1. В 1684 году цари и великие князья Иоанн и Петр Алексеевичи пожаловали на ризницу: лакотных товаров: объяри¹ серебряной 30 аршин красный, атласов соломенного цвета 30 аршин, стихарь камчатый белой, оплечье участок золотный, подризник тафтяной соломенного ивета; денег дано на тот же предмет 20 рублей 20 алтын.

2. В 1691 году они же пожаловали: ризы объярьнинные золотные по серебряной земле, кругом обложены кружевом большим золотным, епитрахиль да двое поручей объярьенные золото с серебром, подризник изорбатный краской: местами проткано золотом... красного атласа 5 аршин.

3. Боярин Петр Авраамович Лопухин дал вкладу архимандричью шапку, плащи сребренные, кованые, позолочены, с жемчугом и с камением, цена 180 руб.

4. В 1691 году боярин Федор Авраамович Лопухин — оплечье бархатное золотное, другое оплечье бархатное на стихарь, два набедренника: один набедренник камчатый желтый, подложен красной тафтой, накищено золотом, другой набедренник атласный, крапивный цвет, подложен китайкой, накищен золотом.

5. В 1685 году боярин Иоанн Феодорович Стрешнев ризы зеленые изорбатные², оплечье золотое; поручи, шитые золотом по зеленому атласу, с пуговицами серебряными. Орарь шит золотом по зеленому атласу, калску зеленую на ризы, изорбат желтый на престол.

6. Боярыня Настасья Иоанновна Стрешнева дала вклад епитрахиль — золотом шит по атласу красному, пуговицы серебряные позолочены.

7. В 1690 году вклады разные вкладчика пояс шелковый разных шемаханских шелков³, узлы кафимские золотые».

¹ *Обьярь* (устар.) — плотная шелковая ткань с золотыми и серебряными узорами (прим. ред.).

² *Изорбатный* — прилагательное от *изарбавь*. *Изарбавь* (тюрк. *zarbaf* — парча) — материя с золотыми и красными полосами (прим. ред.).

³ Жалованные грамоты на которые сгорели в литовское разорение.

Затем следуют вклады лошадьми и несколько вкладов мелкими хозяйственными вещами, лошади продавались, и вырученные деньги употреблялись также на церковное строение.

Труды отца Серафима увенчались желаемым успехом: в половине своего настоятельства он воздвиг каменный двухэтажный храм с каменной же колокольней и подходной папертью; нижняя теплая церковь во имя великомученика и страстотерпца Георгия, а верхняя — во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Время освящения храмов положительно неизвестно, но по некоторым данным вкладной книги можно отнести его к 1691 году, в котором отец Серафим был возведен в сан архимандрита.

Занимаясь строением храма, отец Серафим с равным вниманием занимался и устройством монастырского хозяйства — вотчинными делами монастыря: к его 20-летнему управлению обитель обязана прочным утверждением за ней ее старинных вотчин, села Клитина с деревнями, возвращены обители ее старого монастыря места в верховье реки Рессы (в 1689 году), а жалованных новых угодий и земель известно нам из описи 1701 года по своему содержанию, а именно: в 195 (1687) году по указу царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны и великой княжны Софьи Алексеевны и по докладной записке даны Мещовскому монастырю вотчинные деревни упраздненного бывшего Николаевского монастыря, что был в Серпейске на посаде: деревня Моклакова да деревня Иванкова с пустошами, с пашней, с лесными и санными покосами и со всеми угодьями, по писцовым книгам, а деревнями этими до присоединения их к монастырским владениям обладал города Серпейска Николаевский поп Лев Алексеев. Жалованная грамота на эти вотчины выдана монастырю в 197 году за приписью дьяка Анисима Невежина, вторая жалованная грамота тех же царей на принадлежащие к вышеупомянутым деревням в Серпейском уезде в околородном стану пустошь Кривую и половину пустоши Сузема 195 года за приписью дьяка Смена Васильева; третья жалованная грамота тех же царей Михайловскую и Ивашенцева также, Мещовского уезда в околородном стану по одну сторону речки Серебрянки, которая прежде была в поместье за Романом Аристарховичем да за сыном его Никитой Яковлевыми, а они променяли ее в монастырь в 197 году, за приписью дьяка Дмитрия Федорова. Четвертая жалованная грамота тех же царей на мельницу, что под городом на речке Турейке,

которая дана в Георгиевский монастырь безоброчно из приказа Малой России: «на свечи, и на ладан, и на вино церковное, и братии на одежду, с приписью дьяка Бориса Михайлова». Пятая грамота их же на рыбную ловлю в мельничном пруду, что на речке Турейке, с запрещением ловить в ней рыбу городским и уездным людям, за приписью дьяка Андрея Григорьева.

Сверх этих пяти жалованных грамот с той же описи поименованы еще несколько актов, относящихся к настоятельству отца Серафима, а именно:

- Выпись 1693 года с дела, данная ему, архимандриту с братией, по царскому указу мещовским воеводой Василием большим Коротневым на их беглых приводных — крестьянку Макринку Иванову, жену Прокофьева, с детьми и с невестками, и с внучатами и с животами, которые жили в бегах за Герасимом Самойловым, сыном Дехоновым, и отданы ему, архимандриту с братией, по-прежнему в крестьянство за монастырь; выпись эта за рукою воеводы Василия большого Коротнева.
- Запись 1693 года на Василия Иванова, сына Шигаева, которую он дал архимандриту Серафиму с братиею в том, что в прошлых годах бежала их монастырская крестьянская жена Мещовского уезда деревни Крутиц Палашка, Стефанова дочь, Никитинская жена, и, бегая, вышла замуж в Мещовском уезде в деревне Ларкенне, за крестьянина Проньку Назарова, за рукою Василия Шигаева.

По его челобитьям даны ему выписи со старых и новых писцовых книг на старые монастырские вотчины и принадлежащие ему угодья, таковые: «выпись с писцовых мещовских переписных книг, переписи Василия Сокольниковца и подьячего Гаврилы Перекусихина 186 года, данная архимандриту Серафиму с братиею и впредь кто в том монастыре по нем будет по их челобитью по выписке дьяка Дмитрия Федорова в 199 (1691) году».

В этой выписи в околгородном стану написано: «монастырь Святого великомученика и Страстотерпца Георгия, а за монастырем живут монастырские работники на месчине: квасоварь, хлебник с семейством, два двора конюхов, людей в них два человека, двор квасоваров, а людей в нем два человека; двор хлебников, а людей в нем два человека, а те их монастырские работники старинные того же Георгиевского монастыря. Да в вотчине за монастырем в селе Клетине

с деревнями: Крутицы, Староселье, Овсянниково, Бобровцы, Лепехи, Надеино, 19 дворов крестьянских, а людей в них и у них детей и старых и зятьев и племянников и приемышей женатых и которые лет по 15 и больше, 63 человека; да у них же детей и братьев и племянников и внучат недорослей, которые лет по 12 и по 10 и менее, 51 человек; 38 дворов бобыльских, а людей в них и у них детей и братьев и зятьев и племянников и пасынков и приемышей женатых и которые лет по 15 и более, 117 человек; да у них же детей и братьев и племянников и внучат недорослей, которые лет по 12 и по 10 и менее, 84 человека, да в бегах 7 дворов бобыльских с женами и с детьми».

Архимандрит Серафим, благоустроив обитель и внешне, и внутренне, собрав около 30 человек братии и обеспечив, и укрепив за нею права на владение монастырскими вотчинами, заслужил тем вечную память иноков сей обители, как один из самых деятельных и заботливых ее настоятелей. Построенный им соборный храм и доселе служит украшением обители и памятником его любви и усердия к ней. Скончался в благоустроенной им обители в 1699 году.

Настоятельство архимандрита Афанасия с 1699 по 1707 год

Соревнуя своему предшественнику, архимандрит Афанасий продолжал начатое им дело устройства соборной церкви. В первый год его вступления в должность один из благотворителей обители *«стольник Иван Васильевич Чебышев дал вкладу святое напрестольное евангелие большое в досках по обрезу позолочено без прикладу, писано в дестеных тетратех целых листов на александрийской бумаге»*.

«Архимандрит же Афанасий посоветовав с братиею, надеючись на всещедрого Бога, стал бить челом милостивым вкладчикам, на приклад Спасителя образа и Евангелистов к святому евангелию, что кого где Бог по сердцу известит; сам стольник Иван Васильевич Чебышев дал 37 золотников серебра.

*Боярин Петр Авраамович большой Лопухин — 5 руб. денег.
Стольник Василий Петрович Камышин — 1 рубль.*

Церкви Апостола Филиппа священник Никита Дорофеев — ефимок.

Из Калуги, Лаврентьева монастыря игумен Карион, постриженник сего Георгиевского монастыря — пять рублей.

Сам архимандрит Афанасий — четыре рубля.

Стольник Самсон Иванов Чебышев — рубль.

Стольники Никита и Леонтий Романовичи Яковлевы — 10 рублей.

Малюта Иванович Лупандин — три ефимка.

Стольник Павел Степанович Темирязов — рубль.

Стольник Стефан Никитич Шепелев — рубль».

При том же отце архимандрите Афанасии: «Высоко-Петровского монастыря келарь иеромонах Серапион постриженник Св. Георгиевского монастыря, дал вкладу Святое Евангелие позолочено золотым изорбахом, Спасов образ и Евангелисты сребрены позолочены, кадило серебряное местами позолочено, книгу Соборник, ризы и стихарь темно-вишневой камки, да ризы байберековая черная.

Чудова монастыря иеромонах Никон, тоже постриженник Георгиевского монастыря, дал вкладу книг: пролог в двух книгах, другой в восьми книгах, устав, лествицу, благовестник, маргарит, ризы объяри серебряной белой».

Из вкладной книги видно, что в 1704 году архимандрит Афанасий собирал вклады на поставку крестов золоченых железных на церковь Божию. Вкладчиками на это являются: бояре Федор Авраамович и сын его Авраам Федорович Лопухин, стольник Самсон Иванович Чебышев, Алексей Самойлович Чебышев, Малюта Иванович Лупандин, стольники Никита и Леонтий Романовичи Яковлевы, Потап Михайлович Дурново, стольник Ермил Потапович Беклемишев, стольник Павел Степанович Темирязов, стольник Василий Иванович Тарбеев, стольник Тит Афанасьевич Радищев, стольник Григорий Игнатьевич Зыбин, стольник Алексей Васильевич Беклемишев, стольник Иван Никитич Шепелев, боярин Тихон Никитич Стрешнев, дому его люди Козьма да Григорий Петровы-Грибоедовы, Мещовского приказного суда подьячий Василий да Григорий Викулины дети Волженские, Иван Иванов, сын Киреев дал архимандриту Афанасию 2 рубли и келарь Варсонофий 20 алтын.

Монастырская опись 1702 года

Преемником о. Серафима был архимандрит Афанасий, управлявший Мещовской обителью с 1699 по 1707 год. Известно, что с началом единодержавия Петра совпадает ряд мер, служивших лишь началом реформ относительно монастырских имуществ, кончившихся конфискацией их в 1764 году.

Меры эти начинаются составлением подробной описи всего монастырского имущества, которую приведем в подлиннике, как первое удовлетворительное известие о состоянии обители в начале прошедшего столетия, спустя 75 лет после ее возобновления.

В 1702 году марта в 9 день по указу великого царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малая и Белая России Самодержца, описывал в Мещовске Георгиевский монастырь, и в нем:

«1. Соборная каменная церковь двухэтажная: Верхняя во имя Рождества Пресвятой Богородицы, и в ней Божие милосердие¹: двери царские с сенью, Евангелисты писаны на красках, промежду ими посеребрены, на полях кали Флемаванные, праздники, деисусы, Пророки, Праотцы, сверху Праотцев распятие на кресте, при кресте образ Пресвятой Богородицы, по другую сторону Иоанна Богослова, писаны на красках.

По правую сторону царских дверей образ Всемиловитого Спаса из облака, образ Рождества Пресвятой Богородицы. На южной двери Архидиакона Стефана. Посторон южных дверей образ Сергия Чудотворца и образ Николая чудотворца.

По левую сторону образ Пресвятой Богородицы «Предста царица», образ Георгия Стратотерпа, на северных дверях — Архидиакона Стефана; по стороне северных дверей образ Иоанна война, образ пустынных жителей Онуфрия, Петра Афонского, Макария Александрийского, Марка Фраческого.

А те святые иконы и праздники и деисусы и пророки, и праотцы во иконостасе писаны на красках. Перед местными иконы шесть лампад медных луженых.

Перед деисусы паникадило медное большое, под ним яблоко хрустальное, под ним кисть серебро с золотом, по кон-

¹ В описи 1711 года прибавлено: «о пяти глав, кресты железные, сквозные позлащены». В дальнейших примечаниях будут также указаны пояснения и добавления, взятые из описи 1711 года.

цам звездки серебряные, золоченые. За правым крылосом образ Георгия Страстотерпца, на нем венец и цата серебряные золоченые и резные, в киоте резном золоченом; в привесе крест серебрянный, денег семь алтын (медных), две деньги. Перед ним лампада медная.

Хоругвь, на ней образ Пресвятой Троицы, по другую сторону Георгия Страстотерпца, да Иоанна война, писаны на полотне, опушка камчатая рудожелтая, вириг бахрома шелковая¹. Образ Михаила Архангела, образ Николая Чудотворца, образ Алексея человека Божия со многими святыми².

В алтаре на престоле одежда с передней стороны объярь серебрянна, крест кружево мишурное, с трех сторон и сверху изорбаф травчатый.

Святое Евангелие в десть, покрыто бархатом красным, распятие и Евангелисты и защепки серебряные золоченые резные; на сподней доске средина и наугольники серебряные белые. Крест благословящий обложен серебром чеканой, другой крест обложен серебром, ветх.

Пелена отласная рудожелтая, крест объярь серебряная, опушка атлас красный, подложено киньяком зеленым. За престолом образ Пресвятой Богородицы Одигитрия, на ней венец и на превечном младенце и цата и оклад серебряной басеной, ветх, в привесе 13 алтын, на ней убрус кумачной: другой полотнян. По другую сторону образ Николая Чудотворца, на нем венец и цата серебряные золоченые басенные; лица у Богородицы и Николая письмо гораздо ветхо.

Образ Пресвятой Богородицы «Умиления», в привесе денег 7 алтын 2 деньги; по другую сторону образ Николая Чудотворца, писаны на красках.

На жертвеннике одежда тавтяная желтая, сосуды лжицы, звезда, серебряные вызолочены³, воздух и два покрова объярь серебряная с травы золотыми, кресты голун серебряной, около кружево серебряное плетеное с города подложены киндяком красным.

Пелена алая атласная, крест кружево золотное опушка атлас красный подложена кандьяком. Над жертвенником образ Пресвятой Богородицы Тихвинская оклад серебряной вызолочен басенной, венец серебрянный с репьями. У царских дверей завес киндячный.

¹ Другая хоругвь, на ней образ Георгия, по другую сторону преподобных, Власия да Антония, опушена камкой рудожелтой двоеличной и бахромой шелковой: а те обе хоругви вклада боярина Федора Авраамовича сына его Авраама Федоровича Лопухиньх.

² Вклад боярина Стефана Лукьяновича Стрешнева.

³ Вклады боярина князя Ивана Борисовича Троекурова.

Образ Пресвятой Богородицы «Знамение», на ней венец и риза и оклад и на святителях четыре венца серебряные золоченые чеканные, под ним и ожерелье и зарукавья жемчуга мелкого, на стварех три венца, в том числе на одном 12 жемчужин.

Штилистовых 11 икон, в том числе одна осмилистовая, на образе Пречистой Богородицы оклад и венец серебряный, образ Николая Чудотворца штилистовой, на ней венец и оклад серебряные золоченые, образ Георгия Стратотерпца, на нем два венца малые серебряные ветхи. Двери царские ветхие.

Кадило и чеши серебряные местами золочено, да ковш серебряной¹, другое кадило, чаша водосвятная да сковородка медная.

2. В нижней теплой церкви во имя Георгия Стратотерпца, Божие милосердие: царские двери с сенью, и Евангелисты и деисусы писаны на красках. По правую сторону царских дверей образ всемилостивого Спаса, образ Рождества Богородицы, на нем два венца серебряные, ожерелья, мелкого жемчугу, на южных дверях животворящий крест, писаны на красках.

По левую сторону царских дверей Всемилостивого Спаса, образ Пресвятой Богородицы Одигитрия, образ Георгия Стратотерпца, на северной двери образ архидиакона Стефана, а те святые иконы все писаны на красках, под ними пелены киндячные².

Перед местными иконами четыре лампы медные перед деисусом паникадило медное малое, подсвешник жестяной.

В алтаре на престоле одежда кумачная красная, крест китайки белой. Святое Евангелие в десть, покрыто бархатом красным, распятие и Евангелисты серебряные, крест благословящий обложен серебром, ветх; воздух да два покрывца атласные красные, кресты шиты серебром, опушены атласом зеленым, по опушке плетешек серебряной, подложены киндяком.

Пелена выбойка крашенинная, крест кумачной красный, подложена холстиною. На жертвенник, одежда выбойка

¹ В описи 1711 года значится по правую сторону царских дверей образ Спасов поясной, образ Георгия Стратотерпца, на южной двери дякона Филиппа, около двери образ Николая Чудотворца.

² В описи 1711 года значится по левую сторону царских дверей, образ Пресвятой Богородицы «Одигитрия», образ трех святителей, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого на северной двери образ архидиакона Стефана, около двери образ Преподобного Саввы освященного; написаны все те иконы на красках, ризы прописаны золотом и серебром.

кумачная. Сосуд и звезда серебряные, лжица медная, подсвешники жестяной, да два средних. Над жертвенником образ «Знамение» Богородицы.

Над царскими дверьми образ Пресвятой Богородицы «Умиление», венец серебряный, ветх; два кадила медных, укропник, кунганец, чаша водосвятная малая, ковш — медные, блюдо, два стаканца, что на всенощном ставят вино и масло. В трапезе деисусы, образ Николая Чудотворца».

В ризнице:

Шапка архимандричья, на ней девять мест, деисусов, девять мест Херувим и Серафимов, сверху середина, а на ней образ, живоначальной Троицы, внизу обруч — серебряные вызлачены, между плащей и около середины и обруча вынизано, средним жемчугом, между жемчугу 31 камень простых, в местах серебряных, подложена атласом алым, опушена горностаем¹.

Другая шапка шиты лица, золотом и сребром: Спасов образ и Пресвятой Богородицы, Иоанна Предтечи, деисусы, Херувимы и Серафимы, сверху образ Пресвятой Троицы, подложена камкою, опушена горностаем.

Ризы:

1. Ризы изорбаф золотный вместо оплечья кружево золотное с города, крест и звезда тафта красная, около креста и звезды плетешек золотный, подложены дорогами красными, опушена дорогами красными ж, по дорогам тож кружево золотно плетеное².

2. Ризы объярь серебряная, оплечья и крест и звезда шиты по бархату по красному золотом и серебром, около оплечья плетешок золотный, опушка атлас красный, подложены крашениною.

3. Ризы объярь серебряные, оплечья, крест и звезда по бархату черному шито золотом и серебром, опушка атлас зеленой, подложены крашениною.

4. Ризы объярь серебряная, оплечья и крест и звезда шито по черному бархату золотом и серебром, опушка атлас желтый, подложены крашениною³.

¹ Шапка арх. вклад боярина Петра Аврамовича Лопухина Меньшова.

² А те ризы жалованья великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, великия и малыя и белыя России Самодержцев.

³ А те две ризы вклад боярина Федора Аврамовича и сына его Авраама Федоровича Лопухиных.

5. Ризы изорбаф травчатый, оплечья шито по черному бархату золотом и серебром, крест участок золотный, звезда и опушка камка желтая, подложены крашениною¹.

6. Ризы изорбаф травчатый, оплечья, крест и звезда бархат рыт, опушка тафта желтая, подложены крашениною².

7. Ризы участок серебряной с травы золотными, оплечья, крест и звезда бархат золотный, опушка атлас жаркой, подложены крашениною ветхи³.

8. Ризы атлас жаркой, оплечья участок золотный, крест шит по атласу, звезда того ж оплечья, опушки атлас белой, подложены крашениною⁴.

9. Ризы атласные желтые, оплечья, крест и звезда обьярь серебряная, опушка тафта красная, подложены крашениною⁵.

10. Ризы атласная желтая, оплечья шито по бархату красному, крест и звезда бархат серебрян, опушка тафта красная, подложены крашениною⁶.

11. Ризы камчатная таусинная, оплечья участок золотный, крест и звезда бархат красный, опушка тафта полосатая, подложены крашениною.

12. Ризы камчатные желтые, оплечья и крест и звезда бархат рытой зеленой, опушка атлас зеленой, подложены крашениною.

13. Ризы байберек черной, оплечья и крест и звезда бархат рудожелтый рыт, опушка тафта двоеличная, подложены крашениною.

14. Ризы камчатые пенковые, оплечья, крест и звезда бархат красный, опушены киндяком, подложены крашениною.

15. Ризы китайчатая зеленая, оплечья кумак красный, крест и звезда крашенина желтая, опушка киндяная, подложены портениною.

16. Ризы зенделен зеленой, оплечья, крест и звезда участок золотный, опушка зенделеная, подложены выбойкою крашениною.

Подризники:

Подризник тафтяной желтый, оплечья и крест и на рукавах опушка камка лимонная, опушена тафтою желтою.

¹ Вклад боярина Петра Аврамовича Лопухина Большова.

² Вклад боярина Никиты Константиновича Стрешнева.

³ Вклад боярина Ивана Федоровича Стрешнева.

⁴ Вклад Ивана Васильевича Чебышева.

⁵ Вклад Ивана Ивановича Беклемишева.

⁶ Вклад Ивана Ивановича Беклемишева.

Подризник тафтяной красный, оплечья и зарукавья опушка камка травчатая, опушены тесмою полосатою, подложен крашениною.

Подризник выбойчатой крашенинной.

Подризник полотняной.

Епитрахили:

Епитрахиль шита по атласу золотом и серебром, вместо опушки плетешек серебряной, десять кистей шелк с золотом, ворворки серебряная и золотная, одиннадцать пуговиц медных¹. Епитрахиль атлас красный с травы золотыми и серебряными, кресты и опушка атлас белой.

Епитрахиль участок серебрян с травы золотными, кресты и опушка кружево кованое золотное, пять кистей шелк с золотом и серебром.

Епитрахиль изорбаф серебряной с травы, крест и опушка атлас красный, четыре кисти шелковых, девять пуговиц хрустальных.

Епитрахиль изорбаф серебряной травчат, кресты атласные жеркие, опушка атлас зеленый, семь кистей шелковых, шесть пуговиц хрустальных.

Епитрахиль бархат рыт зеленый, кресты мешурные, опушка атлас желтый, семь кистей шелковых.

Епитрахиль объярь серебряная, кресты и опушка атлас желт. Четыре епитрахили участок золотный, в том числе на одной кресты мишурные, пять пуговиц хрустальных, на двух кресты атласные зеленые, опушки атласная зеленая, на четвертой кресты камчатые зеленые, опушка кумачная зеленая, подложены крашениною.

Епитрахиль атласная желтая, кресты объяринные, опушка атласная красная, девять пуговиц серебряных золоченых, пять кистей шелковых.

Епитрахиль изорбаф травчатый, 11 пуговица медных, опушка камка желтая, пять кистей шелковых.

Епитрахиль бархатная черная, кресты выбойчатые, опушка атлас зеленый, семь пуговиц хрустальных.

Епитрахиль бархат черный, кресты бархат золотный, опушка атласная красная.

Епитрахиль бархатная черная, кресты и опушка атласная алые, подложены крашениною.

Пояса:

Четыре пояса шелковых с кистями шелковыми, пятой нитной.

¹ Вклад боярина Федора Аврамовича Лопухина.

Поручи:

Поручи шиты золотом и серебром по зеленому атласу, десять пуговиц серебряных, опушка объяринная красная.

Поручи атлас червчетой, травы золотная, кресты камка желтая, опушка камка дымчатая, семь пуговиц медных.

Поручи шиты по бархату черному золотом и серебром, кресты кружево мишурное, опушка атлас желтый, десять пуговиц медных.

Трои поручи бархат красный с травы золотными, кресты и опушка тафта красная, двадцать пуговиц медных, ветхи.

Поручи участок серебряной с травы золотными, кресты и опушка кружево золотное, подложены киндяком.

Поручи объярь серебряная, кресты и опушка атлас красный.

Поручи атлас соломенной, кресты объярь серебряная, опушка атлас красный, восемь пуговиц серебряных.

Поручи шиты по красному атласу золотом и серебром, кресты атлас желтый, опушка тафта желтая, ветхи.

Двои поручи кумачныя красныя, кресты и опушка крашенная.

Поручи бархатныя черныя, кресты объярь белая, опушка камка желтая, десять пуговиц оловянных, подложены крашениною.

Набедренники:

Набедренник камка песочная, на нем по тафте, шито золотом и серебром, бахрама золотная, подложен тафтою красною.

Набедренник атласный зеленой, на нем в двух местах изорбаф цветной, бахрама золотная, подложен китайкою¹.

Стихари:

Стихарь объярь серебряная, вместо оплечья кружево плетеное золотное с городы по красный тафте, крест тафтяной красный, обложен плетешком золотным, пуговица серебряная, опушка тафтяная красная, по тафте кружево золотное с городы, подложен тафтою красною².

Стихарь изорбафной красный с травы золотными, оплечья и зарукавья изорбаф серебряной с травы, крест шит по бархату черному, опушка бархат травчатый белой.

Стихарь объярь серебряная, оплечья и крест шито по бархату черному, на рукавах кружево мишурное, опушка атлас желтый, подложен крашениною.

¹ Вклад боярина Федора Аврамовича и сына его Авраама Федоровича Лопухиных.

² Вклад боярина Тихона Никитича Стрешнева.

Стихарь тафтяной красный с травы золотными, вместо оплечья, и на рукавах и около подола кружево золотное, крест атлас красный, обложен плетешком золотным, подложен киндяком.

Стихарь тафтяной красный, вместо оплечья, и крест и около рукавов кружево плетеное золото с серебром¹.

Стихарь атласный желтый, оплечья объярь серебряная, крест мишурной, опушка атлас полосатой, ветх.

Стихарь камчатый белой, оплечья и крест участок золотный, опушка тафта зеленая.

Стихарь изорбаф с золотом насыпным, оплечья бархат серебряной, крест атлас желтый, опушка тафта зеленая.

Стихарь тафтяной полосатой, оплечья атлас желтый, вместо опушки кружево мишурное, ветх.

Стихарь тафтяной двуличной, оплечья и крест бархат зеленой с травы красными, опушка тафта зеленая, подложен крашениною.

Стихарь крашенинной лазоревой, оплечья выбойка бумажная, крест мишурной, опушка кумач зеленой.

Стихарь крашенинной черной, оплечья, и крест и опушка крашенинная.

Орари:

Арарь шит золотом и серебром по зеленому атласу с блески, кресты шиты серебром, шесть кистей шелковых.

Арарь — голун клетчетой полосатой, полосы златная, кресты — голун серебряной, вокруг кружево золото с серебром немецкое, шесть кистей серебро с золотом, подложен киндяком.

Арарь атлас золотный, кресты участок серебряной, опушка тафта зеленая.

Арарь бархат серебряной, кресты и опушка атлас соломенной.

Арарь атласный рудожелтый, кресты тафтяные желтые, опушка атласная зеленая.

Арарь объярь красная, голун мишурной и опушка атлас осиновой.

Воздухи и покровцы:

Воздух атласный желтый, крест объярь серебряная, опушка атлас красный, два покрыва атласные жаркие, кресты объярь серебряная, опушка атлас красный, подложены тафтою жаркою.

Воздух и два покрыва золотные с травы, кресты кружево серебряное, опушены камкою зеленою, подложены крашениною.

¹ Вклад Ивана Ивановича Волкова.

Пелены:

Пелена изорбаф полосатой, полосы серебрянные и золотые с травы, кресты кружево мишурное, подложена тафтою красною, четыре кисти золотных.

Пелена атласная красная, крест и слова шиты золотом и серебром, опушка атлас соломенной, одиннадцать кистей золото с шелком, подложена крашениною.

Пелена объярь серебряная, опушка атласная желтая, подложена крашениною.

Пелена атласная соломенная, крест объярь серебряная, опушка тафта красная, подложена крашениною.

Два убруса киндячные, по концам пестредь, опушка кружево мишурное, ширинка тафтяная белая, шита золотом и серебром и шелком, бахрома золотная, четыре ширинки полотняная, шиты шелком, бахрома шелковая.

Книги:

Устав, два Апостола, Октай, общая Минея, двенадцать месячных Миней¹, две Триоди — постная да цветная², четыре Трефолоя старопечатных, два Ирмология, два Канонника, новая Псалтирь со возследованием, другая малая, Требник большой новоисправной, другой старопечатной, два Служебника новой печати, да три Служебника ветхие, Часослов малой, Евангелие воскресное толковое, Евангелие толковое повседневное, два Пролога в год старопечатных, да два Пролога в год новых по обрезу золоченых, обед духовной, Маргарит Ефрема Сирина, Лествечник, труба, житие Саввы Сторожевского. Да в ризнице ж два сундука да под головою с письмами.

А по сказке Архимандрита Афанасия: «С 200 года монастырю и церквам Божиим, и ризнице описных книг нет, а он Архимандрит Афанасий в том монастыре во Архимандритах с прошлаго 207 году, и по указу Преосвященнаго Тихона, Митрополита Сарского и Подонского, и по грамоте из Казеннаго Приказу за приписью Дьяка Ивана Зиновьева тот Георгиевской монастырь на него Архимандрита Афанасия описывал Юхнова монастыря строитель иеродиакон Трифиллий и те описная книги послал к Москве на Крутица в Казенной Приказ; а прежь сего был в том монастыре Архимандрит Серафим, и тот Архимандрит в том монастыре умре, а были ль у него описная книги или нет, того он Архимандрит Афанасий не ведает, а что ныне в ризнице у переписки завелось два

¹ Вклад боярина Федора Аврамовича и сына его Авраама Федоровича Лопухиных.

² Вклад боярина Тихона Никитича Стрешнева

сундука да подголовков с письмами за печатью, и те сундуки и подголовков в прошлом 1701 году постановил на сбережение Иван Иванов сын Волков и нынешняго ж 1702 году марта в 9 день, по указу Великого государя и по грамоте из Монастырского Приказу, приезжал в Георгиевской монастырь Семен Андреянов сын Миленин, и те сундуки и подголовков с письмами за Ивановою печатью Волкова взял у него Архимандрита Афанасия с распискою; та сказка за рукою Архимандрита Афанасия в столпу».

В Монастырской казне грамоты великих государей.

Грамота великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и великия государыни царевны и великия княжны Софии Алексеевны, всея великия и малая и белая России Самодержцев, в Серпейской уезд в околородной стан, в вотчину Георгиевского монастыря, что в Мещоску, в деревню Маклакову да в деревню Иванкову на пустошь Кривую, на половину пустоши Сузема, что преж сего те деревни и пустоши были в вотчину за Николаевским монастырем, что был в Серпейску па посаде, и во 195 году июня в 10 день те монастырския Николаевския деревни и пустоши по указу великих государей именному велено приписать к вотчинам Георгиевского монастыря, что в Мещоску, за приписью Дьяка Семена Васильева. 195 году.

Грамота великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и великия государыни, благовверная царевны и великия княжны Софии Алексеевны, всея великия и малая и белая России Самодержцев, в прошлом во 195 году (1687) по именному великого государя указу и по докладной выписки даны, им в вотчинная деревни бывшаго Николаевского монастыря, что был в Серпейску на посаде, деревня Маклакова да деревня Иванкова с пустоши, с пашнею и лесы, и с сенными покосы и со всеми угоды по писцовым книгам, что владел теми деревнями города Серпейска Николаевской поп Лев Алексеев, за приписью Дьяка Онисима Невежина 197 году.

Грамота великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея великия и малая и белая России Самодержцев, в Мещоской уезд, в околородной стан, в пустошь Михайловскую, Ивашенцево тож; по одну сторону речки Серебренки, что та пустошь преж сего была в поместье за Романом Аристарховым сыном, да за сыном его Никитою Яковлевым, что они променяли в Егорьевской монастырь в вотчину со всеми угоды, за приписью Дьяка Дмитрия Федорова 197 года.

Грамота великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великия государыни, благоверная царевны и великия княжны Софьи Алексеевны, всея великия и малая и белая России Самодержцев, что дана в Георгиевской монастырь безоброчная из Приказу малая России на свечи и на ладан и на вино церковное и братьи на одежду, на мельницу, что под городом на речки Турейки, за приписью Дьяка Бориса Михайлова.

Грамота великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малая и белая России Самодержцев, что на речки на Турейки в мельничном пруду не велеть градским и уездным людем рыбы ловить, а ловить рыбу из того пруда в монастырь, за приписью Дьяка Андрея Власова.

201 года марта 12 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малая и белая России Самодержцев, воевода Василей большой Иванов, сын Коротнев, дал с дела выпись города Мещоска Георгиева монастыря Архимандриту Серафиму с братьею на беглых их приводных — монастырскую крестьянку Макринку Иванову, жену Прокофьева, с детьми и с невестки и со внучаты и с животы, которые жили в бегах за Герасимом Самойловым, сыном Дехоновым, и отданы ему Архимандриту с братьею по прежнему во крестьянство за монастырь; за рукою воеводы Василья большого Коротнева.

Запись на Василья Иванова, сына Шигаева, что он дал Георгиевского монастыря Архимандриту Серафиму с братьею и том, что в прошлых годех бежала их монастырская крестьянка, женка Мещоского уезду деревни Крутиц, Палашка Стефанова, дочь Никитинская жена и бегая вышла за муж в Мещоском уезде деревни Паршиной за крестьянина за Проньку Назарова; за рукою Василья Шигаева 201 году.

Память на Матфея Иванова, сына Шишкова, в том, что в прошлом 207 году августа в 3 день, в поместном Приказе, беглые — задворной ево человек Васька Семенов, да крестьянин Агейка Григорьев, в распросе сказали, что де, от него бегаючи, жили в Мещоском уезде за Егорьевским монастырем и о пожилых годах, и о проестях и волоките, и жене ево и детем, на него Архимандрита Афанасия с братиею и кто по них в том монастыре будет, великому государю не бить челом; за рукою Матвея Шишкова.

Взяты у казначея иеродьякона Феофана приходная и расходная книги за 208 (1700) год по нынешней 1702 год за рукою иеромонаха Аарона.

Взята сказка у казначея иеродьякона Феофана, что под городом Мещоском на речки Турейки мельница, а в ней двои жерновы, а собирается с нея тридцать два рубли, а иные годы и меньши да в монастырской вотчине в селе Клетине на речки Ужите мельница, а в ней двои жерновы, собирается с нея в год по четырнатцати рублей, да на той же мельнице мелют про монастырской обиход всякого хлеба по двести четвертей и по пятидесяти чети, да в деревне Староселье мельница на речки на Ужете, а в ней одне жерновы, собирается в год денег по шести рублей с полтиною, и то все явно в монастырских приходных книгах, а с 203 года по 208 год приходная и расходная книги взяты к Москве на Крутицы по указу Пресвященнаго Тихона, Митрополита Сарского и Подонского, в казенной Приказ. Оприч тово за монастырем оброчных пустошей, и сенных покосов, и мельниц, и рыбных ловель, и борных угодий, и бобровых гон, и в монастырской казне золотых, и ефимков, и денег, и золотой, и серебряной посуды, и воинского ружья, свинцу, пороху ничего нет; и великого государя денежнаго и хлебнаго платежей на Москве и в городех, на монастыре и на вотчине, никоторые годы, ни в которые Приказы и кабальных и безкабальных долгов, и их монастырского долгу ни на ком нет: та сказка за рукою иеромонаха Аарона в столпу.

В монастыре медной посуды в котлах, в противне, тридцать пять фунтов.

Оловянной посуды в блюдах, в тарелех, в стаканах, в кружках 1 пуд. 30 фун., в винном котле с трубою тридцать фунтов, запечатан и отдан беречь казначею иеродьякону Феофану с роспискою; та росписка за рукою иеромонаха Аарона в столпу.

В монастыре братии.
Архимандрит Афанасий
Келарь старец Варсонофий
Казначей иеродиакон Феофан
Иеромонах Феодосий
Иеромонах Аарон
Иеромонах Питирим
Иеродиакон Пахомий
Иеродиакон Леонид
Головщик старец Кирилл

Головщик старец Феодор
 Канонарх старец Епифаний
 Канонарх старец Иларион
 Пономарь старец Пафнутий
 Просвиряк старец Иосаф
 Огороденной старец Уар
 Чашник старец Трифиллий
 Подкерарщик старец Александр
 Конюшей старец Ипполит
 Полевой старец Герман
 Хлебник старец Архипий
 Житенной старец Филарет
 Воротник старец Ефрем
 Мельничной старец Геннадий
 Часовик старец Антоний
 Садовник старец Арсений
 Гуменной старец Константин

В монастыре же.

Архимандриту Афанасию да келарю старцу Варсонофию с братьею указ великого государя сказан запискою, чтоб они из того монастыря были не изходны и из иных монастырей никого монахов к себе не принимали, а монастырския ворота были всегда запираемы, а которые монахи посланы будут из монастыря для каких монастырских дел с повеления того монастыря властей, и им властям давать за своими руками и за монастырскими печатями письма; а в трапезе б учинили для письма определенное место, и монахи б в кельях у себя никаких писем не писали и чернили бумаги не держали, а буде каковы ради нужды кто восхощет что писать, и то с повеления в трапезе явно, а не тайно; в монастыре ж крылашеном и конархистом велеть быть монахом, а бельцов крылашен и дьячков, и келейников, и монашеских свойственников из монастыря выслал вон в прежния места, кто откуда пришел; у властей велел быть келейником бельцом по одному человеку престарелым, а с помещики и с вотчинники жилыми и пустыми землями до указу великого государя не меняли и никаких сделок не чинили, а что будет взято с вотчин по окладу оброчных денег на нынешней 1702 год и на прошлые годы из доимки, и они б тех денег ни на какия расходы без указу великого государя из монастырского Приказу не держали, и в займы никому не давали и сами ни у кого ни на какия монастырския расходы денег иного ничего не занимали; вам до указу великого государя на монастырь вина не курить.

В монастыре ж хоромнаго строения: архимандричья келья двойня с сеньми, сверху келей за задней кельей вверху ке-

лья ж да чердак крыты тесом, пять келий братских с сеньми ж крыты дранью, ледник крыт тесом, сарай крыт лубьем.

Четыре житницы крыты дранью.

А по сказке житенного старца Филарета, в тех монастырских житницах молоченаго хлеба — ржи 90 чети, пшеницы 9 чети с осьминою, гречи 30 чети; а приходных и расходных книг с 203 году нет, и преж сего не бывало; та сказка за рукою.

Круг монастыря мера: — святые ворота створчатые с калиткою, на воротех деисусы писаны на красках, сверху ворот взруб деревяной, крыто черепицею, ворота мерою три сажени, от Святых ворот до угла, что к Мещоску, 28 сажен с аршином, от угла до проезжих ворот десять сажен с аршином, ворота створчатые крыты тесом, ворота мерою сажень с аршином, от ворот до угла 44 сажени два аршина, от угла до угла 61 сажень, от угла до угла до конюшенного двора 53 сажени, от угла до святых ворот 28 сажен, ограда деревяная в столбы забор, и всего 229 сажен два аршина.

К той же монастырской огради приделан конюшенной двор и скотной, на нем строения: келья черная с сеньми да изба, вокруг двора сарай; на том дворе лошадей: мерин солов., грива налево, во лбу звезда чалинка, леты сросла.

Мерин сер., грива налево, со отметом, отмет от ушей, леты сросла.

Мерин сер., грива направо, тринатцати лет.

Мерин гнед., грива на обе стороны, леты сросла.

Мерин игрен., грива налево с отметом, отмет от ушей (правое ухо резано), леты сросла.

Мерин соврас., грива налево, с отметом, отмет от ушей, леты сросла.

Мерин сер., грива налево, с отметом, отмет от ушей, десяти лет.

Мерин чал., грива налево, на задней на левой ноге тавро, 7 лет.

Мерин солов., грива направо, леты сросла.

Мерин сер., грива направо с отметом, отмет от ушей, правое ухо резано.

Скотины 7 коров старых, 4 подтелка, бык дву лет, 21 овца старых и молодых.

В подмонастырской слободке работников: квасовар Петрушка Кузмин, принят в квасовары в прошлом 1700 году, того монастыря квасоваров сын, у него брат родной Панкращка; дается им в год отсыпного всякого хлеба по десяти четвертей.

Водовоз Якушка Карпов принят в водовозы в 200 году, того ж монастыря водовозов сын; дается ему в год отсыпного хлеба всякого десять чети.

Монастырская мельница на р. Турея у Мещовска

Хлебенной трудник Федоска Пахомов, родом он полской породы, принят он в монастырь лет с двадцать; денежного ему жалованья по два рубли.

Да под городом Мещоском на речке на Турейке монастырская мельница, а в ней двои жернова со всяким мельничным строением, подле той мельницы двор мельничной, на дворе келья с сенми; на приезд помельщиков изба, круг двора сарай, крыты соломою.

В 1702 году сентября 29 по царскому указу архимандрит Афанасий слушал указ, данный из Монастырского приказа, о драгунских лошадях, о присылке к Москве. По осмотре патриаршего дома дворянина Василия Денисова Владыкина оказалось в Георгиевском Мещовском монастыре восемь езжалых работных ногайских и русских лошадей, из которых выбран им, под драгунов, конь чал.

А в 1705 году по царскому указу из Монастырского приказа велено все монастырские мельницы переоброчить и оброк платить в Канцелярию мельничного сбора. По отписке из Мещовска от воеводы Ермолая Беклемишева с трех оброчных монастырских мельниц — на 1704 год в платеже 14 рублей, 11 алтын, 2 деньги; печатных 1 рубль, 1 алтын, 2 деньги; с челобитья

16 алтын, 2 деньги, — было челобитье от архимандрита Афанасия с братией, но, видно, челобитье это осталось без удовлетворения; ибо еще в 1715 году встречаем квитанцию во взносе оброчных денег за 1715 и 1720 годы следующего содержания:

«1715 года ноября 20 дня, по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея великия и малая и белая России Самодержца, и по приказу Лантрата Ивана Андреевича Яковлева, да комиссара Григория Семеновича Богданова взято в Его великого государя казну в Канцелярии Мещовской провинции нынешней 715 год Мещоского уезду Георгиевского монастыря с мельницы, что на речки Турейки, двадцать два рубли пять денег; с мельницы того ж монастыря, что в селе Клетине на речке Ужети, девятнадцать рублей, девять алтын полпята деньги; с мельницы, что в деревне Старосельи в верховье речки Ужети, пять рублей двадцать семь алтын полпята деньги; платил деньги того монастыря староста деревни Овсянниковой Федосей Лазарев, и те деньги в приеме Подьячего Василья Онисимова.

Григорий Богданов.

Справил Василий Онисимов».

Настоятельство отца Серапиона с 1707 по 1711 год

В его настоятельство достроены каменные Святые ворота с церковью на них во имя «Вознесения Господня», как значится в описной книге, правлением и тщанием всечестного отца архимандрита Серапиона и подаянием боголюбивых вкладчиков. Так:

«1. Боярин Тихон Никитич Стрешнев дал денег 12 рублей.

2. Боярин Федор Аврамович Лопухин по стольнике Андрее Яковлевиче Радичеве дал 10 рублей.

3. Стольник Иван Иванович Беклемищев — 5 рублей,

Стефан Симеонович Ергольский — 5 руб.,

Стольник Потап Михайлович Дурново — 1 руб.,

Архимандрита Серапион, тщатель строения — 50 руб.,

иеродиакон Никанор — 10 рублей».

В 1711 году, между смертью архимандрита Серапиона и назначением нового настоятеля, ведомости подавали келарь старец Варсонофий и казначей иеродиакон Феофан.

В 1711 же году в августе месяце по царскому указу из Смоленска, за подписью губернатора Петра Самойловича Салтыкова, «в Мещовском в Георгиевском монастыре перед стольником и воеводою Семеном Петровичем Чичериным того монастыря келарь монах Варсонофий да казначей иеродиакон Феофан сказали по иначескому своему обещанию в том Георгиевском монастыре церковь Божию и церковное имущество и колоколы какие по описи». В наказе этой сказки прибавлено: «и трудники монастырские и крестьянские написаны без утайки в 1710 году, а будет они сказали ложно и за то по указу великого государя быть им в жестоком истязании»...

Из сравнения этой описи с первою монастырскою описью 1702 года видно, что в промежуток их произошли некоторые прибавления в различных вещах; означены имена вкладчиков более ценных вещей, чем мы воспользовались в первой описи; наконец показаны:

«1. Колокольня каменная, на ней шесть колоколов, вклад боярина Лукьяна Стефановича и боярина Тихона Никитича Стрешневых.

Да к той же колокольне приделано; часовня каменная, на ней часы боевые, длина трех аршин, ширина аршин, высота двух аршин.

2. Святые ворота каменные, на воротех церковь каменная во имя «Вознесения Господня», об одной главе, крест зеленой железной, местами позолочен».

Из вышесказанного надо заключить, что колокольня, которая не упоминается в описи 1702 года, достроена после составления описи, вероятно, или пропущена; ибо мы видели пожертвования на нее еще в 169 ... годах. Святые же ворота с каменной на них церковь построены при архимандрите Серапионе с 1708 по 1709 год. Братий по этой описи показано 30 человек:

Архимандрит Афанасий (на покое).

Келарь монах Варсонофий.

Казначей иеродиакон Феофан.

5 иеромонахов,

5 иеродиаконов,

17 монахов.

В старшей братии против описи 1702 года выбыло: иеромонахи Феодосий, Питирим и иеродиакон Леонид; прибыло: один иеромонах и четыре иеродиакона; иеродиакон Пахомий посвящен в иеромонаха, канонарх Епифаний в иеродиакона.

Настоятельство Феофана от 1711 по 1731 год

Архимандрит Феофан продолжал начатое его предшественниками устройство монастыря; так, во вкладной книге записано, что при нем с 1713 года началась каменная ограда с бойницами и кельи, «у дву стенах» кельи и башни с шатровыми верхами.

Как и прежде соседние помещики и всякого чина люди, светские и духовные, содействовали сему предприятию своими пожертвованиями:

- Леонтий Романович Яковлев дал вкладу 20 рублей,
- Иван Чебышев 30 рублей, Иван Акимович Сенявин — 50 рублей,
- архимандрит Феофан по отце своем монахе Елисее — 20 рублей да 20 пуд железа,
- иеродиакон Сергей по отце своем иеромонахе Авраамии 50 рублей,
- Потап Михайлович, а во иноцех Пафнутий, — 15 рублей,
- Боровского монастыря строитель Трифиллий — 10 рублей,
- по Симеоне Игнатьев сыне Протасове — 5 рублей,
- монах Пафнутий, постриженник сего монастыря, — 5 рублей;
- в 1720 году Василий Петрович Камынин дал вкладу на оградное строение не молоченой ржи 100 копнен, и вымолочено 70 четвертей с осьминою, продана, и взято денег 45 рублей 30 алтын;
- по Стефане Никитиче Шепелеве дано два возника, а те возники проданы, и взято 118 рублей.

Далее во вкладной книге записано:

«В 1724 году июля в 22 день Леонид, архиепископ Крутицкий, дал в Георгиевской монастырь в поминовение родителей; дал сто рублей.

- Петровского высокого монастыря архимандрит Сергей на поминовение родителей своих — 50 рублей.
- Синодального дому иеромонах Арсений — 50 рублей.
- Дому Крутицкого архиерея ризничей, иеродиакон Герман — 5 рублей.
- Дому Его Преосвященства казначей, иеромонах Кирилл — 2 рубли.

- Его Преосвященства домово́й канцелярии канцелярист Савва Ильин — 2 руб.
 - Его Преосвященства дому Поддьяк Борис Семенов — 2 рубли.
 - В Костроме Ипацкого монастыря Архимандрит Серапион — 50 рублей.
 - Антоний Архимандрит Златоустовский — 10 рублей.
 - Мельхиседек Архимандрит — 5 рублей.
 - Новоспасского монастыря чернец Герасим — 16 алтын 4 деньги.
 - Алексей Архимандрит Горицкого монастыря — 30 руб.
 - Церкви Пророка Илии, что на Воронцовом поле, иерей Иоанн Кирилов — 1 рубль.
 - Дому Его Преосвященства канцелярии Иван Кондратов — 1 рубль.
 - Макарий Крестовоздвиженский — 10 рублей.
 - Бурнашев Филарет — 3 рубли.
 - Дому Его Императорского Величества Стряпчий Стефан Козмицкой — 2 руб.
 - Иерей Петр Меркульев — 2 рубли.
 - Дому графа Гаврилы Ивановича Головкина управитель, Семен Дмитриев Смирягин — 10 рублей».
- Итого 330 руб. 16 алтын 4 деньга»¹.

В 1728 году преосвященный Леонид к прежнему своему вкладу (100 руб.) дал еще 200 рублей на каменную ограду, «да трои ризы, три стихаря, все белые камчатые, оплечья материи красный с травы золотыми и шелковыми, подолыники из шелку полосчатые, для поминовения родителей своих. По описи: Леонид грешный, Архиепископ Крутицкий, для уверения подписался своеручно.

В 1731 году Леонид Архиепископ Крутицкой дал сто рублей».

Таким образом один преосвященный Леонид пожертвовал на это дело, предпринятое Феофаном, одновременно 400 рублей. Эту щедрость и особое внимание преосвященного к Мещовскому Георгиевскому монастырю мы объясняем тем, что преосвященный Леонид был, во-первых, уроженец одного из сел Мещовского уезда (как можно заключить из его вклада), а во-вто-

¹ Сумма в тогдaшнее время весьма достаточная.

рых, постриженец сего монастыря. В описи 1702 года значатся иеродиаконы: Леонид и Пахомий; в описи же 1711 года Леонида уже нет, а Пахомий значится иеромонахом; а во вкладной книге под 1728 годом читаем: «*дому Крутицкого Архиеерея судия Архимандрит Пахомий Блистанов на строение ограды дал вкладу денег сто рублей, для поминовения родителей своих*»; этот же самый Пахомий после смерти отца архимандрита Феофана в мае месяце 1731 года занял его место. Внимание преосвященного Леонида к обители в его управление продолжалось, как увидим ниже, по-прежнему. Двадцатилетнее настоятельство отца Феофана было довольно тревожно по отношению к монастырским вотчинным делам; отнеся описание хозяйственного состояния этих вотчин к особой главе, мы упомянем здесь о тех беспокойствах Мещовской Георгиевской обители, источником которых было для монастырей владение вотчинами, в особенности в течение первой четверти прошедшего столетия. Так, еще в 1710 году при архимандрите Серапионе началось неприятное для монастыря дело по челобитью управляющего вотчиной стольника Ивана Родионовича Стрешнева на монастырских слободских служебников — повара, конюха, хлебника, квасовара из крестьян, на которых пало подозрение в убийстве крестьянина его, Стрешнева, Гаврилы Кондратьева. По указу из Смоленска за приписью дьяка Ивана Граматина, дело производилось сначала в Мосальске у воеводы Степана Румянцева; а в 1711 году, по челобитью Георгиевского монастыря властей, оно было перенесено в Серпейскую воеводскую канцелярию; чем оно кончилось, неизвестно, но в монастырском архиве сохранился черновой отпуск письма архимандрита Серапиона к боярину Тихону Никитичу Стрешневу с просьбою об ограждении святой обители от беспокойства по данному делу.

«Государю, милостивому нашему вкладчику, боярину Тихону Никитичу города Мещоска Георгиевского монастыря Архимандрит Серапион с братиею Бога моля и челом бьет. Подай тебе Господи многолетное здравие и душевное спасение и буди покровен от всешедраго Бога превысшею десницею Его, да слезно тебе государю доносим и просим: в нынешем 710 году в ноябре месяце Ивана Родионовича Стрешнева человек ево Алексей Рубцов из Смоленска указ государев подал в Мосальску воеводе Степану Семенову сыну Румянцеву,

наших монастырских служебников будто во убивственном деле крестьянина Гаврила Кандратьева, которой между двор волачивался и хром, и по тому челобитью из Мосальска Подъячей и с ним тот человек Алексей Рубцов и разных деревень Ивана Родионовича крестьяне человек со ста или больши были к нам в монастырь и слободку и взяли у келаря сказку в поставке тех служебников, а их и ставить не довелось для того, что он Алексей посторонняго свидетельства в челобитье не написал, а написал своих свидетелей притчинных Микифора Юпиченка да Якова Митрофанова, на которых у нас в грабеже и бою и в рыбной ловли в воровстве челобитье в Мещоску есть, хотя нас изволочить напрасно. Милостивой государь, боярин Тихон Никитичь пожалуй нас бедных, вели отписать к тому человеку Алексею Рубцову и к воеводе Степану Румянцеву, чтоб нам в разорении не быть напрасно, а обитель святая и построена вашим милостивым призрением, а мы всегдашния за вас богомольщики и праведных ваших родителей поминаем; и мы нарочно послали о том у тебя государя милости просить чернаго Дьякона Феофана и с того указу список; а написал он в челобитье, будто тот Гаврила гостил на святой недели у наших один, а с ним было человек с шесть, и пошли от наших все вместе, пошли в дома свои, и то мервое тело явилось под их же деревнею Митянскойю».

В 1712 году объявились жившие за монастырем¹ в бегах крестьяне стольника и ротмистра из смоленской шляхты Якова Владимировича Швыйковского, что в то время было делом весьма обыкновенным; по объявлении, в силу общего указа, пришлось монастырю возвратить этих крестьян к их прежнему владельцу со всеми живущими и заплатить за девиц, вышедших замуж за монастырских вотчинных крестьян, выводная, а за всех вообще за пожилые года штрафные деньги.

Посылая этих крестьян с нарочным в Смоленск, архимандрит Феофан писал три письма: одно к самому их владельцу Якову Владимировичу Швыйковскому, а два к неизвестным нам по фамилии благотворителям обители из смоленских служилых людей с просьбой быть посредниками за обитель перед Швыйковским для мирного окончания этого дела.

¹ То есть в монастырских вотчинах.

«1712 году в 20 день.

Государю милостивому нашему Господину Якову Владимировичу, города Мещоска, дому Рождества Пресвятая Богородицы Георгиевского монастыря униженный Архимандрит Феофан с братиею за ваше здравие Бога моля и челом бьет: просим у тебе, государь, слезно милости, явились за нашим монастырем в бегах твои крестьяне Максим да Евдоким Филипповы, да вдова с двумя девочки, а у Максима три сестры выданы за наших крестьян, и мы усмотря свою неправость, с присланным твоим Стефаном Гурским учинили по любви зделку, Максима да Евдокима с женами и с детьми отвести до милости вашей, а за вдову с девочки и за Филипповых дочерей уплатили Степану Гурскому выводных денег тридцать рублей, а что было довелось платать больши и за пожилые годы и мы просили милость вашу уступить во святую обитель вместо вклада, а которые тридцать рублей отдали Гурскому, и то истинно, что были собраны на строение монастыря, только мы за ту вашу уступку и милость обещались Бога молить и умерших родителей ваших, написав в книгу, вечно поминать, и о том просим росписи. Дабы Господь Бог умилосердил сердце ваше и те тридцать рублей возвратит во святую обитель на строение монастыря каменной ограды и боилиц и учинился б новым вкладчиком, а писано есть, аще кто милость творить, сторицею примет и живот вечный наследить; да просим у тебе, государь, милости, — которые подвезут отправь их в дома не опечалая, да о перевозке их всякого хлеба просим вашу милость, пожалуй дай сроку до зимняго пути. А мы должны за вас Бога молить и родителей ваших поминать».

Того ж числа.

«Государь, милостивый наш вкладчик Тит Афанасьевич! Здравие твое да сохранит десница Вышняго Бога на лета многа, просим у тебя, государь, милости, пожалуй, учини вспоможение посланному нашему с последним крестьянином и хлебом к Швейковскому Якову Владимировичу, чтоб он нам пожаловал в приеме своих крестьян с женами и с детьми и со всеми их крестьянскими животы росписку, и к нему мы о том с просьбою писали. Пожалуй, государь Тит Афанасьевич, яви тцание о нашей бедности, а мы должны за милость

вашу Бога молить, да умножит Господь Бог лет живота вашего и праведных ваших родителей поминать, да подаст им Бог царство небесное; сего усердно и слезно в бедах и скорбях обрательный убогий архимандрит Феофан с братиею просим, Бога моля, и челом бьем».

Того ж числа.

«Государь, милостивой наш вкладчик Сергей Васильевич! Здравие ваше да сохранит сам Господь Бог на множество лет за милостивое ваше писание и призрение святая обители, за ваше здравие Бога молим и челом бьем: просим у тебя государя милости пожалуй учини за нашу бедность заступление посланному нашему с последним крестьянином ко Иакову Владимировичу Швейковскому, чтоб он нам пожаловал в приеме своих крестьян с женами и с детьми и со всеми их крестьянскими животы росписку, и к нему мы со усердием великою просьбою мы писали. Пожалуй, государь Сергей Васильевич, яви милость такую, понеже от Бога приял еси дар заступати бедность; а ныне по вашему праведному доношению к государю боярину Петру Самойловичу и Михайла Камынин нам обиды престал чинить в своя приезды, а мы за такую вашу милость должны Бога молить, да умножит Господь Бог лет живота вашего, и праведных ваших родителей поминать, да подаст им Бог царство небесное; сего слезно в бедах и напастех жительный убогии (а.) (Ф.) с братиею просим, Бога моля, и челом бьем».

Выше было упомянуто, что в числе монастырских вотчин были деревни: Маклаково и Иванкова, находившиеся прежде за упраздненным Серпейским Николаевским монастырем и отданные во владение сего монастыря по жалованной грамоте еще в конце XVII столетия. У крестьян этих околородных деревень были какие-то свои старые споры с посадскими серпейскими людьми, и от них Георгиевский монастырь в 1715 году терпел постоянные беспокойства. Серпейские посадские люди — бурмистр с товарищами, как сказано в одной из монастырских челобитных: «нам низжайшим богомольцам твоим и крестьянам нашим монастырским с 1715 года чинят великая обиды и многия разорения, и грабежи и поругания». В июле месяце 1718 года подана челобитная монастырскими властями: «те же Серпейские посадские люди Никанор Воротников с товарищи, в наезде на на-

емную монастырскую пустошь Шадуеву и увечьи крестьян монастырской деревни Маклаковой Захара Осипова с товарищи». По этой последней челобитной поручено было по указу из Смоленской канцелярии сделать розыск Дорогобужскому лантрату И. М. Потемкину¹; но как назначенный для розыска комиссар Ф. А. Вяземский замедлил с приездом в Серпейск, то случилось новое событие: серпейские посадские люди учинили набег на монастырскую деревню Иванкову.

В словесной челобитной, поданной в тот же день в Мещовской казенной приказной канцелярии перед лантратором Кононом Ерофеевичем Чернышовым с товарищами, Мещовского Георгиевского монастыря казначей иеромонах Авраамий показал о настоящем деле так: «в нынешнем 1718 году, сего декабря в 10 день, в вотчину де Георгиевского монастыря, в деревню Иванкову, к крестьянину к Семену Минаеву приехали незнамо какие воровские люди с ружьем, с фузеи и с рогатины человек с 30 и больше, и учали того крестьянина Семена бить мучительно, спрашивать денег, и в то время той деревни Иванковой крестьяне наши монастырские прибежали к томудвору и увидя оные приезжие воры посторонних людей, что в то время празднуют Николаю Чудотворцу, и что их воров посторонние люди не узнали, учиня драку, поехали вскоре, только из них одного человека поймали, с винтовочною ложею, как оны воры крестьянина нашего били и ружье свое ломали; и того пойманного человека крестьяне наши Монастырские узнали, что он Серпейской посадской человек, а у них же казначея того же Георгиевского монастыря от Архимандрита Феофана с братиею и от крестьян их на тех Серпейских посадских людей и в прошлых и в нынешнем 1718 году поданы многия челобитная во многих их напрасных нападках и великих несносных обидах, и в разорении, и в боях, и в грабежах, и иманы были великого государя указы в нападках их. Ис теми помянутыми прошения Архимандрит с братиею справясь принесут к сему словесному челобитью исковую челобитную об указе»... Задержанный монастырскими крестьянами человек оказался точно посадский серпейский человек Михаил Семенов земский бурмистр; на допросе он показал, что будто с товари-

¹ Так как Серпейск принадлежал к Дорогобужской провинции.

щами своими приезжали к одному знакомому из монастырских крестьян пиво пить, тогда как по показанию других крестьян он то и был всем *неистовым делам заводчик*, надеясь на то, что он Дорогобужской провинции. В той же челобитной рассказывается, что в том же 1718 году в декабре месяце, когда монастырские крестьяне деревни Маклаковой Трифон Тимофеев с товарищами из приходской церкви, что в Серпейске, Николая Чудотворца местную икону, образ его Николая Чудотворца по обещанию своему, по прежнему своему обычаю, «*подымали в дом свой, а из дому провожали до церкви Божьей, и оные Серпейские посацкие люди, у той церкви и в церкви монастырских крестьян били на смерть и разогнали, а которые два человека в церкви ухоронились, и оные посацкие люди, уждав поздна вечера, вытащили их из церкви, крестьянина Мещовского уезду деревни Староселья Семена Федорова били на смерть и посадили в Ратушу за караул чуть жива, и ныне у них в Ратуше лежит при смерти, а другой крестьянин деревни Маклаковой Леон Дмитриев отсиделся в алтаре, а все это видели и ведают Спаской поп Ефимий и той церкви Николая Чудотворца поп с причетники церковными*». В таких-то беспокойствах прошел 1718 год; но все эти происшествия были ничтожны в сравнении с беспокойствами, постигшими обитель в следующем 1719 году. В этом году волнение в народе, по поводу разных преобразовательных мер Петра и в особенности частых рекрутских наборов, накапливаясь издавна, разразилось с особой силой в уездах Мещовском и Можайском. В сенатском указе 1719 года августа 12¹ читаем о разбойниках, что они «*по 100 и по 200 голов и больше верхами вооруженною рукою, с порядком регулярным, не токмо в тех вышеозначенных уездах, но и у многих помещиков и у вотчинников многолюдных деревень разграбили приездом своим денным, и все до конца пожгли и людей и крестьян вырубали*».

В монастырской челобитной читаем: «*1719 года июня против 25 числа в ночи, в Мещоском уезде к околотородном стану, в вотчину Георгиевского монастыря в деревню Староселье приезжали многолюдством разбойники и сожгли оную деревню всю без остатку и многих крестьян ругаяся жгли, в том числе трех человек сожгли до смерти, а именно: Макара Рыбкина с сыном Никанором, да Панкратья Андреева, и разбив*

¹ П. С. З. т. XV, № 205.

и сжегши ту деревню, поехали те воры того же монастыря в деревню Бобровицы и ту деревню разбили и многих крестьян жгли, в том числе один человек созжен до смерти».

В другой челобитной того же года читаем¹:

«Державнейший царь, Государь Милостивейший! В нынешнем, Государь, 1719 году сего июля в 5 числе в десятому часу дня внезапно проехали под город Мещовск злодеи, воры, разбойники, человек с 80 с фузеи и с рогатины и с пистолем вооруженною рукою и приступили к нашему Георгиеву монастырю, уставя белоя знамя и учинили большой тревожной воровской свой шум, забили в барабан и в литавры, и половина из них злодеев учали около монастыря на все стороны из фузей палить и в монастырь, а другая из них половина, вырубя святые ворота и вошед на монастырь учинили крик а где Архимандрит.

И я богомолец твой, утрашась, укрылся за монастырь, и они злодеи у дверей каменная церкви изломав замок, также в той церкви у ризниц изломав замки же, поставленные господ помещиков разных чинов сундуки разрубя и переколов, всякие из них сундуков пожитки и деньги побрали и о таком их злом деле учали в набат бить по всем в Мещовске церквам и в сел Серебреном; и увидев они злодеи, что из Мещовска с площади сбегаютца люди, закричали они злодеи: вода, вода! И из них воров многие, отехав с посаду к речке Турее, учали палить из фузей, и разграбя, уехали и похвалялись быть в городе и в Егорьевском монастыре вторично, и в то время после их грабленья их злодеев Мещоской судья стольник Полуехт Борисович Макашев и я нижайший богомолец твой, запечатав ту пограбленную ризницу и взяв я богомолец твой нужнейшею церковную утварь и от злодейского их похвального вторичного грабежу отвез ту утварь в Калугу в Лаврентьев монастырь. А в той ризнице были поставлены сундуки и скринки господ разных чинов, а именно: Лантратера Павла Степановича Тимирязева, капитана Петра Потапова сына Дурнова, стольника Алексея Андреева сына Лопухина, Петра Камынина сына Яковлеву, господина полковника и гвардии капитана Григорья Григорьевича Скорненкова Писарева, при-

¹ Явочное челобитье Мещовского Георгиевского монастыря архимандрита Феофана с братией о разбойниках, поданное в Мещовскую канцелярию 10 июля 1719 года.

казнова ево человека Савы Павлинова, да в том погроме взяли они злодеи в той ризнице монастырских наших укладных денег двести рублей, да в церкви из коробки десять рублей. А что из вышеявленных сундуков животов каких денег взято, того мы неизвестны, понеже когда ставили в оную ризницу за своими печатями и замками, а к нам росписей о том нет. Всемилостивейший Государь, просим Вашего Величества, да повелит державство Ваше сие наше челобитье записать и о том писать из Мещовска в Смоленск в губерскую канцелярию; Вашего Величества нижайший богомолец, Мещоского Георгиевского монастыря Архимандрит Феофан з братиею июля в 6 день 1719 г.; челобитную писал того монастыря дъчечек Иван Григорьев, надлежит подать в Мещоской Концелярии. У подлинной челобитной в руке пишет: к сему челобитью Архимандрит Феофан руку приложил». У той же челобитной помета: «1719 г. июля в 6 день челобитье записать в книгу».

После этого столь наглого разбоя были приняты правительством строгие меры; отправлены во все стороны сыскные команды, из которых главная, под начальством майора Ивана Акимовича Сестенина, выслеживая эту шайку, наехала на нее в то время, как она стояла в Мещовском уезде на пустоши, и захватила многих из разбойников, а другие успели разбежаться, но после переловлены в разных местах оставленными сыскными командами. Узнав в январе 1720 года, что пойманные разбойники из Мосальска канцелярией отосланы для розыска в Преображенское, о. архимандрит Феофан повторил челобитную, соединив в ней оба упомянутые выше события, то есть сожжение и разграбление двух монастырских деревень и разграбление хранившихся в монастырской ризнице пожитков и денег частных и монастырских.

К челобитью приложена роспись пограбленным вещам с оценкой; из этой росписи видно тогдашнее состояние крестьянского хозяйства. Приведем одну статью.

«У созженнаго крестьянина Макара Рыбкина взяли: денег 20 рублей, да лошадей: мерин гнед цена 14 рублей с полтиною, кобыла серая цена 13 рублей с полтиною, мерин гнед во лбу беленька звездка цена 12 руб., две шубы женския бараньи с пухом бобровым цена 4 рубли, пять шуб бараньих крытых козлиною с пухом бобровым же мужские цена 15 руб., четы-

ре зипуна сермяжных цена 3 рубли, три кожана, тринадцать овчин деланы цена 3 рубли, трои штаны козлины цена 4 рубли, тринадцать козлин, сукно сермяжное двадцать аршин цена 1 1/2 рубли, пять шапок мужских, три подпояски цена 3 рубли 6 алтын 4 деньги, два куба медных, один старинной ветхой, а другой клеймен, цена обоих 17 рублей, два котла медных цена 2 рубли, две кожи говяжьи сделанная черная цена 2 рубли, да белья рубах мужских и женских тонких алленых и полотенец и сорок шитых золотом и снуров женских, всего по цене на 10 рублей, а в обоих деревнях показано грабежу на 214 рублей».

На этой последней челобитной была сделана такая надпись: «по указу великого Государя записав взять к делу, а приводных воров по сему челобитью и по росписи с пристрастием распрося накрепко пытатъ».

Из нескольких расспросов, приложенных к монастырскому делу, открываются любопытные, относящиеся к обоим делам, подробности. Только из одного расспроса открывается, что как разграбили и сожгли монастырские деревни, так и разграбление пожитков из монастырской ризницы, дело одной и той же разбойнической шайки, а именно из 12 других, сохранившихся при деле, допросов, два касаются непосредственно сожжения и разграбления монастырских деревень, а остальные 10 касаются собственно наезда на Георгиевский монастырь. В допросе Степан Поляк сказал: «в нынешнем де 1719 году, июня под 25 число, в ночи в Мещоском уезде в околгородном стану, в вотчину Георгиевского монастыря, в деревню Староселье разбоем приезжали и крестьян жгли он Степан с товарищи человек с 20¹, а именно сотоварищи с ним Степаном были: атам

¹ Из допроса разбойника Стеньки Платонова видно, что разбой предшествовал наезду на монастырские деревни: «нынешним прошедшим летом в Петров пост, в которую пору не упомнить, как он Стенька с товарищи в Мещоском уезде в селе Руге; а чье то село не знает разбили попа, а с того разбою по подводу товарища их вора Федорова, крестьянина Якова, Микулки Дмитриева, которые прежде того с ним Стенькою и с товарищи ево были на разбоях у Степана Камынина да в селе Руге ж у попа, приехали они вору для разбою в вотчину Егорьева монастыря, деревню Староселье». Третий разбойник Сенька Пименов о предшествовавшем разграблении деревень монастырских обстоятельстве рассказывает несколько иначе: «в прошлом 1719 году летом в Петров пост, как он Сенька с товарищи Мещовскаго уезду в селе Брыни (а не Руге) разбили попа и сожгли дьяконицу и с того

Василий Григорьев сын Курка, да староста Иван Сафонов, да Мещовского уезду села Васцов крестьяне: Никифор да Григорий, да Филипп, а чьи они дети и прозвище и чьи крестьяне и того де он Степан не знает, которые живут в бегах в Севском уезде в вотчине господаря Волошского на винном Жучковском заводе. А другие де товарищи, которые с ним Степаном на том разбое были, того он Степан по именам сказать не знает. И в той де деревни Старосельи всякие крестьянские пожитки и лошадей побрали и разбив и пожитки пограбя тое деревню сожгли; вышеписанной атаман и староста и он Степан с товарищи и в деревне Бобровицах крестьян разбивали и пожитки грабили и крестьян жгли, помянутой же атаман и староста и он Степан и товарищу их беглой крестьянин Мядынского уезду деревни Кушиновой Потап Григорьев, которой в бегах живет в вотчине Волошского Господаря в Севском уезде в Комарицких волостях на винокурном Жучковском заводе; а пожитков он Степан с товарищи разбоем взяли в деревне Старосельи (следовательно показал против росписи) и в Бобровицах брали, а что чего порознь взяли, того он Степан именно сказать не упомнит. А приезжали он Степан с товарищи в те деревни разбоем собою, а никто не подводил¹. Да в нынешнем же

разбою по подводу товарища их Федорова, крестьянина Якова Мещовского уезду деревни Соболевки Микулки Дмитриева, приехали он и воры для разбою к вотчину Георгиевского монастыря деревню Староселью.

¹ Стенька Платонов доводит рассказ о сем деле говоря: «и разбив те деревни, со взятым разбойным отехали они от той деревни верст 20, и те пожитки и деньги делили; наделу досталось ему денег 7 рублей, да кожан, да шуба... и стого дела вышеписанный подводчик Микулка своим паем от нас отстал, а сказался поехал к отцу своему в деревню Соболевку, а они воры поехали разбивать Обухово, а тот Микулка на тот разбой с нами не поехал и тех двух деревень взятыя разбоем деньги и пожитки с другими разбойными пожитки отбил у нас майор Сенявин и тех монастырских пожитков никому ничто не продаывали и на сбереж не отдаывали». Стенька Пименов то же самое рассказывает с некоторыми подробностями: «а отехав от той деревни верст с 20, те разбойники обоих деревень деньги 100 рублей и платье и всякую рухлядь разделили; а наделу досталось ему Сеньке денег 2 рубли, да кафтан серой, а котлов и шуб не делили, возили с собою на телегах, потому что в тех котлах варивали себе есть. И после разделу досталось ему Сеньке три котла медные, да шесть шуб бараньих. И разбив ту деревню, поехали в деревню Василеву и разбили помещика Камынина и разбив того Камынина, поехал вышеписанный подводчик Микулка Дмитриев сказался в дом отца своего в Соболевку верхом на лошади со вьюком, а он Сенька с атаманом и с товарищи поехали для разбоев в другия места».

1719 году июля в 5 числе в полдни в Мещовск и Георгиевской монастырь разбоем он Степан с вышепомянутыми товарищами человек с восемьдесят приезжали и святая ворота в монастырь вырубил и в каменной церкви замки взломали и в ризнице сундуки и скрыни перекололи и пожитки пограбили, а именно: в разных сундуках и скрынях денег 7000 рублей; а подводил де ево Степана с товарищи тот монастырь разбивать вышеписанной староста Иван Сафронов; и разбив тот монастырь, он Степан с товарищи отехав в лес от того монастыря верст с восемь на пустоши ночевали, и помянутая деньги он Степан с товарищи разделил, а наделу ему Степану досталось тридцать рублей, а что за разделом тех денег осталось, и те де деньги атаман Василий Курка, да староста Иван Сафронов поклади в сумы в мешках, а что де тех денег числом осталось, и того де он Степана, не ведает, а где те деньги он атаман Василий Курка и староста Иван Сафронов девали, или те у них, и того де он не знает, и ныне же где они атаман и староста, того же он Степан не ведает. А как де господин майор Иван Акимович Сенявин с драгуны наехали на них Степана с товарищи, как они стояли в Мещовском уезде на пустоши, и в то де время у них Степана с товарищи на стану тех взятых денег, которые взяты в Георгиевском монастыре и что за разделом осталось и было у атамана и у старосты на стану не было, для того, что де те разбойная деньги и другие пожитки послали атаман и староста с разбойники на кривой лес, что в Брянском уезде, а с теми де деньгами послано разбойников 20 человек, до прибытия ево майора с драгуны к тем разбойникам на ту пустошь в ночи часов за шесть до света, и как де он майор с драгунами Степана с товарищи от обоза отбили и в то де время, в том их обозе разбойных денег ничего не было, а которые де деньги у него Степана и у товарищей ево были при них, которые даны им по разделу от атамана и от старосты, и он де Степан и товарищи от него майора ушли, покинув лошадей с седлы и с телеги».

Из 10 расспросов по разграблению монастыря приведем три: один самого атамана разбойнической шайки Василия Курки и двух человек той партии, которые во время грабежа атамана, старосты и есаула с товарищами внутри монастыря оставались по распоряжению его на страже вне его.

Атаман Васька Курка с пытки и в расспросе сказал: «В прошлом 1719 году по лету, как он Васька с товарищи своими ворами разбили Артемья Обухова, да Ивана Десятова, и от того Десятова со взятыми разбойными пожитками поехали они воры к Егорьевскому монастырю разбивать не деля ничего тех обоих разбоев — Обухова и Десятова взятых пожитков и приехав к тому монастырю днем, ворота вырубил топорами, а в монастырь и в церковь сбив у дверей замок вошли, он Васька да староста Ивашка Сафронов, есаул Матюшка Рябой, Лифанко Рубаченок, Ивашко Голосейко, Алешко Толстой Репнина крестьянин, Пронька, а чей сын и прозвище не знает, да Степка Поляк, а достальные все стояли около того монастыря на карауле. И вошел в ризницу, сундуки, которые в той ризнице стояли, а сколько не знает, разломали они воры топорами же и из них выбрали только одни деньги, да золотую и серебряную посуду и жемчужное; да в тех же сундуках было платье всякое доброе и плохое, и того платья ничего они ж не взяли, для того, что тот их староста Ивашка Сафронов из платья брать им ничего не велел и говорил, что и кроме де платья денег и протчаго есть что брать, и из тех де разных сундуков денег, серебряных мелких взяли они воры и за монастырь к товарищами своим вынесли 23 мешка сотенных, да вершок, да связку жемчужины, серебряной посуды: поднос, да блюда, ложки, стаканы, кружки, стопы большая, чарки, а сколько чего по росписям исцовым порознь взято, того ныне сказать он Васька не упомнит же да золотых на тем же монастырском разбое во взятые видел он Васька червонцев с двадцать, а больши не видал, а по росписи де Алексея Андреева сына Лопухина, четыре кувшина серебряных большие, да чарка большая ж, кувшинец вызолоченной, тазик чеканной, перла жемчужные в белильнице с сыпнаго жемчугу взяты ж, а складенков алмазных в золоте с жемчужными нитками не видал и алмазов он Васька не знает; а во время де того их в монастыре разбою, никто им не спротивился ж и с тем же взятым разбоем отехав они от того Егорьевского монастыря верст с пятнатцать ночевали в лесу, а в чьем не знает; и на другой день из того лесу переехали они в другой лес, отехав верст с тридцать, в том лесу для разделу тех разбойных пожитков остановились на пустоши, а чья не знает,

и собрав тех всех трех разбоев, Обухова, Десятова и Егорьевского монастыря деньги и посуду и всякие пожитки из вьюков все в одно место, стали между себя делить, а по разделу досталось ему Ваське денег рублей 90, два золотых, поднос да ковш серебряные, верх треушок низаной, да платья — два кунтуша, парчевой, да камчатной лазоревой на лисьих мехах, да завес красный камчатной, кафтан суконной вишневой с позументом, да перстень золотой; а достальное все побрали товарищи их, а кто что взял и котораго что разбою порознь, того он Васька не знает, потому что свалено было в одном месте; а делил им староста их Ивашко Сафронов; тех же разбоев лучшия вещи многая скупал из артели себе; и разделя те разбойные пожитки положили каждый свой пай на лошадей во вьюки и стояли они воры на том стану полторы сутки и поехали все вместе для разбоев же за реку Игру (не Угру ли?) и дорогою ехали три дни и после Савелова и другова разбою со взятыми разбойными пожитками со всеми приехали они воры в Серпейской уезд под село Замошье, а чье это село не знает, на пустошь, и на той пустоши наехал на них сыщик майор Иван Сенявин с драгуны, а они воры убоясь поимки от них разбежались в лес, а взятые разбойные пожитки все взял у нас тот майор с драгуны¹.

В расспросе Лукашка Ляхов сказал: «В прошлом 1719 году летом, а в которую пору не упомнит, как он Лукашка с товарищами, о которых у него сказано в подлинном ево расспросе, в Мещовском уезде разбили в вотчине Артемья Обухова в селе Моклакове дом ево Обухова и с того разбою отехав от того села Моклакова верст 5 на Хлудневском лесу приехав в деревню Хлудневу, на пустоши стояли сутки, ожидали за собою на том лесу погони и из той деревни крестьяне на ту пустошь приносил к нам ворами вино, по знакомству старосте Ивашке Сафронову, да есаулу Матюшке, и атаман Курочкин и староста и есаул давали им за то вино деньгами, и им крестьянам и крестьянками холст и серги и передники низаные того Обухова разбою¹; и на другия сутки из того

¹ Лукашка Рубаченок сказал: «В Мещевском уезде разбили вотчину дворянина Ивана Десятова; и с того разбою едучи староста их разбойный Ивашка Сафронов, да есаул Матюшка Рябой стали атаману Ваське Курке и всем товарищам говорить, чтоб ехать для разбою ж в Егорьевской монастырь, что близь Мещовска: в том де монастыре

лесу поехали и приехали в Егорьевской монастырь поутру до свету за полчаса, и атаман Курочкин не доезжая того монастыря ево Лукашку с товарищи 10 человек поставил на карауле от села Серебреного, а другую 10 человек от города Мещовска. А оной де атаман Курочкин с старостою и есаулами и с товарищи 43 человека пошли в монастырь и тот монастырь разбили, а что чего порознь взяли, того он Лукашка не ведает, потому что от того монастыря поехали скоро для того, чтоб за ними погони не было, и отехав к Можайску, большою Можайскою дорогою верст с 20, стояли в лесу на пустоши 4 дни, и оной де атаман и староста и есаулы на той пустоши показали им того монастырского разбою 8 мешков сотенных денег, да девять стаканов больших серебряных, нож большой серебряная оправа, а золотых и ложек серебряных ему Лукашке и товарищам ево дватцати человекам, которые стояли у того монастыря во время разбою на карауле не показали. А подводил де к тому монастырю онаго атамана Курочку с товарищи разбивать вышепомянутый староста Ивашка Сафронов после Савеловского и других разбоев, как они воры со всеми разбойными пожитками стояли в Мещовском уезде, на Шемелинском лесу двои сутки, и на третий день поутру наехал на них из Смоленска сыщик Синявин с драгуны, и учинился у них с тем Синявиным и с драгуны бой, а он Лукашка в тот бой от товарищей своих с двумя человеки товарищи ушли пешком, а денег, которые ему Лукашке из вышеписанных разбоев достались, медных денег 30 рублей, отбили Синявины драгуны, а он Лукашка ушел и с собою унес серебряных денег 50 рублей, и с теми деньгами он Лукашка пошел в Севской уезд в село Глодню, и в Калужском уезде на реке Угре напали сыщика Тимашева драгуны, его Лукашку поймали и что на нем было платья и деньги все побрали те драгуны и привели ево к Тимашеву, а тот Тимашов прислал его к Москве в Преображенский Приказ».

Степка Поляков в расспросе сказал: «В прошлом 1719 году летом, а о которую пору не помнит, как они воры разбили

много есть всякой казны и стоят пожитки Федора Лопухина и многих окольных помещиков и всяких пожитков, и тот же староста Ивашка Сафронов говорил, — про те де пожитки он подлинно знает, для того, что около того монастыря многие помещики, ево Лопухина вотчины, и в них де он у крестьян живал, а у кого не выговорил».

Артемья Обухова да дворянина Ивана Десятова, и с того разбоя приехали они воры в Мещовск к Георгиевскому монастырю и у того монастыря ворота были заперты, и они воры у тех воров в исподи щит подрубили, как можно человеку пролезть, и из них воров Гришка да Алешка, а чьи дети не знает, подлезли под ворота, отперли и им вора́м те ворота отворили, и они воры взошед на монастырь по подводу Ивашки Сафронова у ризницы дверь отбили, и именно из товарищев ево пять человек, вышеписанной Сафронов, да атаман Васька Курочка, Матюшка Рябой, Федотка Рубаченок, Хомка Копенка, а он Степка был того монастыря в роце с другими с достальными товарищи на карауле, разбоем в том монастыре взяли и вынесли: два вершка низаных с каменьи и с зерны бурмицкия, ожерелье низаное большое женское с пуговицы, а с какими не знает, жемчугу крупнаго и мелкого с фунт или больши, да червонныхзолотых двойных и одинаких, а сколько именно не упомнит, денег серебряных тридцать мешков сотенных, перстней с десять и больши золотых с разными каменьи, стаканов серебряных больших и малых с десять, в том числе один золоченой, ложек серебряных 20, солонку серебряную, поднос серебряной, ковш большой серебряной золоченой, чарку серебряную чеканную, шесть чашек серебряных, что вино пьют, чашку серебряную ж большую, белильницу серебряную, ожерелье низаное с каменьем, двои серги золотая алмазная, кокошник низаной по алому атласу с каменьем, узду оправлена серебром по красный тесьме с пахвями, пять запан золотых, в том числе одна маленькая, что рубашки застегивают, два перла жемчужная, одно в три нитки, а другое в сколько ниток не усмотрел, крест золотой, тот крест вздел на себя товарищ ево староста Ивашка Сафронов, а иное что товарищи ево взяли, того он Степан не упомнит, в многолюдстве усмотреть ему было не возможно. И с того разбою поехали они воры на другие разбои, и как они воры со взятыми разбойными пожитками со всеми приехали в Мещовской уезд в село Замошье и стали на пустоши в лесу и ночевали, и поутру на заре, наехав на них сыщик майор Иван Синявин с драгуны и з гарнадеры, а сколько человек не знает, учал по них ворах стрелять и ловить, и они воры покиня все то разбойное побежали пешком по лесам врозь, а то разбойное все взяли себе тот майор с драгуны».

Мы привели три разнообразных показания: показание атамана объясняет весь ход дела; показание одного из рядовых разбойников уясняет предшествовавшие наезду на монастырь обстоятельства; в показании другого разбойника подробно исчисляется название драгоценных вещей, похищенных из сундуков и скрын, хранившихся в монастырской ризнице за замками и печатями владельцев, окрестных помещиков. Остальные 7 показаний заключают в себе порознь те самые черты событий, которые рассеяны в трех приведенных нами показаниях.

Конец этого дела, т. е. возвращены ли их пожитки и деньги и монастырские деньги, взятые разбойниками, нам не известен; только в 1721 году находится в бумагах черновой отпуск с письма о. архимандрита Феофана к преосвященному Игнатию, митрополиту Сарскому и Подонскому, такого содержания:

«Великому Господину Преосвященнейшему Игнатию, Митрополиту Сарскому и Подонскому, богомолец твой города Мещовска Георгиевского монастыря Архимандрит Феофан, Бога моля, благословенья твоего архипастырского прося челом бью.

В нынешнем 1721 году сентября в 1 день приезжал сыщик с Москвы из Преображенского Капитан Дмитрий Петров сын Кулюбякин с драгуны для сыску разбойников и стал в подмонастырской нашей слободке на работничьих дворах и того же месяца под второе число в ночи зажгли двор Андрея Устинова и от того пожара сгорали без всякого остатку хлеба и платья и всякой мелкой рухляди в пяти дворах, и от того пожара наши работники разорились в конец, а к тебе Архирею Божию о всяком ведении с отписками послать было некова и за тем о ведении Георгиевского монастыря с 1710 года по нынешний 1721 год всякому хлебу, посеву и ужину и умолоту и что в расходе в те годы было всякого хлеба, учинилась остановка и вскоре было послать не с кем, потому что в прошлых годех от разбойников деревни выжжены и ныне работничьи дворы выжжены ж, а потому велел подать в твоём Архирейском доме приказным людям на Крутицах».

К тому же 1721 году относится показание о. архимандрита Феофана о древних монастырских актах: *«Августа в день по указу великого Государя царя и великого князя Петра Алексеевича, в канцелярию Калужской провинции перед стольником и Калужской провинции воеводою Леонтием*

Михайловичем Глебовым, города Мещовска Георгиевского монастыря, что на посаде, Архимандрит Феофан сказал: «Жалованных прежних великих Государей грамот и харатейных книг в том Георгиевском монастыре нет; а которые грамоты и вкладные письма и записи и всякие крепости и харатейные книги были, и то все в Литовское разорение побрано и пожжено в старом Егорьевском монастыре, что был на реке Ресе, а будет я Архимандрит сказал ложно и чтоб великий Государь указал отнять чин».

Из ведения, поданного вследствие именного указа в Калужскую коллегию старостою монастырского села Клетина Прокофием Петровым с товарищами, открывается вполне современное отношение монастыря к его вотчинам, которые оставались почти те же во весь этот период до самого их перехода в казну. Монастырь описан так: «в Мещовске на посаде Георгиевской монастырь, а в нем — две церкви да колокольня каменные, ограды, две стены тоже каменные.

В том монастыре архимандрит, да монахов братии 35 человек, трудников 7 человек. Да на старом монастырском месте, что на реке Ресе, построена монастырская церковь; служат в ней, за пустотою, того же Георгиевского монастыря монахи, для того, что исстари тот Георгиевский монастырь был в том месте и от разорения литовского переведен в город Мещовск.

За тем Георгиевским монастырем вотчины в Мещовском уезде, в околородном стану село Клетино с деревнями, по переписным книгам 1678 года — пятьдесят семь дворов, а по переписным книгам 1710 года — пятьдесят один двор; убыло 6 дворов, два двора бежали, четыре двора вымерло.

В Серпейском уезде деревня Иванкова, да деревня Маклакова, по переписным книгам 1678 года — 10 дворов, по переписным книгам 1710 года — 8 дворов, убыло два двора.

Под монастырем Георгиевским, что на посаде, пашни. Паханой доброй земли 40 четей в поле, а в дву по тому ж, сена 40 копен.

В монастырских вотчинах, в селе Клетине, с деревнями и с пустошами пашни 750 четей в поле, а в дву по тому же, сена 50 копен, лесу непаханого в длину на полтретьи версты, а поперек на полторы версты, из того леса расчищено на сеной покос, а ставят сена 120 копен.

Да на старом месте, где бывал Егорьевский монастырь, на реке на Ресе, лесу около болота не меряно, потому что мерить за лесами и за болотами нельзя; только вновь расчищенного лесу десятин с шесть, да сеного покосу копен на 40.

Да в пустоши Семейкиной пашни 7 четвертей в поле, а в дву потому же; и сено, и лес, и всякое угодие по дачам.

А те монастырские крестьяне пашут пашню на монастырь, а оброчных статей и никаких угодий в тех монастырских вотчинах нет, только отписных монастырских на разных речках три мельницы. А что с них доходу — то все без остатку взято на великого Государя. А именно с тех мельниц оброку платится по 47 рублей пять алтын 1/2 деньги в год.

А прудят те мельницы и всякую починку делают монастырские крестьяне, а в оброк за таким немалым окладом никто не берет. А государственной подати монастырские крестьяне платят по окладу бездоимочно.

А монастырская пашня и сенные покосы все во владении той их монастырской вотчины, а лишнего ничего и отдаточных из картамы никаких статей нет, а именно: пашни пашут и сеют хлеба на монастырь на 23 десятинах в поле, а в дву по тому ж.

Подле монастыря подмонастырская слободка, где живут того же монастыря трудники.

На монастырском дворе скотины: лошадей 7, мерин 6, кобыл дворных, да 6 жеребенков, коров дойных и недойных 8, да 5 подтелков, да 15 овец.

А в монастырь Георгиевский с тех вотчин денежного оброку ничего нет. А только с конопляновых монастырских огородов готовят те ж монастырские крестьяне с 51 двора по пуду пеньки и та пенька отдается на соль и на сетки того монастыря монахам и трудникам.

Да с тех же дворов емлются братии на свитки по пяти аршин посконнаго холста, дров по сажени с двора.

Да на пищу по два фунта масла, по двадцати яиц с двора, а приказчиков в той монастырской вотчине не бывает.

И сверх положенных сборов излишнего ничего не собирается, а знатным персонам и здешним обывателям в поднос не носим, и от городских командиров и от приказных людей обид и налогов не бывает излишняго ничего, взятков не емлют».

В 1724 году, в октябре месяце, получен в монастыре указ

святейшего правительствующего Синода советника, преосвященнейшего Леонида, архиепископа Сарского и Подонского, в коем объяснено, что такая сила указа от 5 февраля того же года подтверждена во все епархии. А говорится в указе об исполнении прибавлений к 45 пункту духовного регламента, и написано, чтоб монастыри, где мало братии, сводить в одну обитель, а потому он архиепископ Леонид сделал распоряжение о присоединении к Мещовскому Георгиевскому монастырю Мещовского уезда Дорогошанского женского и Юхнова монастырей, да Городеченской пустыни Серпейского уезда.

Но промыслу Божию угодно было, чтоб это упразднение было лишь временной мерой; она отменена при вступлении на царство императора Петра II в начале 1727 года (мая 6 дня). А здесь заметим лишь, что это присоединение, соединенное со многой скорбью для братии присоединенных монастырей, не принесло и Мещовскому монастырю никакой существенной пользы, кроме беспокойств материальных и нравственных. Во-первых, потребовалось множество ведомостей и описей, а в 1726 году, по свидетельству отца архимандрита Феофана, монастырский хлеб от шести вкладчиков, данный на строительство монастыря (116 четвертей 2 четверика) *«принужден на крестьянских того Георгиевского монастыря подводах на 53 привезен в Москву казначеем иеромонахом Антонием и сдан в магазин (что за мясницкими воротами). А с того хлеба в Москве на заставах указная поворотная пошлина плачена»*. Квитанция в приеме этого хлеба подписаны обер-провиантмейстером князем Козловским.

*«Его Императорского Величества Высочайшим и благочестивейшим повелением в сем году, — говорит один из монастырских летописцев, — святая обитель от утеснения освободишася, и паки во свое благолепие и благочиние облекошася; монашествующие же братия кийждо с радостью свои монастыри восприяша, и упраздненные было вовсе, вси паки исправилася и на древнем благочестивом основавии сташа»*¹. В это же время и приписные к Мещовскому Георгиевскому, Дорогошанский, Юхнов и Городеченская и Серпейская пустыни восстановлены и существовали — первый и последний — до 1764 года, а Юхнов Казанский существует и поныне.

В том же 1727 году была новая перепись под названием *«Свидетельство штаб и обер-офицеров дворового числа и в них мужеска пола душ и четвертные пашни»*.

¹ Из рукописи Владимирского, см. лет. Боголюбского монастыря.

В монастырских бумагах сохранилось ведение этого свидетельства:

«Калужской провинции Синодальной команды Мещовского уезда околородного стану Георгиевского монастыря от Архимандрита Феофана с братиею, что за тем монастырем в вотчинах в селе Клетине с деревнями по переписным книгам 1678 года крестьянских и бобыльских дворов и по свидетельству штаб и обер-офицеров двороваго ж числа и в них мужска полу душ и четвертная пашни и то значит ниже сего:

По переписным книгам 1678 года в той вотчине в селе Клетине с деревнями крестьянских и бобыльских 57 дворов, а по переписке штаб и обер-офицеров в селе Клетине с деревнями 52 двора.

В них по свидетельству Генералитета положено в подушный оклад 534 души.

Воной вотчине вытнаго определения не имеется, но есть четвертная пашня, а именно:

В селе Клетине с деревнями пахотной четвертной земли 190 четвертей, да перелогом 300 четвертей и лесом поросло 260 четвертей, а всего 750 четвертей в поле, а в дву по тому же, и с того числа пашут на монастырь по 66 четвертей в поле; а в дву по тому же.

Сенных покосов 210 копен.

Оной пахотной земли есть на дворах по 13 четей с четвериком и с пол — полчетвериком.

На душу по одной четверти с четвериком без трети.

Сенных покосов по 4 копны на двор.

В Серпейском уезде в деревне Маклакове, да в деревни Иванкове по переписным книгам 1678 году крестьянских и бобыльских 10 дворов. А по переписи штаб- и обер-офицеров — то же число.

В них, по свидетельству Генералитета, положено в подушной оклад 139 душ.

Вытнаго определения в оных деревнях не имеется, а имеется четвертная пашня.

Пахотной четвертной пашни с пустошами 113 четвертей в поле, а в дву по тому же. Сенных покосов 70 копен.

Пахотной земли имеется на двор по 13 четвертей в поле, а в дву по тому же.

На душу по одной четверти без четвертой доли четверика.

Сенных покосов по 7 копен на двор.

Оные крестьяне подушные деньги платят по 23 алтына и по 2 деньги с души.

Итого имеется 466 рублей 10 алтын в год.

Лесных угодий в длину на 3 версты и поперек на полторы версты.

Да с вотчинных крестьян на монастырь собирается всяких припасов в год со всей вотчины:

масла коровьего 3 пуда, да по 500 яиц, да хмелю по 16 чей, да братии на свитки холста посконнаго по 300 аршин.

Дров на монастырь с тех же крестьян имеется по 60 сажен, а кроме оных сборов других никаких не имеется».

Итак, настоятельство о. Феофана было преимущественно наполнено хлопотами по вотчинным делам, которые к концу его управления в 1731 году приняли более ровное течение, которому и следовали до 1764 года.

Настоятельство о. Пахомия с 1731 по 1743 год

Отец архимандрит Феофан скончался в этом монастыре 27 мая 1731 года, а на место его назначен пострижник этого же монастыря, Крутицкого дома судья, архимандрит Пахомий (Блестанов), который и управлял этой обителью с 1731 по 1743 год. Во вкладной книге записано, что по смерти отца архимандрита Феофана вложенных денег в монастырской казне осталось всего 52 рубля 12 копеек; но благодаря заботливости нового настоятеля казна монастырская не оскудела до конца. В 1732 году преосвященный Леонид, архиепископ Сарский и Подонский, сделал вклад 475 рублей, а в 1738 году — книгами: «в десять Требник большой, Служебник выхода 1735 года».

В 1735 году преосвященный Сергей¹ сделал вклад 500 рублей и книг: Библию, Киевский Патерик, да четыре книги Четых-Миней на 12 месяцев. Эти столь щедрые вклады можно объяснить, как выше было упомянуто, лишь тем, что оба преосвященные были

¹ Бывший Высоко-Петровский архимандрит.

постриженниками Мещовского Георгиевского монастыря, а архиепископ Леонид и уроженцем Мещовского уезда.

В монастырской описи 1702 года Леонид значится иеродиаконом сего монастыря, а в описи 1711 года Сергей значится иеродиаконом; оба были преемственно настоятелями Московского Высоко-Петровского монастыря: Леонид с 1709 по 1722, а Сергей после него с 1722 по 1734; в сане архимандритов — Леонид в 1721 году определен советником Синода, а в 1722 году февраля в 18 день¹ хиротонисан в епископа Сарского и Подонского, а Сергей с 1724 года был ассессором св. Синода, а в 1731 году декабря 9 хиротонисан в епископа Великоустюжского и Тотемского. Относительно преосвященного Леонида мы догадываемся лишь по его постоянному особенному вниманию к Мещовскому Георгиевскому монастырю, потому что он был пострижен здесь. Догадку свою основываем, во-первых, на том, что в описи 1702 года значится в числе иеродиаконов Леонид, которого уже нет в такой же описи 1711 года, что не противоречит показанию о назначении его в 1709 году настоятелем Высоко-Петровского монастыря. Притом же преемник его Сергей во вкладной книге прямо назван постриженником этой обители. Если один из постриженников мог занимать это место, то очевидно, что и другой также. Этим же обстоятельством объясняется и его расположение к архимандриту Пахомию, который сперва был при нем судьей Крутицкого архиерейского дома. О. Пахомий был сверстником преосвященного Леонида, ибо в списках 1702 года он поставлен иеродиаконом в числе иеродиаконов. Весьма естественно, что взойдя на степень епископа, преосвященный Леонид не забыл своего товарища и тотчас же приблизил его к себе. А мнение наше, что преосвященный Леонид происходил из духовного звания и был уроженец Мещовского уезда, основывается на сохранившейся в числе монастырских документов записке преосвященного Леонида следующего содержания: *«1743 года Генваря дня дано в Мещовск в Егорьевский монастырь на поминовение родителей моих денег 30 рублей, да того же уезду в село Извеково на поминовение 10 рублей, в село Гаврики 10 рублей. Которые деньги для раздачи посланы со Архимандритом Пахомием и велено ему, Архимандриту, оныя деньги отдать в тех селах свя-*

¹ Значит, в день своего Ангела.

ценникам с росписками, а росписки, взяв, прислать к вам». Эта записка написана уже в то время, когда преосвященный Леонид жил в Московском Ново-Спасском монастыре, оставив кафедру, будучи уволен на покой с 1 сентября 1742 года.

Сам архимандрит Пахомий в 1732 году сделал вклад по о. архимандрите Феофане 101 рубль.

Казначей иеромонах Авраамий в 1739 году — 20 рублей.

Бригадир Федор Абрамович Лопухин дал 10 рублей и жеребца вороного.

Подполковник Петр Потапович Дурново — 10 рублей.

Александра Никитич Яковлев — 2 рубля.

Семен Патрикеевич Щербачев — рубль.

Стольник Василий Андреевич — «Десятой рубль».

Майор Петр Калиныч Яковлев — 16 алтын 4 деньги, да хлеба три четверти.

Феодора Аврамовича Лопухина служитель Ермил Моракушев — 16 алтын 4 деньги.

Его же служитель Иоанн Федоров — рубль.

«Посадской Иван Яковлев, сын меньшей Костин, рубль.

Петр Василевич Камынин об отце своем, Василии Петровиче, дал вкладу 50 рублей денег, ржи 100 копен, Спасов образ, нерукотворенный в окладе серебряном, серебряную ложку весом 9 золотников, ковер разных цветов длиной в полтреть аршина, два возника серых с хомуты и узды, коляска оправная на дрогах.

Анна Васильевна, дочь Камынина, жена Коптева, дала вкладу о родителех своих 15 рублей».

Из одного домашнего счета видно, что при Пахомии в 1735 году, в мае месяце, перестраивались шатры на монастырской оградной башне Никитой Герменовым с товарищами, за что каменщикам дано было по условию: «денег 10 рублей, ржаной муки три четверти, пшеничной два четверика, круп осмина, толокна два четверика, конопли два четверика, масла конопляного две четверти, вина две четверти, ветчины 1,5 пуда, соли пуд, гороху четверик».

Архимандрит Пахомий сверх настоятельской должности был правителем духовных дел Мещовского уезда, что видно из его частых отписок к преосвященному Леониду в Москву, которые были посланы с нарочными. Отписки эти написаны в основном

им самим, самым крупным, четким и красивым почерком и, что главное, весьма толково и отчетливо. А это показывает, что о. Пахомий, состоя в звании судии Крутицкого архиерейского дома, недаром пользовался особой милостью преосвященного Леонида и на самом деле был действительно искусный и умный деятель. Принимая Георгиевский монастырь от казначея, о. архимандрит Пахомий составил опись монастырского имущества, которая познакомит нас с состоянием обители после долгого временного управления отца архимандрита Феофана.

Монастырская опись 1731 года

1731 году июля в 22 день, по указу Преосвященнейшего Леонида, Архиепископа Сарского и Подонского, описан в Мещоске Георгиевский монастырь, а в нем соборная, верхняя каменная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а в ней Божие милосердие: двери царские с сенью, Евангелисты писаны на красках, промеж ими посеребрено, на полях калифлемаванные праздники, Деисусы, Пророки, Праотцы, сверху Праотцев Распятие на кресте. При кресте образ Пресвятой Богородицы, по другую сторону — образ Иоанна Богослова, писанные красками. По правую сторону царских дверей образ всемилостиваго Спаса из облака, образ Рождества Пресвятой Богородицы.

На южной двери — Архидиакона Никанора.

Посторонь южных дверей образ Сергия Чудотворца и образ Николая Чудотворца.

По левую сторону образ Пресвятой Богородицы Феодоровской, на ней — венец с короной, цата серебряные позолоченные.

Образ Георгия страсотерпца, на северных дверях Архидиакона Стефана. По стороне северных дверей образ Иоанна Воина, образ пустынных жителей Анофрия великого, Петра Афонского, Макария Александрийского, Марка Фраческого; а те святые иконы, и праздники, и деисусы, и Пророки, и Праотцы в иконостасех писаны на красках.

Перед местными иконами шесть лампад медных луженых. Перед деисусами поникадило медное большое, под ним — яблоко хрустальное, кисть из серебра с золотом, по концам звездки серебряные золоченые.

За левым крылосом образ Георгия Страсотерпца, на нем венец и цата серебряные, золоченые и резные, в киоте резном золоченом. Перед ним лампада медная.

Хоругвь, на ней образ Пресвятой Троицы, по другую сторону Георгия Стратотерпца, да Иоанна Воина, писаны они на полотне, а опушка камчатая рудожелтая, вокруг бахрома шелковая, и другая хоругвь Святого великомученика Георгия, по другую сторону святых Священномучеников Власия и Антипия, писаны на полотне, а снизу три полосы комчатые.

В алтаре на престоле одежда с передней стороны из объери серебряной, крест — кружево мишурное, с трех сторон и с веру изорбаф травчатой.

Святое Евангелие в десть покрыто бархатом красным, Распятие и Евангелисты и защепки серебряные золоченые резные, на исподней цке середина и наугольники серебряные белые.

Крест благословящий, медный, с мощами многих святых, позолоченный.

Пелена атласная рудожелтая, крест объерь серебряная, опушка — атлас красный, подложена киндяком зеленым, ветхая.

Запрестольной образ Пресвятой Богородицы Владимирской, по другую сторону — образ Николая Чудотворца, на оном образе убрус кумачной выбойки, бумажный крест, ленты зеленые.

Другой запрестольной образ — Знамение Пресвятой Богородицы, по другую сторону св. великомученика Георгия и Димитрия, убрус желтый тафтяной, пелена — выбойка бумажная, писаны на красках.

На жертвеннике — одежда тафтяная соломенного цвета, ветхая.

Суды, лжица и звезда серебряная, белая.

Воздух, два покрова штофа шелкового с травы, полосатая, подложены выбойкой бумажной, кресты — кружева серебряные.

Пелена атласная, крест — кружево золотое, подложена киндяком.

Над жертвенником образы — Рождества Богородицы, Благовещение Богородицы, Казанская Богородицы, Воздвижения креста Господня, Георгия стратотерпца, Николая Чудотворца, обложены окладом серебряным и венцы позолочены.

Образ Пресвятой Богородицы Знаменая в киоте, венец и риза и оклад на святителях — четыре венца, серебряные с позолотой.

Образ Спасителя Нерукотворного, образ Одигитрия Богородицы, Рождества Богородицы, Николая Чудотворца, в окладах посеребренных, с позолотой, ветхие.

Шестилистовых одиннадцать икон, в том числе одна восьмилистовая.

У царских дверей завеса тафтяная, ветхая.

Церковные ковши один серебряный, другой — медный.

Четыре кадила медных.

Чаша водосвятная, укропник да сковородка, медные.

В нижней церкви теплой Божие милосердие, царские двери, на них красками писаны образ Благовещения Богородицы, четыре Евангелиста.

Но правую сторону царских дверей образ Спасителя, образ великомученика Георгия, на южных дверях — Диакона Филиппа, у южных дверей — образ Николая Чудотворца.

По левую сторону царских дверей образ Пресвятой Богородицы Одигитрия, образ трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, образ преподобного Саввы, на северной двери — Архидиакона Стефана, иконостас гладкий, посеребрен преодными пионы, четыре лампы медных.

В алтаре на престоле одежда кумачная красная, крест — китайка белая, пелена — выбойка крашенинная, крест мшурный, подложена холстиной.

На жертвеннике одежда — выбойка крашенинная, крест — выбойка бумажная, подложена холстиной.

На святых воротах церковь каменная во имя Вознесения Господня, а в ней — царские двери с образом Благовещения Богородицы, четыре Евангелиста; по правую сторону — образ Вознесения Господня, образ Владимирской Богородицы шестилистовый, оклад, венец и риза серебряные белые, вокруг Ея писано в лицах чудеса Ея, образ святых Апостол Петра и Павла; по левую сторону образ Казанской Богородицы, оклад, и корона, и риза серебряные с позолотой, два ожерельца мелкого жемчугу, вокруг Ея чудеса писаны в лицах, образ святого великомученика Георгия да Алексия человека Божия; на северной двери образ Архидиакона Стефана.

Деисус — семь икон, повыше Распятие Христово с предстоящими Богородицею и Богословом.

У местных икон: и Деисуса и Распятия — иконостас гладкий, посеребренный, а местный и позолочен.

Перед местными — иконы четыре лампы медные.

Перед Деисусом висит паникадило малое, медное.

В алтаре на престоле одежда: парчица белая, с травки, крест объярь серебряный. На престоле — благословящий крест, обложен басеной, оклад ветхий.

На жертвеннике лежит одежда кумачная, красная, крест камки белой.

Сосуды оловянные, звезда медная, лжица серебряная, воздух и два покровца камчатые, красные, а средины их — разных камок, кресты золотые.

Запрестольный образ Одигитрия Богородицы, по другую сторону — Николая Чудотворца, очень ветхий, обложены окладом басеным, с серебром и позолотой.

Здесь и образ великомученика Георгия и образ Казанской Богородицы с разными святыми, на обоих оклад ветх, позолочен, у Богородицы убрус унизан мелким жемчугом.

Два кадила — цепи, кресты по два кольца, верхи серебряные, местами позолоченные, в том числе на одном три полукольца серебряных, четыре подсвечника малых, медных.

В ризнице.

Крест благословящий обложен серебром, позолочен. Он был дан вкладом Силой Иосифовичем Аничковым для поминовения.

Другой крест невеликого размера обложен серебром, в лице позолочен.

Евангелие большое, Александрийской бумаги, печатано в лето 7027, вверху — дека, в середине Спасителя образ и Евангелисты; защепки на нижней деке покрыты бархатом рытым по земле золотой, травы зеленой, а середина и наугольники серебряные с позолотой, на семи винтах, вынизано Евангелие жемчугом средним, восемь каменьев в гнездах серебряных и золоченых, обнизаны китайскими зернами.

Евангелие обложено объяром золотым, Спасителя образ и Евангелисты в серебре и с позолотой, петли и защепки из серебра.

Три лжицы серебряные из того числа. Одна лжица позолочена, весом она три лжицы пятьдесят, пять золотников.

Евангелие старонаречное, печатано в лето 7144, обложено бархатом красным, Распятие и Евангелисты и петли посеребрены. Евангелие ветхо.

Сосуды, лжица, звезда из серебра и вызолочены. Воздух, два покрова объярь серебряный с росписью золотой. Кресты — голун серебряный, в кружеве серебряном, подложено киндяком.

Шапка Архимандричья, на ней девять мест Деисусов, Херувимов и Серафимов, в середине — образ Живоначальной Троицы, внизу — обруч серебряный с позолотой, между Деисусов и Херувимов верхи вынизаны жемчугом средним, а между жемчуга — тридцать один камень простой, а опушена та шапка горностаем.

Другая шапка, на ней вверху образ Знамения Богородицы, Деисусов семь мест, столько же Херувимов, а внизу обруч

серебряный с позолотой, между местами — сорок запанок с камешками простыми, позолоченными и серебряными, четыре камня в гнездах серебряных. Вверху, вокруг Богородичного образа и Херувимов и запанок, обнизано мелким жемчугом, вокруг Деисусов обнизано китайскими зернами, опушена шапка горностаем.

Третья шапка шита золотом и серебром, опушена горностаем, ветхая.

Ризы.

Ризы — изорбаф золотной, вместо оплечья кружево золотное, крест и звезда — тафта красная, обложены плетешком золотным, опушены дорогами красными, на опушке — кружево золотное плетеное, подложены китайкой.

Ризы — объярь серебряная белая, оплечья, крест и звезда шиты по бархату красному, опушка — атлас красный.

Две ризы — объярь серебряная, оплечья, и кресты и звезды шиты по черному бархату, в одних опушка из атласа зеленого, у других опушка из атласа желтого, подложены крашениной.

Ризы — изорбаф красный со звездами, оплечья шито по черному бархату золотом и серебром, крест — участок золотной, звезда и опушка — камка желтая.

Ризы — изорбаф травчатый, оплечья объярь золотная с кружевами атласными, крест и звезда бархат рытый, опушка — тафта желтая.

Ризы участок серебряный с травы золотными, оплечья, крест и звезда — бархат золотной, опушка — атлас жаркий.

Ризы — атлас жаркий, оплечья участок золотной, крест шито по атласу, опушка — атлас белый.

Две ризы — атлас желтый, опушены тафтой красной, у первых оплечья, крест и звезда объярь серебряная, у других оплечья шито по бархату красному, крест и звезда — бархат серебряный.

Ризы камчатые таусинные, оплечья из бархата черного рытого, с опушкой из тафты полосатой.

Ризы камчатые желтые, оплечья, крест и звезда из бархата рытого зеленого, опушены атласом зеленым, отданы в село Клетино.

Ризы — байберек черной, оплечья, и крест и звезда — бархат рудожелтый рытый, опушка из тафты двоеличной.

Да новоприбывшие ризы.

После монастырского приказа переписи 602 г. Алексея Палицына.

Ризы — объярь серебряная по зеленой земле с травы золотными, оплечья из бархата красного травчатого, а крест

и звезда шиты золотом и серебром, опушка из атласа жаркого, подложены крашениной. Риза та — подаяние Павла Тимирязева.

Ризы — штоф шелковый с травами золотыми, оплечья участок золотой по рудожелтой земле, крест и звезда красной камки, обложены плетешком серебряным, опушена атласом красным, подложена крашениной. Того же Павла Тимирязева подаяние.

Ризы — штоф красный с травами золотыми и шелковыми, оплечья участок золотой и серебряный с травами шелковыми, крест и звезда от одного же оплечья. Опушена риза штофом травчатым, подложена крашениной. Риза эта — вклад Алексея Лопухина.

Ризы — штоф зеленый с травами золотыми и шелковыми, оплечья, крест и звезда из парчи золотой, местами с серебром с узорами шелковыми, с опушкой из атласа красного, с кружевом серебряным с золотом, подложены крашениной, — вклад Стефана Никитича Шепелева.

Ризы участок золотой с травами разными шелковыми, оплечья из парчи золотой с серебром, расцветчена разным шелком, крест и звезда из парчи золотой, опушка из камки красной, а по оплечью и по опушке — кружево серебряное с золотом, подложены крашениной. Риза эта — вклад Архимандрита Феофана.

Ризы из штофа зеленого разных шелков узорчатых. Оплечья, крест и звезда из штофа белого с травками золотыми и разных шелков. Опушка на ризе из штофа белого, узорчатого, подложены крашениной. Вклад Петра и Сергия Васильевичей Чебышевых.

Три ризы да три стихаря камчатые белые, оплечья, кресты и звезды из материи красной с травами золотыми и шелковыми, опушки из шелка полосатого, подложены крашениной. Вклад Преосвященного Леониды Архиепископа Сарского и Подонского.

Две ризы да два стихаря камчатые белые, оплечья, кресты и звезды из штофа красного с узорочьем разных шелков, опушки камки красной, подложены крашениной, — подаяния разных вкладчиков.

Ризы камчатые красные, с оплечьями из штофа гвоздичного с травами серебряными, крест и звезда — объярь серебряная, с опушкой из камки лимонной, подложены крашениной. Даны как вклад Ермила Ивановича Беклемищева.

Ризы — объярь серебряная с травами разных шелков, ветхие. Оплечья из парчи гвоздичной с травами серебряными. Крест и звезда — участок золотой, с опушкой из камки красной, обведены кружевом серебряным с золотом, под-

ложены крашениной. Даны как вклад Симеона Абрамовича Чебышова.

Ризы — штофалый с травки редко золатыми, оплечья, крест и звезда из парчи белой с травками золотыми и разными шелками, с опушкой из атласа зеленого, подложены крашениной. Вклад Тита Афанасьевича Родищева.

Две ризы да два стихаря байберековые черные, оплечья из трипа красного с травами черными, с опушкой из кутни полосатой, подложены крашениной, вклад иеромонаха Епифания.

Ризы из штофа черного, оплечья из бархата китайского травчатого, крест и звезда участок золотой, вместо опушки оличены кружевом серебряным с золотом, — вклад Димитрия Азикова.

Ризы камчатные вишневые, оплечья из объяря зеленого с узорами золотыми: по полю золотому — золотые травки. Опушено кружевом серебряным, крест и звезда от того же оплечья, с опушкой камковой силковой, — вклад Архимандрита Серапиона.

Ризы из байберек темно-силковый. Оплечья, крест и звезда из парчи гвоздичной с травами золотыми и разных шелков, опушены камкою жаркою, подложены крашениною. Вклад Ивана Васильевича Чебышева.

Ризы камчатные вишневые, оплечья из штофа белого с травами разных шелков, крест и звезда из атласа зеленого. Опушено камкой зеленой, — вклад Андрея Яковлевича Родищева.

Две ризы из камки осинового цвета, с оплечьями из парчи алой с травками золотыми и разных шелков, опушка из нежа полосатого. Вклад Леонтия Романовича Яковлева.

Ризы белые камчатые, ветхи. Оплечья, крест и звезда из парчи алой с травками золотыми и разных шелков, опушка — камка лимонная, подложены крашениною.

Две ризы белая китайчатая, с оплечьями из бархата китайского, опушены китайкою зеленою.

Подризники.

Подризник тафтяной желтый, оплечья и крест и на рукавах — опушка из камки лимонной, опушен тафтою желтою.

Подризник тафтяной красный, оплечья и зарукавья опушены камкой травчатой, подложен крашениною, опушен тежею полосатою.

Подризник изорбафный красный, с травками разных шелков, оплечья из объяря серебряного, на рукавах опушка кумачная красная, опушен кутнею полосатой.

Подризник камки красной, с оплечьями из обьяря желтого. Опушка на рукавах и наподольник из камки зеленой с кружевом серебряной с золотом.

Подризник киндячный осинового цвета, оплечья и рукава опушены кумачом красным, подольник опушен тежею полосатою.

Подризник бумажный полосатый, оплечья, рукава и наподольник опушены кумачом красным.

Четыре подризника, у трех выбойка крашенная, четвертый — белый полотняный.

Епитрахили.

Епитрахиль, шитая по атласу красным серебром и золотом, вместо опушки внизу бахрома золотная, одиннадцать пуговиц вертые золотом и серебром.

Епитрахиль атласная красная с травами золотыми и серебряными, кресты и опушка из атласа белого.

Епитрахиль участок серебряный с травами золотыми, кресты и опушка из золотного кружева, пять кистей шелковых с серебром.

Епитрахиль — изорбаф серебряный с травами, кресты и опушка из атласа красного, семь кистей шелковых, семь пуговиц хрустальных.

Епитрахиль — изорбаф серебряный, опушена атласом зеленым, семь кистей шелковых, шесть пуговиц хрустальных.

Епитрахиль из бархата рытого, с крестами мишурными, опушка из атласа желтого, семь кистей шелковых.

Епитрахиль — обьярь серебряная, с крестами и опушкой из атласа желтого.

Епитрахиль из атласа насыпного, с опушкой из атласа белого. Кресты и пять кистей — серебряные.

Епитрахиль из атласа черного, на ней шиты святые лики и травки золотом и серебром и разными шелками. Опушка — атлас красный, вместо пуговиц — семь запанок простых, камня в гнездах серебряных золочены, шесть кистей шелковых с серебром.

Епитрахиль атласная желтая, кресты из обьяря серебряного, с опушкой из атласа красного. Девять пуговиц серебряных золоченых, три кисти шелковых.

Епитрахиль из атласа зеленого, кресты и опушка из камки красной, семь пуговиц серебряных с позолотой.

Епитрахиль из парчи алой с травками золотыми, опушка из камки зеленой.

Епитрахиль из байберека алого, атласа полосатого, ветхая.

Епитрахиль парчи зеленой, насыпная золотом с травками золотыми и серебряными, с опушкой из камки вишневой, семь кистей шелковых.

Две епитрахили из камки вишневой, с опушкой из камки желтой.

Две епитрахили из камки белой, с опушкой из камки зеленой.

Поясы.

Четыре пояса шелковых с кистями шелковыми, на одном, лучшем, лапки и ворворки серебрянные с золотом.

Четыре пояса нитяных с кистями нитяными.

Поручи.

Поручи шиты золотом и серебром по зеленому атласу, десять пуговиц серебряных, ветхие.

Поручи из атласа червчатого, травы золотные, крест — камка желтая, опушка — камка дымчатая.

Поручи — участок серебряный с травами золотными, кресты и опушка из кружева золотного.

Поручи из обьяря серебряного, кресты и опушка из атласа красного.

Поручи из атласа соломенного, кресты из обьяря серебряного, опушка из атласа красного, восемь пуговиц серебряных.

Поручи шиты по бархату красному золотом и серебром, опушка из камки осиновой, двенадцать пуговиц серебряных.

Поручи шиты сланью золотом и серебром, двенадцать пуговиц серебряных.

Поручи из парчи золотной, кресты — зерны китайские, опушка из атласа красного, двенадцать пуговиц серебряных.

Поручи из бархата красного двое, кресты участковые, на месте опушки — плетешек серебряный, на других — опушка из камки зеленой, десять пуговиц серебряных.

Поручи из парчи золотной, кресты из атласа зеленого, опушка из атласа красного.

Двои поручи из парчи серебряная, опушка из камки красной, на других опушка из камки осиновой.

Двое поручей из бархата зеленого, опушка из обьяря дикого цвета.

Поручи из камки двоеличной, опушка из камки красной, шесть пуговиц серебряных.

Поручи из парчи зеленой и травки разных шелков, опушка из камки красной.

Поручи, шитые по бархату черному золотом и серебром, опушка из парчицы травчатой.

Двое поручей из бархата черного, опушка из камки желтой, у других — из камки лимонной.

Поручи из бархата разноцветного, кресты — кружено золотное с серебром, опушка из камки осиновой.

Поручи из камки осиновой, опушка — камка песочная.

Поручи из камки дикого цвета, опушка — атлас белый.

Набедренники.

Набедренник камки песочной, на нем шито по тафте золотом и серебром, бахрома золотная.

Набедренник атласный зеленый, на нем в двух местах изорбаф цветной, бахрома золотная.

Набедренник атласа зеленого, в двух местах различено парчой красная с травами золотными и разных шелков, внизу кружево узкое, серебро с золотом, от него же бахрома изредко золотная.

Стихари.

Стихаль — объярь серебряная, вместо оплечья — кружево плетеное, золотное с городами по красный тафте, крест тафтяной красный, обложен плетешком золотным, пуговица серебряная, опушка тафтяная красная, по тафте — кружево золотное с городами, подложен тафтою красною.

Стихаль — объярь серебряная, оплечья и крест вышиты по бархату черному, на рукавах кружево мишурное, опушка атласа желтого, подложен крашениной.

Стихаль тафтяной красный с травами золотными, вместо оплечья и на рукавах и около подола кружево золотное, крест атласа красного, обложен плетешком золотным, подложен киндяком.

Стихаль тафтяной красный, вместо оплечья, и крест и около рукавов кружево плетеное золото с серебром.

Стихаль атласный желтый, оплечья — объярь серебряная, крест мишурный, опушка атласа полосатого, ветхий.

Стихаль камчатый белый, оплечья и крест участок золотной, зарукавья штофа полосатого с травами, опушка атласа зеленого.

Стихаль камчатый зеленый, оплечья и зарукавья штофа полосатого с травами, опушка камки рудожелтой.

Стихаль — объярь светло-вишневая, оплечья и крест штофа зеленого с травками, зарукавья и опушка камки осиновой, вокруг оплечья и опушки кружево серебряное, ветхое.

Стихаль — объярь зеленая, вместо оплечья и креста — кружево серебряное с золотом, ветхое; зарукавья и опушка из камки желтой. Обе — вклад Архимандрита Сергия Петровича.

Стихарь камки лимонной, оплечья, и зарукавья и пушка из камки осиновой.

Два стихаря камчатые вишневые, оплечья и крест — участок зеленый с травами золотыми, зарукавья и опушка из атласа полосатого, у другого оплечья и крест — штофа желтого с травами разных шелков, зарукавья и опушка — из камки осиновой.

Два стихаря силкового цвета, оплечья из штофа с травами разных шелков, крест — изорбаф серебряный, зарукавья и опушка из камки жаркой, у другого оплечья изорбаф красный с травами золотыми, крест — кружево серебряное, зарукавья из камки красной, опушка из камки вишневой.

Арари.

Арарь шит золотом и серебром по зеленому атласу, шесть кистей шелковых.

Арарь — голун клетчатый полосатый, кресты — голун и опушка серебра с золотом, шесть кистей шелковых, пуговка серебряная.

Арарь — изорбаф красный с травами золотыми, кресты и опушка белые, шесть кистей шелковых с золотцем, пуговка серебряная.

Четыре араря — бархатный, атласный, тафтяной и китайчетый панихидные, ветхие.

Воздухи и покровцы.

Три белые лубковые, на них писаны лица, шитые золотом и серебром, опушены кружевом золотным.

Три — штофа красного с травками, опушены тафтою соломенного цвета, кресты — кружево серебряное.

Три из атласа красного, опушены атласом лимонным, кресты, шитые серебром, обведены плетешком серебряным.

Три из парчи золотной с травами, опушены камкою зеленою, кресты — кружево серебряное.

Три из атласа жаркого, кресты — обьярь серебряная, опушка из атласа красного.

Пелены.

Пелена — изорбаф полосатый, полосы серебряные и золотые с травами, кресты — кружево мишурное, подложена тафтой красной, четыре кисти золотных.

Пелена — атлас красный, крест и слова шиты золотом и серебром, опушка из атласа соломенного, одиннадцать кистей золото с шелком.

Пелена камчатая желтая крестообразная, опушка местами камка вишневая, крест — кружево серебряное и по опушке серебряное же.

Книги.

Устав, три Апостола, два Октая (Октоиха) на восемь глав, Минея общая, двенадцать Миней месячных, Триоди — Постная до Пятидесятницы, два Ирмология, два Канонника в четверть, Требник дестяной, четыре Служебника к полдести, два Служебника в четверть, Псалтирь в полдести, Евангелие толковое недельное, Евангелие толковое повседневное, два Пролога в год по обрезу золочены, да четыре Пролога в год же, обед духовный, Маргарит, Соборник, Ефрема Сирина со Аввою Дорофеем, две книги Лествичника, Труба, житие Саввы Старожевского, да три книги, две Барония, третья Камень веры, вклад Преосвященного Леонида Архиепископа Сарского и Подонского.

Да в ризнице же:

Два сундука дубовые, да два ящика липовые, для убора всякой церковной утвари и церковных вещей.

В монастырской казне великих государей грамота и всяких крепостей, и то писано ниже сего:

Грамота великих государей и великой государыни царевны в Серпейский уезд в околородный стан, в вотчину Георгиевского монастыря, что в Мещовске, в деревню Маклакову, да в деревню Иванкову на пустошь кривую, да на половину пустоши Сузема, что преже сего те деревни и пустоши были в вотчину за Николаевским монастырем, что был в Серпейске на посаде, и в 195 году (1687) те деревни и пустоши по именному великих государей указу приписаны к вотчинам Георгиевского монастыря, за приписью Дьяка Семена Васильева.

Выпись на оные же деревни Маклакова и Иванкова с пустошами за приписью Дьяка Ивана Викентьева, которая дана в 195 году (1687) июля в 26-й день.

Грамота великих государей и царевны оных же деревень Маклакова да Иванкова на сенные покосы за приписью дьяка Анисима Невежина 197 (1689) году августа 24 дня.

Выпись на оные же сенные покосы за рукою стольника Афанасия Никитича Шепелева, которая дана в 199 году (1691) 10 дня декабря.

Выпись с Мещовских книг письма и меры князя Тимофея Звенигородского да подъячего Дружины Огаркова 134 (1626) года и 135 и 136 годов на село Клетино с деревнями,

за приписью Дьяка Степана Венедиктова, которая дана по 174 году (1666).

Выпись князя Тимофея Звенигородского да подъячего Дружины Огаркова вышепоказанных же годов, в которой значит обоего пашни и перелогом поросло доброй земли семьсот пятьдесят четвертей в поле, а в дву по тому же, сена пятьдесят копен, леса непаханного в длину на полтретьи версты, а поперек на полторы версты, за приписью Дьяка Анисима Невежина, которая дана во 193 году (1685).

Грамота великих государей на мельницу, которая под городом на реке Турее, за приписью Дьяка Бориса Михайлова, что дана в Георгиевский монастырь владеть в запрочно на свечи и на ладан и на вино церковное и братии на одежду марта в 10 день 196 года (1687) июля в 19 день.

Грамота великих государей, что в показанном мельничном пруде градским и уездным людям рыбу ловить не велено, а ловить в монастырь, за приписью Дьяка Андрея Виусова 1720 года апреля в 13 день.

По указу великих государей воевода Василий большой Иванович Коротнев дал с дела выпись Георгиевского монастыря Архимандриту Серафиму с братиею на беглую их крестьянку Макринку Иванову, жену Прокофьева, с детьми, 201 года.

Выпись 204 года на пустошь Самсыкину за приписью воеводы Василия Коноплина, в ней написано четыре места дворовые пашни семь четвертей в поле, а в дву по тому же, что бывала боярина Петра Меньшова Аврамовича Лопухина.

Выпись 193 (1785) года писца стольника Силиверста Агибалова на монастырскую слободку, что под монастырем, и на землю по обе стороны речки Серебренки сорок четей в поле, а в дву по тому же, октября в 31-й день дана; приписал подъячей Стефан Емельянов сена сорок копен.

Память на Матвея Иванова сына Шишкова в том, что в прошлом в 206 (1798) году августа в 3-й день в поместном Приказе беглые задворный его человек Васька Семенов да крестьянин Агейка Григорьев в распросе сказали, что де от него бегаючи жили в Мещовском уезде за Георгиевским монастырем и о пожилых годах, и о проестях, и волоките, и жене его, идитем на него Архимандрита Афанасия с братию. И кто по них в том монастыре будет великому государю не бить челом, за рукою Матвея Шишкова.

Письмо Аврама Федоровича Лопухина о владении пустоши Теплищевой, кое писано 614 году апреля в 22-й день, понеже та полпустоши куплена на монастырские деньги на имя его 25 четей в поле, а в дву по тому же.

Выпись переписи Василия Сокольниково подъячего Гаврила Перекусихина 186 году на вотчину Георгиевского монастыря села Клетина с деревнями дана в 196 году за приписью дьяка Гаврила Перекусихина.

Грамота великих государей и государыни царевны в Мещовский уезд в пустошь Михайловскую, Ивашенцева тоже, по одну сторону речки Серебренки, что была за Романом Аристарховым, сыном Яковлевым, пашни три четверти в поле, а в дву по тому же, за приписью Дьяка Димитрия Федорова 187 года.

Медной посуды:

Поваренных пять котлов, шестой — котлик путной, два противня, две сковородки, две чашки медных луженых, один горшочек с кровлею, горшок медный.

Оловянной посуды:

Сорок блюд, в том числе мелкой и мисок ветхих, сорок три тарелки в том числе, ветхи.

В монастыре братии:

Архимандрит.

Четыре иеромонаха.

Четыре иеродиакона.

Бывший Дорогошанский игумен.

Рядовых монахов девятнадцать.

Человек всего — двадцать девять человек.

В монастыре же строения:

Архимандричья келья двойня с сенями деревянными, крыта тесом, каменная хлебня да три кельи братские, погреб и ледник, крыты тесом и дером, да три кельи братские деревянные, четыре житницы крыты тесом и дером.

В тех монастырских житницах молоченого хлеба: ржи двадцать четвертей, пшеничной муки три четверти, круп гречных две четверти, ячных одна четверть, конопель четверть с осьминою, а приходных и расходных книг у житенного монаха не бывало и ныне не имеется. Вокруг монастыря — святые врата с калиткою и ограда, шесть башен, всего двести двадцать девять сажень, в том числе сорок три сажень деревянной ограды в столбы, забор еловой.

К той же ограде приделан конюшей двор и скотный, на нем строения келья да изба черная, вокруг двора сарай, на том дворе имеется:

Лошадей: десять меринов, один жеребец, три кобылы.

Скотины: восемь коров, четыре подтелка, один бык, двадцать пять овец старых и молодых.

Да в монастыре же построена каменная колокольня, на ней семь колоколов.

К сим описным книгам Архимандрит Пахомий руку приложил.

К сим описным книгам иеродиакон Серапион руку приложил.

К сим книгам иеродиакон Ефимий руку приложил.

К сим книгам иеродиакон Игнатий руку приложил.

К сим книгам иеродиакон Иаков руку приложил.

К сим книгам монах Савватий руку приложил.

К сим книгам монах Иосаф руку приложил.

1631 года сентября в 1-й день по сим описным книгам всякую церковную утварь в церкви и ризнице, что писано выше сего по статьям Георгиевского же монастыря иеродиакон Иаков для охранения принял и руку приложил.

Новоприбылое при Архимандрите Пахомии и то писано ниже сего.

Триоди постные и цветные в переплете поволочены дски зеленым сафьяном, но обрезу золочено, вклад Преосвященнейшего Леонида, Архиепископа Сарского и Подонского 1732 года января 2 дня. Ризы атласа василькового, оплечье — по белой материи травы золотые и разношелковые, крест и звезда, и опушка атласа соломенного, подложены крашениной; сделал вклад Иоанн Семенович Чебышев в 1732 году.

Василия Андреевича Десятаго жена его Елена Пименовна, рождения она Фамилии Пимена Малышева, подала вкладу в церковное алтарное действие: ковш серебряный, веса в нем 24 золотника и четверть золотника 733 года мая 25.

Преосвященный Леонид Архиепископ Сарский и Подонский сделал вклад: книгу Устав в десть по обрезу вызлочен, выходу 633 года в нынешнем году и подписан Его Преосвященства рукою.

Сего же году вдова Акилина Захарьева, дочь Камынина, по муже своем Василье Петровиче Камынине, сделала вклад ризу штофную, зелено-вишневую, с травами разных цветов, оплечье, крест и звезда бархата зеленого, опушка атласа зеленого, подложены красной крашениной.

Ризы и стихарь атласа зеленого, оплечья — по красный материи травы золотные, опушка кежа персицкого, подкладка крашенинная, вклад Преосвященнейшаго Сергия, Епископа Великоустюжского и Тотемского, в 735 году.

1735 году октября 6-го дня Преосвященный Сергий, Епископ Великоустюжский и Тотемский, пожаловал и определил по себе для вечного поминовения книг — Библию,

Киевский Патерик, да четыре книги Четьих Миней на два-надесять месяцев.

738 года марта 10-го дня куплены третьи сосуды серебряные, в них веса сто восемнадцать золотников, белые черные, дано девятнадцать рублей сорок семь копеек.

1740 года апреля 25 дня казначей иеромонах Авраамий сделал вклад косяк изголей камки соломенного цвета, которой косяк куплен ценою двадцать рублей, оплечье и опушка из других материй, подаяния разных вкладчиков».

В 1702 году в монастырь кроме церкви не было каменных строений, и только немногие деревянные могли быть покрыты тесом, а прочие же были под дранью и лубками; но в 1721 году он имел уже каменной постройки колокольню и половину ограды, а в 1724 году хлебню, четыре кельи братские и погреб с ледником, все под тесом. Во второй четверти восемнадцатого века окончена ограда и образовала собою квадрат в 229 саж. Тогда же построены настоятельские двухэтажные кельи, галерея около церкви и конный двор с каменными службами и стенами. В 1760 году устроен иконостас в Дмитровской церкви. Из деревянных зданий лучшими были кельи над погребями, назначенные для настоятеля и властей по управлению вотчинами монастырскими.

При всей простоте и скудости этих построек они появлялись медленно и продолжались более полу столетия: ясный признак, что монастырь, после первых благодетелей, удовлетворял нуждам своим преимущественно собственными средствами и что он никогда не имел таких благодетелей, которые бы, располагая сильными средствами, могли в короткое время обновить и обстроить его. Большая часть вкладчиков жертвовали незначительными суммами и всего чаще вещами, так что вклады их скорее обогащали ризницу, нежели казну монастырскую. Но монастырь, без сомнения, и за это благодарил Бога и своих благодетелей. Несмотря на то, в последние годы своего благосостояния, до отображения вотчины и капиталов, он имел у себя более 1500 руб. золотой суммы.

Три последние архимандрита Мещовского монастыря: архимандрит Иов (1744–1748), Боголеп (с 1748–1749), и Сила (с 1750–1765), по недостатку дел этого времени малоизвестны; сохранились лишь приходо-расходные книги.

Обе книги, которые начались с 1-го июня 1745 года и оканчиваются июнем 1765 года, открывают нам домашний быт обители в течение 20 лет рассматриваемого нами периода перед конфискацией монастырских вотчин. Проследим по ним главные статьи прихода и расхода: с 1-го июня

1745 по 22 марта 1746 года показано в приходе 132 рубля 61,5 коп., а расхода 121 руб. 35 коп.; осталось 11 руб. 26,5 коп.

Главная статья прихода — доход с мельниц¹ и ярмарки и за оброчные с крестьян статьи вместо натурой деньгами по уставу (который монастырь держал сам); к такому разряду доходных статей относятся следующие:

а) принято за Старосельскую мельницу 17 руб., с Иванковской мельницы 16 руб., с городской мельницы получено доходу 16 руб.;

б) собрано с Петровской ярмарки половинных денег 14 руб. 59 коп.

Доходы с вотчин постоянно ограничивались и к концу того периода сделались весьма незначительными; к этому разряду принадлежат следующие статьи:

а) принято у приказчика за 15 свадеб, по 15 коп. за каждую свадьбу, 2 руб. 25 коп.;

б) в декабре собрано с крестьян за оброк деньгами, а именно: за масло 3 руб. 4,5 коп., за шерсть 2 руб. 65 коп., за хмель 6 руб. 70 к, за холст 30 коп., за пеньку 75 коп. за грибы 1 руб. 26,5 коп., итого 14 руб. 71 коп.

в) да за отданную за крестьян в драгунский полк лошадь взято с них в монастырскую казну 20 рублей.

Остальные мелкие статьи состоят в продаже разных предметов монастырского хозяйства: быков, коров, овец, овчин, шерсти, холста и т. п.

Главные статьи расхода составляли содержание общей трапезы. Сверх того видно, что братии выдавалось жалованье, коего роздано в течение означенного срока, с июня до марта, 28 руб. 50 коп.²; следовательно, полного общежития не было. Оброчные деньги за вотчинные мельницы составляли половину получаемого с них дохода, так, за Иванковскую мельницу заплачено в Серпейске 13 руб. 57 коп., отдано по указу на семинарию, с 675 душ 1,5 коп. с души, 8 руб. 43,5 коп. Случайная статья: дано архимандриту Иову на поездку в Москву 16 руб. 39 коп.

С 22 марта 1746 года по 1-е января 1747 года в приходе показано 240 руб. 37 коп., а в расходе 161 руб. 5 коп., в остатке 79 руб. 32 коп.

¹ Три из четырех принадлежащих монастырю мельницы кроме городской, отдавались на оброк по следующим ценам (в 1753 году): 1) села Клетина за 32 руб. в год, 2) деревни Иванкова 28 руб., 3) деревни Староселья за 26 руб. 50 коп.

² За холст на свитки давали также деньгами.

Главные статьи прихода:

а) с мельницы села Клетина за первую половину — 11 руб. 50 коп., с трех мельниц за вторую половину года — 29 руб.;

б) полавочных и на площади поземельных денег — 13 руб. 25 коп.;

в) собрано с крестьян, за неимением с них положенного оброка, вместо того деньгами: за масло коровье — 2 руб. 80 коп., за шерсть — 2 руб. 32,5 коп., за хмель — 50 коп., за холст — 38 коп., за пеньку — 46 руб. 84 коп. за грибы — 1 руб. 20 коп., за орехи — 1 руб. 5,5 коп.;

г) собрано с крестьян недоимки 1745 года за положенный натурой оброк деньгами 16 руб. 56 коп.;

д) принято у приказчика за 20 свадеб, по 15 коп. за каждую, 3 рубля.

Расход. Главные статьи:

а) в Мещовскую канцелярию заплачено с трех мельниц 47 руб. 14 коп., на отвоз подьячему Ивану Хвалееву 3 рубля, за доношение и за отпись и на прочие расходы издержано 50 коп.; итого 50 руб. 64 копейки. Заплачено в Серпейскую канцелярию за Иванковскую мельницу 13 руб. 57,5 коп., накладных, по 10 коп. с рубля, 1 руб. 38 коп., да на расходы издержано: за письмо, доношение и за отпись, и воеводе калачей и солдатам, всего 30 копеек. Дано на семинарию в Духовное правление на 1746 год, с 675 душ по три полушки с души, 5 руб. 3,5 коп.; выдано на 1747 год семинарии, с 675 душ по две копейки с души, 13 руб. 50 коп.; выдано братии годового жалованья 24 руб.¹

По силе ее императорского величества указа, из имеющих в казне алтынников (9 руб. 30 коп.) 3 руб. 10 копеек.

За 1748 год при архимандрите Боголепе приход составлял 126 руб. 81,5 коп., расход 124 руб. 23 коп.

С 13 декабря 1749 по 12 декабря 1751 года в приходе показано 438 руб. 72 коп., в расходе 435 руб. 2 коп.

Главный акт, оставшийся от управления обителю трех последних архимандритов Мещовского Георгиевского монастыря: Иова (1744–1748), Боголепа (1748–1750) и Силы (1750–1765), суть приходно-расходные книги.

Эти книги, начавшиеся с 1-го июня 1745 до июня 1765 года, а потому веденные в течение 20 последних лет рассматриваемого нами периода, доставляют несколько лю-

¹ Жалованье архимандриту 3 руб., иеромонаху и иеродиакону по 1 руб. 50 коп. монахам по 1 рублю. Всего было в 1747 году братии с архимандритом 18 человек, 6 иеромонахов, 2 иеродиакона 7 монахов, два трудника и солдат на жалованье прислан от правительства.

бопытных материалов из внутреннего вообще монастырского быта обители.

Цифра прихода, и расхода выразилась следующим образом:

а) с 1-го июня 1745 года по 22-е марта 1746 года состояло в приходе 132 руб. 61,5 к, а в расходе показано 121 руб. 35 коп.;

б) в 1746 году с 22-го марта по 1-е января 1747 года в приходе 240 руб. 37 коп., в расходе 161 руб. 5 коп.;

в) с 1747 года в приходе 248 руб. 96 к, в расходе 195 руб. 20,5 коп.;

г) в 1748 году в приходе 126 руб. 81,5 коп., в расходе 124 руб. 29 коп.;

д) с 13 декабря 1749 по 12-е декабря 1751 года прихода 438 руб. 19 коп., расхода 435 руб. 2 коп.;

е) с 1-го сентября 1757 по декабрь 1758 года прихода 240 руб. 2 коп., расхода 227 руб. 97 коп.;

ж) за 1759 год прихода 577 руб. 30,5, коп.; расхода 306 руб. 99,5 коп.

Главные статьи прихода:

1. Оброк с трех вотчинных и доход с городской мельницы; оброчные мельницы эти с 1753 года ходили по следующим ценам: села Клетина за 32 руб., деревни Иванкова 25 рублей, деревни Староселья 26 руб. 50 коп., а городская, которую монастырь сам держал, доставляла дохода тоже около 30 рублей; следовательно, эта статья доставляла годового дохода 113 руб. 50 коп.

2. Сбор во время Петровской ярмарки полавочный, поземельный и с квасоваров за дрова в 1745 г. 14 руб. 59 коп.; в 1748 г. 13 руб. 25 коп.; средним числом 15 руб.

3. Сбор с крестьян вместо положенного с них натурой оброка, деньгами по рыночной цене составлял в год около 56 рублей: так, в 1746 году собрано за масло коровье 2 руб. 80 коп., за шерсть 2 руб. 32,5 коп., за хмель 50 коп., за холст 35 коп., за пеньку 46 руб. 84 коп., за грибы 1 руб. 20 коп., за орехи 1 руб. 52 коп.; итого 55 руб. 7 коп.; В монастыре сад приносил годового дохода 20 рублей.

4. Прочие приходные статьи составляла большей частью продажа разных предметов собственно монастырского хозяйства: лошадей, быков, коров, баранов, овец.

Кроме того, в 1753 году введены в приход архиерея, преосвященного Сергия и преосвященного Леонида деньги, которые даны на строение, числом на лицо 227 руб. 85 коп.

Главные постоянные статьи расхода:

1. Казенные оброчные деньги за мельницы, которых в 1746 году заплачено:

а) в Мещовскую канцелярию с трех мельниц 47 руб. 14 коп., на отвоз подъячому 3 руб., за доношение и за отпись и на прочие расходы 50 коп.; итого 50 руб. 64 коп.

б) В Серпейскую канцелярию за Иванковскую мельницу денег 13 руб. 57,5 коп., накладных по 10 коп. с рубля 1 руб. 35 коп., за письмо доношение и за отпись, и воеводе калачей и солдатам — всего 30 коп., и того 15 руб. 22,5 коп.; а всего в год 65 руб. 86,5 коп., следовательно, более половины всего годового дохода, получаемого с мельниц;

2. Годовое жалованье братии составляло в 1746 году 24 рубля.

3. Сбор на семинарию, с 675 душ по две коп. с души, 13 руб. 50 коп.

4. Остальной расход состоял в покупке припаса для содержания и общей братской трапезы, и на содержание монастырского хозяйства.

Расходы случайные:

Из этой статьи замечателен внесенный в книгу подробный расход 40 руб. 80 коп., выданных архимандриту Силе, во время его поездки по монастырским надобностям в Москву, в январе 1756 года. Выпишем его для характеристики того времени:

«а) от Калуги до Москвы издержано — 73 коп.

б) в Москве куплено Преосвященному в почесть белуги, да осетрины, меду два пуда дано — 4 руб. 54 коп.

в) Еще Его Преосвященству — 10 руб.

г) Судьи отцу Архимандриту кадка меду, дано — 1 руб. 75 коп.

д) Казначею иеромонаху отцу Никону кадка меду, дано — 1 руб. 43 коп.

е) Отцу ризничему отцу иеродиакону Филарету кадка меду дано — 1 руб. 43 коп.

ж) Еще один рубль — 1 руб.

з) Секретарю кадка меду, дано — 1 руб. 75 коп.

и) Еще пять рублей — 5 руб.

й) Семену Забелину кадка меду, дано — 1 руб. 25 коп.

к) Еще один рубль — 1 руб.

л) Петру Протопопову кадка меду, дано — 1 руб. 25 коп.

м) Еще один рубль — 1 руб.

н) Канцеляристу Мирону — 50 коп.

о) Келейнику Архиерейскому и прочим издержано — 1 руб. 74 коп.

п) Про братию куплено куль сухих снетков дано — 3 руб. 15 коп.

р) Как отпратился из Москвы, издержано до обители на всякие расходы лошадям овса и сена, в том числе куплено для братии рыбы, дано — 2 руб. 28 коп.

Итого 40 руб. 80 коп.»

Из записанных в приход данных на монастырское строение преосвященными Леонидом и Сергием, которые записаны на лицо в том году, всего 227 руб. 85 копеек, значится в расходе в 1760 году и 1761 году дьякону Калужского Девичьего монастыря Трофиму Игнатьеву за то, что он делал в приделе святого Димитрия Ростовского иконостас и вызолотил, и святые образа написал — дано 80 рублей.

Ему же за другой иконостас дано 20 рублей, и за сделанное власти место в приделе 1 руб. 50 коп.

С 1760 года начали требовать от монастырей разные ведомости, потребные к составлению, духовных штатов. Все эти ведомости знакомят нас с состоянием обители в последние годы ее цветущего состояния и потому заключаются в них сведения любопытные.

Так, в 1760 году архимандрит Сила доносил следующее:
«Во учрежденную о церковных имениях коллегия Экономии Мещовского Георгиевского монастыря Архимандрита Силы с братиею

Доношение.

По присланным Ее Императорскаго Величества из коллегии Экономии указом велено о находящихся за оным монастырем вотчинах, которые состоят на оброке и определены на работу, кто властью определен будет на оброк и на работу, прислать ведомости, но только онога Георгиевского монастыря вотчин в Мещовском уезде села Клетина с деревнями одних мужского пола по последней ревизии 742 души; в Серпейском уезде деревни Маклакова и Иванкова в них мужского пола 220 душ, которые напред сего имелись на монастырской пашне и всякой работе, точию с них во оный монастырь всего собиралось: столовый оброк с каждого тягла масла коровьего по два фунта, шерсти овечьей по два фунта, хмеля по три четверика, за отданную с монастырских огородов пеньку с тягла по шестьдесят копеек, холста алленого по шести аршин, грибов по четверику и одной лопате, лык по десяти пучков, а в прошлых 1762 и 1763 годах взяты рублевые деньги; а в нынешнем 1764 году от коллегии Экономии благоволено ль будет оных Мещевских вотчинных крестьян 742 души определить на пашню

и на всякое отделе и собирать прежние столовые оброки и Серпейских деревень Маклакова и Иванкова, в коих 220 душ, дабы повелено было указом определить на денежные оброки, понеже в оных деревнях монастырской пашни и сенных покосов не имеется, а их крестьянских земель и лугов имеет быть довольно число, також имеется в деревни Иванкове мельница, за которую за 762 и 763 годы в монастырь оброку, а именно на каждый год сверх камор Коллежских по пятнадцати рублей за два года не плачено, а владеют крестьяне, да и впредь с той мельницы получать в монастырь или нет, о том от коллегии Экономии о вышеписанном о всем ожидать будем повелительного указа.

Марта 12 дня 1764 года.

Георгиевский Архимандрит Сила,

К сему доношению иеромонах Иосиф подписался.

К сему доношению иеромонах Варлаам подписался.

К сему доношению казначей иеродиакон Киприан подписался.

Иеродиакон Диамид подписался.

Иеродиакон Иоасаф подписался.

Иеродиакон Ермолай подписался.

Ведомость Епархии Святейшаго Правительствующаго Синода члена Преосвященнаго Илариона Епископа Сарскаго и Подонскаго Мещовского Георгиевского монастыря Архимандрита Силы, колико в том монастыре имеется монастырских крестьян душ на лицо и прежде было по штату монашествующих и отставных штаб и обер и унтер офицеров и прочих чинов и рядовых на указном пропитании было сего 1760 году в Генварской трети в наличий оных чинов состояло, о том значить ниже сего:

При оном монастыре написанных по нынешней ревизии монастырских крестьян мужеского полу 967 душ по прежнему положению:

Архимандрит — 1

Монахов разных служб — 22

Отставных солдат — 2

Служителей — 10

Им определено жалованья было начальствующим и монахом денег:

Архимандриту — 6 руб.

Монашествующим всем — по 3 руб.

Солдатам — по 3 руб.

Оное денежное жалованье получали из собираемых с монастырских вотчин окладных сборов и прочих нео-

кладных денежных монастырских казенных приходов, а хлебного от монастыря не получали, а довольствовались обще за трапезою оставшим засеенным монастырским хлебом.

Служителем жалованья не определено, а пропитание имели от монастырской земли.

Ныне в наличии:

Свыше показанной сего 1760 года, январской трети речевых чинов и определенных по указом вдовых попов и дьяконов — 12 человек.

Служителей — 10 человек.

Отставных никого не было.

Оные жалованья денежнаго получают:

Архимандрит — по 6 руб.

Иеромонахам, иеродиаконам, белым попам и диаконам, монахам простым по 3 руб. человеку.

Оное жалованье получают из собираемых монастырских вотчин, окладных сборов и прочих временных неокладных монастырских денежных казенных приходов, а хлебного в даче не бывает, а удовольствуются из оставшаго за сеянием монастырского хлеба, а иногда и подаяния православных христиан, обще, все за трапезою.

А служители жалованья как денежного, так и хлебного за недовольным собираемым в монастыре с крестьян, денежных доходов не получают, а довольствуются определенной им, монастырской землей.

Сверх вышеписаннаго расхода из оных же денежных сборов издерживаются на церковные потребности, то есть на свечи, ладан, на вино церковное и на деревянное масло в год по 30 рублей.

За имеющуюся при том монастыре мельницу в канцелярии воеводской платится по 60 рублей 67 коп.

Затем в остатке денег и за разходом хлеба во оном Георгиевском монастыре не бывает».

Включение Мещовского монастыря, в силу штатных положений 1764 года, в число заштатных монастырей Крутицкой епархии по справедливости можно назвать роковым для него приговором, если не на скорое уничтожение, то на долговременную скудость и бессилие. На первое время ему ничего не дано и не оставлено: земли взяты по самые стены, рыбные пруды достались крестьянам, а последняя мельница — городу; он не имел у себя даже огородной земли.

Ведомость, какое число восстановленных в Крутицкой Епархии на своем содержании семи монастырях в Мещовском Георгиевском положено быть монашествующих, в том числе, кто именно при нынешнем распределении включены, и за тем кто остался в излишестве и каких где чинов не достает, и на те праздные места, откуда и кого из находящихся в излишестве перевести определено

Звание чинов и сколько их по штату положено	Число людей	Кто в то штатное число определены и за тем, кто остались за штатом и каких чинов недостает	Откуда и кого именно на праздные места из находящихся в излишестве перевести надлежит
В Мещовском Георгиевском Строитель Братии	1 6	На строительском месте архимандрит Сила Иеромонахов 1. Иосиф 2. Варлаам Иеродиаконов 1. Казначей Киприан 2. Диомид 3. Иоасаф 4. Ермолай	На оные места (как ниже явствует) назначено перевести: на иеромонашеское из упраздненной Городеченской Пустыни строителя иеромонаха Аввакума; на монашеское из Крутицкого Архиерейского дома, состоящего и оставшего за излишеством монаха Пахомия.
Итого	7	Итого: 7 человек В число которых противоположной пропорции следует дополнить Иеромонаха — 1 Монаха — 1 Итого — 2 А напротив того из монастыря следует вывести в другие монастыри 2 иеродиаконов Иоасафа и Ермолая	Перевести на праздные иеродиаконские места в Пафнутиев Боровский монастырь. Михаил Протопопов

В лучшее время монастырь насадил близ своей ограды березовую рощу; эта роща также взята у него. До 1774 года им управляли преемственно, два игумена Гедеон и Моисей, а с 1774 года строители, и все драгоценные вещи, принадлежавшие сану и облачению архимандритскому, вытребованы в 1772 году в домовую ризницу Крутицкого преосвященного.

К большому отягощению обители прежние монастырские крестьяне явились теперь первыми недоброжелателями ему; и по грубости, и по жадности к прибытку так стеснили мона-

стырь, что он принужден был сделать Святые ворота проезжими и прекратить обычные крестные ходы с ущербом для своих доходов, особенно во время Петровской ярмарки. Вскоре после сего монастырь лишился даже и сборов с лавок своих на этой ярмарке, когда земля, состоящая под ними по новому плану (1777 г.), была приписана к городу. К довершению сих лишений в 1768 году во время сильных гроз бурей, градом и молнией разбило колокольню с часами и повредило ближайшие к ней кельи, что видно из следующего донесения игумена Гедеона в Крутицкую консисторию.

«Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, из Крутицкой Духовной Консistorии Мещовского Георгиевского монастыря игумену Гедеону с братиею, сего 1768 года августа 22 дня присланным в Консistorию, вы игумен с братиею доношением представляли минувшаго июня 27 дня сего ж 1768 года пополудни в шестом часу, по власти Всевышнего, в показанном Георгиевском монастыре состоящую де близ настоящей Рождества Пресвятыя Богородицы церкви каменную колокольню, под которою в самой середине ходовые Русские часы, а внизу оной настоятельские и братские кельи нашедшим ужасным и чрезвычайным громом, как крест совсем утвержденным фундаментом и главою долой на землю сорвало, и всю колокольню до самых окон повредило, и в случаях, паче чаяния, если оная колокольня совсем обвалится, то настоящей церкви, которая в ветхости состоит, удержаться вовсе невозможно, ибо и ныне многие в той колокольне кирпичи на землю по всяк час валяются, почему вам, игумену с братиею в тех кельях иметь жительство за большим сумнительством никак невозможно, а больше где жительства иметь места не имеется, и по крайней оной Георгиевского монастыря бедности, поелику оной на своем пропитании и содержании, не имея ни откуда никакого пропитания и подания, находится и починить вовсе не в состоянии, за чем ныне по сделавшемуся оному монастырю несчастию, яко не имеющему никакой ни откуда надежды, вы, игумен с братиею требовали, не соблаговолено ль будет для возобновления оной колокольни вышеявствующих повреждений представить Государственной коллегии Экономий, а понеже как небезызвестно Консistorии, что в том монастыре находятся другие

впусте состоящие каменные кельи, и из коллегии Экономии на возобновление ветхостей в силу указов сумму отпускать повелено в одни токмо штатные монастыри, а как оной Георгиевский монастырь остался за штатом по обязательству того монастыря настоятеля и братии о бытии им на своем содержании и о возобновлении означенной повредившейся колокольни Конситории в представление входить не следует, а надлежит вам, игумену церковные и монастырские ветхости исправлять из монастырских, какая имеются, доходов: того ради по Ее Императорского Величества указу в речевой Крутицкой Конситории определено о прилагании вам, игумену, по долгу своему о возобновлении объявленной повредившейся колокольни и келий старания и доколе возобновлены не будут о переходе, по довольному в том монастыре каменных келий, числу, в другие, и вам, игумену с братиею, послать указ, а Мещовского Георгиевского монастыря игумену Гедеону с братиею учинить о том посему Ее Императорского Величества указу сентября 12-го дня 1768 года».

Положение монастыря было тем затруднительнее, что он не имел никакой особенно замечательной святыни в своих храмах, которая бы привлекала в него богомольцев и их усердие доставляло бы нужный к содержанию его средства. Почти единственным источником его доходов в этот период были сборы от свечной продажи и доходы с четырех часовен: на Петровской ярмарке, Загородной, Благовещенской около старого собора и Сухиничской в селе Сухиничах.

В таком стесненном положении монастырь неоднократно искал помощи у начальства, но по обстоятельствам времени не мог ничего получить кроме 10 сажень земли около огады для совершения крестных ходов в 1778 году. Осталось братству иметь крепкое терпение и надежду на всещедрого Бога, чтобы не пасть в изнурительной борьбе со своей бедностью. В 1779 году оставалось в братстве монастырском лишь 5 человек, значит, не доставало до штатного числа двух человек. Достойно удивления, как еще монастырь сумел сохранить свое существование, имея столь ничтожное братство и не более 225 рублей годового дохода (в 1789 году). По монастырскому преданию, бедность обители была такова, что в ней не было свечей для церковного чтения, а дымная лучина светила чтению

и пению хилых старцев, доживавших здесь последние дни свои в борьбе с нищетой и лишениями всякого рода. Это сказание напоминает об убогих временах преподобного Сергия, и оно действительно было бы столь же замечательно, если бы не было вынужденным.

Само собой разумеется, что при столь великой бедности не могло быть в монастыре надлежащей строгости и порядка. По умалении братства и удалении лучших остались и держались в нем одни хилые старцы, давние его насельники, а из младших такие, которые не надеялись найти себе лучшего места. При таком составе братство, естественно, не могло возбуждать к себе должного уважения в гражданах и прежних своих благодетелях. Но скоро нашлись и другие побуждения к охлаждению их: по благочестивому обычаю, предки наши избирали преимущественно монастыри для вечного покоя своих сродников, делая это с тем, чтобы в определенные времена совершались об упокоении душ их литургии и панихиды. Но братство монастырское не могло уже удовлетворять сей благочестивой потребности по своей малочисленности. Самое пение и чтение на клиросах даже в простые дни большей частью отправляли некоторые из грамотных граждан. Посему не только дворянские фамилии, но и лучшие из граждан вовсе оставили монастырь, предоставив делать захоронения в нем одним крестьянам, старинным прихожанам некогда бывшей против ворот его приходской церкви. Со своей стороны, монастырь так мало заботился об этом отчуждении, что впоследствии самые памятники над могилами лучших родов, исключая немногих, для простора опущены в землю и покрыты садовыми деревьями.

Самым мрачным в жизни монастыря представляется 1786 год. Беспорядок и упадок нравственности доходили тогда до соблазна. Около сего же времени многие из вещей монастырских утратились, частью по нуждам его, а более по слабости надзора за ними, привратные кельи опять (1779) уступлены для помещения Духовному правлению; а в 1774 году монастырь принужден был продать свои опустевшие житницы, чтоб иметь возможность покрыть тесом свои жилые кельи.

Монастырские крестьяне с большей дерзостью повторили тогда свои оскорбления, посягая и на лица, и на скудную собственность обители. Сами настоятели лично мало оправдывали свое назначение и были так бедны достоинством, что один

из них не умел даже писать. К большому ослаблению своему монастырь, думая как-нибудь помочь своим нуждам, принял в часть пустых келий своих на сохранение казенное вино. От того значение его упало еще глубже в глазах благодетелей. Само братство смотрело на себя как бы с пренебрежением и доходило иногда до такой забывчивости, что небрежно исправляло обычное богослужение, конечно, не лучше помнило и о своем призвании и долге. При общем расстройстве монастырские здания оставались большей частью без благовременной поддержки и приходили в ветхость и разрушение. Появлялись по временам со стороны настоятелей усилия сообщить если не внутреннее, то внешнее благообразие монастырю, но они были редки, слабы и не достойны замечания. Это, однако же, зависело иногда не столько от недостатка средств, сколько, кажется, от упадка монастырской хозяйственности и неумения взяться за дело, когда все разом требовало исправления, и происходящее отсюда равнодушие и какая-то привычка к неудобствам. К концу прошедшего столетия монастырь имел у себя даже излишек в деньгах, то есть остаточную сумму (1300), но он по-прежнему не заботился о своем неблагообразии и скудости в содержании. Впрочем, несмотря на такое неблагоустройство и оскудение, в народной памяти сохранились имена некоторых старцев, отличавшихся доброй иноческой жизнью; к числу таких она относит строителя Мельхиседека и добродушного старца Епифания; молитвы таких-то ведомых и неведомых избранников Божиих снова обратили на обнищавшую дозела обитель милость Божию.

С приближением текущего столетия положение монастыря стало изменяться к лучшему. По счастью, он¹ начал с того, что около 1800 года перенес из Благовещенской часовни в соборную церковь свой благоговейно чтимый гражданами и окрестными жителями образ «Скорбящей Божией Матери». Так как многие находили и находят в нем по вере врачевание от скорбей душевных и телесных, то водворение его в монастыре обратило к последнему усердствующих и сделалось для него немаловажной поддержкой. Замечательно, что с перенесением в монастырь сей иконы как бы видимо вселилась в него благодать и помощь Божия. По крайней мере, с сего времени обильнее и чаще преж-

¹ Перенесение было при иг. Пимене.

него начали притекать к нему различные пособия, и он ошутимо стал восставать из своего уничтожения. После долгих скорбей первым утешением для него (в 1797 г.) была высочайшая милостыня по 300 руб. ежегодно от монарших щедрот императора Павла Петровича. Тому же высокому благодетелю обязан он и тем, что в том же году получил мельницу на реке Рессе с рыбной ловлей, а в 1801 году 30 десятин земли около стен своих. Благодарно воспользовавшись сим даром для своего хозяйства, он тогда же начал постепенно обводить землю свою почти со всех сторон глубокой канавой и таким образом навсегда обезопасил себя от соседей и ссор с ними. При деятельности строителя о. Пимена скоро нашлись средства к поддержанию строений, улучшению быта братии, обогащению церкви прекрасными сосудами чеканной работы с камнями. С водворением порядка и приличного довольства увеличилось само братство и его значение. К большому преуспеянию его в благочинии способствовали сами обстоятельства: в 1802 году он сделался общежительным и подчинен ближайшему надзору благочинного и суду его в неважных случаях. Это преобразование открыло ему более верный путь к благоустройству и уважению. Посему в 1805 и 1806 годах он нашел уже таких благодетелей, которые могли сделать вклады в Опекунский совет в пользу его: то же, но с большей щедростью, повторилось для него в 1811 и 1812 годах; почти тогда же получил он три старые деревянные церкви из сел, назначенные сперва для устройства училища: Силькович, Городечни и Анисова Городища, но обратившиеся на его потребности. К этому можно прибавить и то, что он никогда почти не покупал для себя хлеба и нужное количество его ежегодно получал от щедрости граждан и соседних помещиков.

Впрочем, среди приобретений извне он подвергался иногда и значительным лишениям. В 1811 году похищен из него жемчуг и камни с большого Евангелия и другие вещи; немного спустя пожаром в верхней церкви уничтожены кровли на обоих алтарях и так поврежден иконостас с некоторыми иконами, что открылась необходимость заменить его новыми. Тогда же он принужден был разобрать колокольню свою по ее ветхости. Как бы в замену сих лишений, в 1815 году северная сторона его украсилась большим двухэтажным корпусом для Мещовских духовных училищ. Уступая при сем место для них, он пожертвовал также часть строений своих, а в 1837 году предоставил в рас-

поряжение их и значительную часть земли, отделивши ее от сада, разведенного строителем Пименом. Продолжая украшаться и удовлетворять своим нуждам, в 1819 году он приступил к построению новой колокольни, и с помощью сборов с крестьян князя Егупов-Черкасского благополучно окончил ее. Ранее того освящен (в 1814) Дмитриевский придел, перестроенный в 1809 году.

Но не одни материальные приобретения утешали монастырь. В 1812 году с необыкновенным торжеством и усердием духовенства и народа 26 июня похоронено в средней восточной башне его замечательное лицо из крестьян села Клетина, так называемый Андрей юродивый. Жизнь его отличалась необыкновенными особенностями: он говорил весьма редко и мало; во все времена года ходил нагой с небольшим топориком и веревочными четками; не имел почти определенного пристанища и питался подаянием только таких людей, которые отличались чистотою своей жизни. Поэтому граждане до сих пор чтут память его, вносят имена в свои помянники с именем Андрея и служат панихиды над его могилою. Около того же времени один из братии, монах Аммон, ознаменовал свою жизнь подвижничеством иного рода. Желая послужить Богу и обители любовью к труду, он избрал для себя подвигом насаждение березовой рощи в сухом и бесплодном месте. Долго трудился он; наконец труд его увенчался успехом: роща его доселе украшает монастырь. Еще с большим уважением вспоминается строгая жизнь и назидательность строителя Михаила. Лишившись зрения сам, он, однако же, долго был истинным светом для многих не только иноков, но и мирян, и мудрую жизнь свою о Христе под конец увенчал принятием схимы с именем Макария.

Между тем монастырь, мало-помалу оправляясь от своего запустения, еще далек был от желаемого благоустройства. Сверх всякого чаяния это благоустройство, по дивным судьбам Божиим, пришло к нему путем разрушения. В 1833 году, при сильной буре, громом разбило верх одной из угловых башен его; но этот удар был только слабым предвестием другого, более тяжкого и опустошительного. 13 июля 1836 года образовались на юго-западе и северо-западе темные и зловещие тучи. Как бы оспаривая друг у друга путь к Мещовску, обе страшно волновались и оглушали окрестности раскатами грома. От быстрого напора их скоро закурился сильный ветер и, надвинув их на город,

превратился в грозный и разрушительный ураган. Был день, а все потемнело; тучи, будто упали на землю и разразились над монастырем и частью города страшным дождем, молнией, вихрем и разрушением. Гонимые ужасом и очевидной опасностью, все спешили в самые крепкие и закрытые убежища. При полном развитии урагана не только кровли, заборы и деревья, но и верхи каменных зданий сокрушались под ним. Но, кажется, от ударов его более всех потерпел монастырь. В нем ни одного почти здания не осталось без существенного повреждения, начиная с церкви, колокольни и башен до самых низких строений. После такого разрушения ему оставалось или совершенно уничтожиться, или во всех частях обновиться. Состоялось последнее. Священный Синод, внявши представлению епархиального начальства, ассигновал на обстройку опустошенной обители более 19 тыс. рублей. Милость сия, при усердии доверенных, вскоре дала монастырю гораздо лучший вид, нежели какой он имел прежде. Между прочим, с церкви его сняты угловые главы и покатая на четыре стороны кровля заменена шарообразною; колокольня значительно возвышена и украшена легким шпилем с чашею и полуколоннами в современном вкусе; прочие здания покрыты и исправлены, а конный двор был полностью перестроен. Сколь существенно было обновление монастыря, можно судить по, тому, что при всей экономии и малочисленности зданий издержано было на него 10 тыс. рублей одной ассигнованной суммы, кроме запасной монастырской.

По обстройке внешней всего нужнее было для монастыря устройство внутреннее в духе и чине древних обителей. Немногие настоятели способны к тому, и еще менее таких, которые бы среди забот о хозяйстве и занятий по должности могли принять и принимали бы на себя попечение о духовных потребностях своего братства. К счастью монастыря, в лице строителя Никодима он приобрел не только попечительного настоятеля, но и способного руководителя к иноческой жизни. Образовавшись в Оптинском скиту под руководством замечательного старца Леонида, он прежде всего устранил из братства неисправимых членов его и, заменив их иноками доброй жизни, постепенно словом назидания начал твердо водворять в обители своей то благочиние, которое так утешительно видеть в монастырях общежительных. Мало-помалу настойчивое усилие увенчалось полным успехом. Выходы из монастыря прекрати-

лись, соблазны пресеклись, и важное дело спасения души нашло своих ревнителей. Самое благоприличие в одежде, скромность и чинность в трапезе и храме — все свидетельствует, что братство успешно научилось первым из своих обязанностей — смирению и послушанию.

Не остались в пренебрежении и житейские удобства братии. Трапеза монастырская исполнилась таким довольством, какого никогда не имела: два раза в году, в храмовые праздники, начали предлагаться обильные столы для всех нищих и убогих; богатство ризницы сделалось столь полным и замечательным, что от избытков ее весьма нескучная часть пожертвована в православные церкви разоренной Трансильвании. Прежнее уважение возвратилось сугубо; снова появились усердные вкладчики; одна графиня А. А. Орлова внесла для монастыря 5 тысяч рублей серебром в Опекунский совет.

Подобные приобретения утешали монастырь почти непрерывно, идя как бы рука об руку с преуспеванием его в благочестной жизни. В 1851 году приобретено для него более 69 десятин строевого леса близ села Алферьевского, а в 1852 году верхняя церковь украсилась богатой и изящной люстрой. Тогда же стали быстро появляться разные постройки и улучшения. Началось каменной часовней в с. Сухиничах; вслед за нею сделана красивая пристройка к настоятельским кельям. Ранее того уничтожена церковь над Святыми воротами, потом настала необходимость разобрать и самые ворота с другими старыми зданиями. Тяжел и ценен был подлежащий труд, но он с надеждою на помощь Божию и благодетелей предпринят. В 1851 году на месте безобразных ветхостей одновременно появились новая ограда на значительном пространстве, новая угловая башня, двухэтажные ворота и при них сторожевые кельи. Ревностно продолжая начатое, монастырь тогда же обновил окраской и позолотой нижнюю церковь с иконостасом и оправил все каменные здания. В следующем году выстроены большие деревянные кельи в саду и связана каменной галереей и лестницей колокольня с церквями. Таким образом, все грубое и скудное в прежних постройках быстро уступало место прочному и благообразному и, в свою очередь, вызывало к дальнейшим усилиям.

По окончании сих трудов деятельность монастыря, усиленная щедротами и благотворением московского купца Павла Матве-

еца Александра, преимущественно перенеслась в верхнюю церковь. До сих пор иконостас ее был очень беден, стены же и вовсе неблаговидны; теперь эти стены и галерея расписаны масляными красками, а вместо старого иконостаса явился благолепный новый с иконами и резьбой в византийском стиле и сплошной позолотой. Лучшим также украшением соборной церкви стал многоценный оклад на древней иконе Скорбящей Божией Матери и богатый иконостас для нее.

Немало, наконец, потрудился монастырь и вне стен своих. Он оштукатурил и покрыл лицевую часть их; снял старые шатровые верхи с башен и дал им нынешнюю красивую форму; устроил у себя рыбную сажалку с большим спуском воды около нее и, наконец, выстроил вместительную и удобную гостиницу для богомольцев и приезжих на Петровскую ярмарку, в видах всегдашней пользы от них.

Нельзя стороннему лицу определить с точностью ценность всего, что монастырь приобрел и устроил при усилиях настоятеля своего отца Никодима, но можно сказать с достоверностью, что он в десятилетнее управление его употребил на устройство и украшение свое более 10 тысяч рублей серебром. Благословляется теперь память христоролюбивых благотворителей его, но долго и очень долго не забудется в молитвах братии и имя того, кто так благонамеренно и с такой любовью и усердием послужил его благу внутреннему и внешнему.

Церкви и прочие здания

В Мещовском Георгиевском монастыре находится ныне лишь один храм каменного здания, двухэтажный. В нижнем этаже — настоящая во имя св. великомученика Георгия с приделами, с правой стороны св. Дмитрия Ростовского Чудотворца, а с левой во имя Воздвижения честнаго и животворящего Креста Господня.

История храма

Храм этот построен в конце XVII столетия, в настоятельство игумена Серафима, и окончен, как надобно полагать, в 1691 году, в котором отец Серафим был возведен в сан архимандрита.

Придел во имя святителя Дмитрия Ростовского Чудотворца

устроен в 1760 году в каменной галерее, окружавшей церковь, но самая галерея существовала уже в первой четверти прошедшего столетия. Этот придел переделан в 1819 году и отделан внутри заново в 1856 году усердием господ Камынина и А. С. Кавериной.

Второй придел, в симметрию с первым, предполагался еще в 1809 году во имя св. апостолов Петра и Павла; устроен же в недавнее время во имя Воздвижения честного Креста уже при нынешнем настоятеле обители и отделан внутри усердием г-жи М. С. Панютиной.

Архитектурой храм имеет вид корабля: восточную оконечность составляет полукруглый алтарь нижней церкви; алтарь верхней церкви находится не над алтарем, а над настоящей нижней церковью. А настоящая верхняя церковь над трапезою нижней; с северной и южной сторон пристроены две каменные двухэтажные палатки, крыша которых доходит лишь до половины высоты квадрата верхнего храма, то есть до его верхних окон. Внизу в этих пристройках помещаются боковые приделы, а вверху слева ризница; передняя и правая стороны, окружая верхнюю церковь в виде галереи, служат ей трапезою; с задней стороны, между храмом и колокольней, устроена в настоятельство о. игумена Никодима деревянная двухъярусная галерея, в которой под деревянной, крытой железом кровлей устроена лестница, ведущая чрез колокольню в верхнюю церковь; а внизу, с южной стороны, пролет или арка для входа в нижнюю церковь.

Лестница, проходя в храм галерей, освещена с боков большими и малыми окнами с частым переплетом. Каждая из двух боковых пристроек храма освещены шестью окнами, по три в каждом этаже, верхняя с дуговыми, а нижняя с прямыми перемычками.

Таким образом (считая с боков пристройки), нижняя церковь имеет десять окон, по пять с каждой стороны, кроме алтаря, в котором три окна; верхняя церковь в два света; внизу (с пристройками) по четыре окна, вверху по два окна; в алтаре также три окна.

Кровля на полукруглых алтарях нижней и верхней церковей трехскатная; на квадрате верхнего храма прежде была шатровая, а после бури 1836 года заменена куполом, который обит железом и окрашен зеленой краской; над ним, на цилиндрах трибун, грушевидная глава с яблоком и золоченым крестом. Никаких других наружных украшений, кроме карнизов и нескольких простых пилястр, нет.

Нижняя церковь настоящая во имя св. великомученика Георгия с двумя приделами. Вход с юга через боковую арку или пролет, устроенный в каменной галерее, которая, соединяя храм с колокольней, приводит к западным дверям, находящимся под галереей; по сторонам этих последних дверей помещены древние иконы старого иконостаса; по отверстию западных ворот вступаем в притвор, в котором трое дверей: прямо — железная с затворами ведет в трапезу нижнего храма, а две боковые — в приделы. На восточной стене притвора, прямо против входа, размещены иконы старого иконостаса, древние, но низкого письма. Трапеза занимает средний квадрат нижней церкви, своды низменны, почти плоские, связи железные; трапеза отделена от пристроенных к ней уже после приделов капитальными стенами, а потому имеет ныне лишь по одному боковому окну с широкими внутрь отвалами; остальные боковые окна заложены при устройстве приделов; в западной стороне в углах кафельные печи.

Трапеза соединяется с главной частью аркой; на правой стороне этой трапезы, в особо устроенном месте, украшенном колоннами с золочеными капителями и резьбой, помещается зимой икона «Скорбящей Божией Матери»¹; на левой стороне икона «Федоровской Божией Матери», врезанная в большую доску, на которой изображены явление и чудеса этой иконы; величиною она 2 аршина, шириной 1 аршин с вершком; на Божией Матери венец и цата серебро-позолоченные, чеканные, с травы; поля обложены серебро-позолоченной штилистовой поливкой; венец с короной (в которой по сторонам изображены херувимы). Икона эта хорошего древнего письма, помещена просто на восточной стене трапезы.

Рядом в иконостасе, приставленном к той же стене, помещаются три большого размера и тоже древние иконы: Вознесения Господня с серебро-позолоченным венцом, св. апостолов Петра и Павла с венцами серебро-позолоченными, великомученицы Параскевы-Пятницы в серебро-позолоченном венце с короной.

В главной части также своды низкие; имеет по одному окну с каждой стороны между клиросами и иконостасом; иконостас о двух ярусах, поле зеленое, колонны посеребрены с золотыми капителями. Иконы старого, но хорошего письма (несколько обновлены); левый клирос прислонен к западной стене, длин-

¹ Летом переносится в верхнюю церковь.

ный с деревянным помостом, возвышен на одну ступень для стояния братии; пол, как в трапезе, так и в главной части с алтарем, кирпичный.

В оконном отвале (с левой стороны) помещены составные иконы: в середине врезан в деку киотец с частью мощей св. великомученика Георгия, в серебро-позолоченном окладе; края киотца убраны бирюзой, а сияние вокруг составлено из страз и алмазов; корона из стразов, бирюзы и двух изумрудов; на доске, в которую вставлен сей киотец, изображены чудеса великомученика Георгия; поля эти обложены медным посеребренным окладом.

Алтарь отделен от главной части стеной; двери в пролетах восточной стены полукруглые, освещены тремя окнами; по сторонам среднего окна помещены древние иконы «Спаса Вседержителя» и «Божией Матери Смоленской» (Одигитрия); на первой иконе венец с короной и цата серебро-позолоченная с травами чеканными, а на второй — венец медный, посеребренный. В алтаре на южной стороне устроена печь.

В приделе Святителя Дмитрия Ростовского иконостас одноярусный, поле коричневого цвета с позолотой по местам; иконы тоже живописные: местные штилистовые оклады, вставлены в доски в виде складней, в середине:

1) «Казанской Божией Матери», а на створках св. Александра Невского и Николая Чудотворца,

2) «Спаса Вседержителя»,

3) св. Дмитрия Ростовского; все в серебряных ризах новой искусной работы; особенно хороша риза на иконе св. Дмитрия; края одежды обложены серебряной сеткой филигранной работы, а корона убрана разноцветными камнями; поля иконы Спасителя и одежда св. Дмитрия волнистые (морэ); а в иконе Спасителя одежда тоже белая матовая с золотыми травами, венец совершенно гладкий.

Придел этот сделан в 1856 году Камыниным, начальником Мещовской дружины в минувшую войну, и А. С. Кавериной. Освещен тремя окнами, два с южной, одно с западной стороны; в алтаре два окна, одно на восток и одно на юг; печь в углу. Клирос один закрыт иконостасом, в котором вставлено шесть икон: вверху две прежние местные окладные, «Нерукотворного Образа» и «Знамения Божией Матери», в серебро-позолоченных ризах, а в двух других рядах неокладные, иконного же письма: «Ахтырской Божией Матери», Иоанна Воина, Георгия Победоносца

и свт. Митрофана; рядом на стене икона «Казанской Божией Матери», копия с чудотворного образа «Казанской Божией Матери», что в городе Калуге, пожертвована этого же монастыря монахом Григорием; венец серебро-позолоченный чеканный, с травы; убрус и ризашиты по цветной фольге, частью решеткой, частью травами, мелким казанским жемчугом хорошего подбора, а на концах венца привешены жемчужные привесы в виде серег. На убрусе и оплечье по звезде из страз.

Второй придел, во имя «Честнаго и Животворящего Креста Господня», устроен недавно при нынешнем настоятеле о. игумене Мельхиседеке. В иконостасе поле белого цвета, местами с позолотой. Иконы хорошего нового письма; устроен усердием г-жи М. С. Панютиной.

Верхняя церковь холодная во имя Рождества Пресвятой Богородицы; вход из-под трех пролетов колокольни через широкую коленчатую деревянную лестницу с перилами, устроенную в галерее, соединяющей колокольню с храмом; из этой галереи ведут два входа: один выше на колокольню, а другой прямо в церковь; по стенам галереи над окнами размещены иконы из старых иконостасов, в том числе три иконы Святцев хорошего мелкого письма. Из галереи через дверь вступаем во вторую галерею, которая окружает с трех сторон верхнюю церковь. Церковь составляет ее трапезу; с левой же (северной), стороны устроена палатка, в которой помещаются ризница, библиотека и архив. Эта часть храма (трапеза) имеет по три окна с северной и южной сторон, полуквадратные с дуговыми переплетами, и четыре с западной (по два с каждой стороны входной двери). Стены расписаны живописными изображениями. Пол трапезы на две ступени ниже пола церкви. На восточной стене, отделяющей трапезу от настоящей, к сторонам входной двери устроены иконостасы, в которых помещены древние образа большого размера, бывшие местными в верхней церкви до последнего ее обновления (в 1850х годах).

На правой стороне:

- 1) Спаса Вседержителя в серебро-позолоченном венце;
- 2) Рождества Пресвятой Богородицы, поля обложены серебряной ризой¹;
- 3) преподобного Сергия в серебряном венце.

¹ Устроена строителем Ираклием.

На левой стороне:

1) Знамения Божией Матери с серебро-позолоченными венцами;

2) Георгия Победоносца в серебряном окладе, венец с короной и городками;

3) Николая Чудотворца в серебро-позолоченном венце. Напротив иконостаса поставлен свечной ящик, тут же панихидница с большим живописным крестом.

Верхняя церковь освещена вверху пятью¹ окнами с прямыми перемычками. Иконостас новый двухъярусный; иконы в киотах, украшены хорошей позолоченной резьбой; на карнизе между первым и вторым ярусом иконы в клеймах (праздники), также и на карнизе верхнего яруса тоже круглые клейма с иконами; иконы обоих ярусов разделены вдоль витыми золочеными колоннами с капителями и базами, опирающимися на поперечные выступы (карнизы); во втором ярусе — в середине икона «Коронования Божией Матери», вверху «Распятие с предстоящими»; царские двери с золоченой фигурной резьбой. Этот иконостас устроен в настоятельство игумена Никодима.

Клиросы закрыты особыми местами или киотами; по сторонам золоченые столбы одинакового стиля с иконостасом; вверху балдахин, а над ним в золоченой короне святой с крестом. В этих местах помещаются иконы: с правой стороны местно чтимая чудотворная икона Божией Матери «Всех скорбящих Радости», перенесенная в монастырскую церковь из упраздненной городской Благовещенской часовни в начале текущего столетия (в 1807 г.). Икона длиной 1,25 аршина, а шириной 15 вершков; на ней оклад серебро-позолоченный во всю доску, чеканной работы 84 проб.: венец с короной серебро-позолоченный, чеканный же, с лучами из страз; в короне три изумруда с бриллиантом и зелеными камнями; венец на предвечном Младенце с лучами из страз же, с двумя в короне камнями голубого и один красного цвета. На правом плече Божией Матери звездочка бриллиантовая. Вверху Бог Отец и по сторонам шесть ангелов с серебро-позолоченными венцами, на иконе 9 клейм финифтяных белых в серебро-позолоченных гнездах с обычными надписями, во весь рост с украшением, веса 11 фунтов 21 золотник. Этот образ вставлен в деревянную позолоченную раму, которая украшена позолоченной резьбой из виноградных ветвей и цветов.

¹ С северной стороны одно.

За левым клиросом икона св. апостолов Петра и Павла без оклада.

Верх церкви шатровый, глухой; посредине висит большое, хорошей работы, медное посеребренное паникадило «о трех ярусах», пожертвовано благотворителем обители, московским купцом Александровым¹.

Солея возвышена на две ступени от пола; полы штучные (паркет).

Алтарь отделяется глухой стеной, двери устроены в пролетах (арках), освещается четырьмя окнами, пятое (среднее) заложено; за престолом образ «Тайной Вечери». На правой стороне образ итальянской живописи, изображена Божия Матерь с Младенцем во весь рост, в руках Которого копье, которым Он поражает змия; вокруг небесные силы — херувимы и серафимы; поля обложены сребро-позолоченным окладом; венец осыпан бирюзой — в сиянии, в них по одному бриллианту. Вся риза в 80 руб. серебром; образ этот пожертвован генеральшей А. С. Кавериной.

По другую сторону запрестольный образ — икона «Сошествия Спасителя в ад» (Воскресения Христова), в сребро-позолоченной ризе.

Вся церковь и алтарь расписаны священными изображениями; в южной стене дверь в окружающую ее с этой стороны галерею; западная дверь, ведущая в эту же галерею, устроена в арке стеклянной, а наружные двери из трапезы на лестницу железные, с затворами.

Колокольня, в одной связи с церковью, новой архитектуры, построена в 1820 году вместо разрушенной бурей в 1768 году и разобранный до основания в 1809 году, квадратная четырехъярусная; три яруса украшены двойными колоннами, а вместо окон — пролеты; в верхнем — палатка для часов, покрыта куполом, который увенчан грушевидной главой, на ней позолоченный крест, утвержденный в яблоке. На колокольне находится 11 колоколов: самый большой весом в 136 пудов 4 фунта. На нем вычеканена надпись: *«1754 года февраля 2-го дня, вылил сей колокол в обитель св. великомученика Георгия, что близ города Мещовска, а в оном в новом положено старого бывшего колокола оной же обители весу 51 пуд 20 фунтов,*

¹ Прежнее же медное 10-пудовое паникадило, пожалованное в обитель в 7199 году от царей Иоанна и Петра Алексеевичей, ныне находится в одной из городских церквей.

а вновь приложено к старому колоколу тому Архимандритом Силою 84 пуда 24 Фунта, впредь для поминовения души своей. Итого в оном колоколе старою и с новою медью 136 пуд. 4 ф.; лил сей колокол мастер Константин Михайлов сын Слизов».

На другом колоколе надпись: «1793 года декабря 27 дня, перешел сей колокол из стараго города Мещовска в Егорьевской монастырь при Строителе Мельхиседеке, весу 37 пуд. и 30 фунтов».

Прочие здания

На западной стороне, против соборной церкви, настоятельский корпус каменный двухэтажный, крыт железом, над входом зонт и прямо от входа лестница в верхний этаж в настоятельские кельи; внизу братские кельи и хозяйственные; корпус этот входит в линию ограды и имеет крытый балкон на каменных столбах, с которого открывается приятный вид на западную сторону обители. Рядом с этим корпусом каменное одноэтажное здание братской трапезы с пятью окнами по переднему фасаду; над входом железный зонт.

На восточной стороне корпус братских келий деревянный, одноэтажный, крытый железом, на восемь келий.

На южной стороне также небольшой одноэтажный, крытый железом корпус братских келий.

На северной стороне двухэтажный каменный корпус, занимаемый духовным училищем, устроен в 1816 году и украшен по переднему фасаду четырьмя круглыми колоннами, обнесен вокруг каменной оградой с башнями, которых числом семь, четыре угловых, две в середине восточной и южной стен и одна над Святыми вратами обители.

В юго-восточной башне казначейские кельи (вверху), а внизу хлебня. В южной стене четыре башни: две угловых и две средних, одна над Святыми вратами ближе к юго-восточному углу и одна в середине ограды, занимаемая баней; три из этих башен¹ переделаны в настоятельство о. игумена Никодима, а башня с Святыми вратами построена вновь по разборке, бывшей на Святых вратах Вознесенской церкви; на переделанных

¹ Кроме той, что над Св. вратами.

башнях вместо шатровых верхов сделаны крыши почти плоские с малым на четыре стороны скатом, обставлены по карнизу сухариками; между юго-западной угловой башней и Святые воротами пристроен к стене каменный одноэтажный флигель¹, а между ним и угловою башнею деревянная постройка, служащая сенями, как флигелю, так и башне; Святые ворота устроены в виде большой двухэтажной башни; в нижнем этаже арка и в ней ворота; верхний корпус обставлен сухариками или бойницами; второй этаж крутой, накрыт шатровым верхом, обитым железом, на котором золоченый крест в яблоке; снаружи над Святыми воротами в нише написаны изображения св. Георгия великомученика и св. Дмитрия Ростовского.

В угловой юго-восточной башне, двухэтажной, вверху казначейские кельи, а внизу хлебня.

В восточной стене в середине находится башня старой формы, в которой находится могила Андрея юродивого: башня эта квадратная с шатровым верхом и железным над ним флюгером. К башне пристроены деревянные сенцы в высоту стены, в них поставлены по сторонам старые иконы. Внутри самой башни могила Андрея юродивого, обнесена железной решеткой. На восточной стороне живописное Распятие с предстоящими, предним висит медное паникадило; с левой стороны икона, принадлежавшая в Боге почившему Андрею², Божией Матери, так называемая «Блаженное Чрево», венец медный, позолоченный; с правой стороны Распятия висит епитрахиль для служения панихиди и длинные веревочные четки работы юродивого, по которым он молился. Тут же хранится лезвие того топорика, который был неразлучным спутником Андрея. Усердствующие к его памяти служат по нему панихиды, спускают с этого топорика воду и пьют ее.

Северо-восточная башня пустая; близ нее небольшой монастырский пчельник. С северной стороны к училищному корпусу отделена легким деревянным забором часть монастырского двора во всю длину его. В северо-западном углу монастыря скотный и конный двор; в него ведут изнутри монастыря ворота, против которых находится колодец, накрытый навесом на столбах; по левую сторону этих ворот каменный сарай, в нем погреба и ледник.

Внутри двора — с севера конюшня, с запада навес и коровник, с юга два жилых корпуса, один деревянный, другой камен-

¹ В котором до 1846 года помещалось Духовное правление.

² Из дома мещанина Кобелева.

ный, с востока хлебный амбар и небольшой жилой корпус (новый). В северной стене в углу двора старинная башня (северо-восточная), низ квадратный, сверху восьмигранный шатер с флюгером; внутри него устроена квасоварня. В юго-восточном углу монастыря гостиный двор, состоящий из деревянного флигеля с мезонином; позади его двор с навесом для экипажей.

Внутренний монастырский двор позади церкви, и от Св. ворот до забора, которым отделяется монастырь от училища, занят плодовым садом, в котором были прежде старые лесные деревья, опрокинутые разрушительной бурей 1836 года, от которых уцелела на память лишь одна старая развесистая липа. Близ самой церкви на южной стороне небольшое кладбище, на котором есть несколько новых памятников: все принадлежат погребенным в текущем столетии. Только перед входом в нижнюю церковь положен для памяти старый могильный камень с надписью, найденный при устройстве галереи, ведущей в верхнюю церковь; камень этот служит порогом верхней церкви, будучи обращен надписью вниз, почему он сохранился и доселе.

Монастырские часовни

Мещовскому Георгиевскому монастырю принадлежат три часовни, из которых две находятся на южной стороне монастыря, в виду его, одна на ярмарочном месте и называется Петровской, другая, так называемая Серпейская, на выезде из города по дороге в Серпейск; обе эти часовни составляют древнюю принадлежность монастыря вместе с Благовещенской в городе, которая по перенесении в 1809 году из нее иконы «Скорбящей Божией Матери», упразднена.

Построены вновь, из камня: Серпейская, постоянно открытая, с 1860 года, и Петровская, открывающаяся лишь во время ярмарки, в 1861 году усердием монаха Мартирия; при Серпейской часовне построена небольшая, деревянная с тесовой крышей келья для часовенного монаха.

Сухиничская часовня

В 1774 году строитель о. Лонгин, изыскивая средства к поддержанию лишившейся в 1764 году всех своих угодий обители, вошел 17 декабря с прошением к преосвященному Самуилу,

епископу Крутицкому, объясняя, что в Сухиничах есть деревянная часовня, в которой в проводимые еженедельно по пятницам торги собираются свечи. Церковь Сухиничская имеет довольноное содержание, а Георгиевский монастырь находится в крайней скудости и в службе, как в свечах, так и в ладане, и в церковном вине имеет недостаток, и поэтому просил отдать Сухиничскую часовню в монастырь. На это прошение, по получении сведения от священно-церковнослужителей села Сухиничи, что из этой часовни, кроме поставляемых свеч, денежного дохода не бывает, резолюцией преосвященного Самуила от 3-го октября 1776 года, определено: *«Объявленной состоящей в селе Сухиничах часовне быть отныне по приличию в ведомственного Георгиевского монастыря, яко заштатного и потому в церковных для ежедневного молитвословиях потребах, как-то: свечах и прочем, всякий недостаток терпящего, чего ради из Георгиевского монастыря в показанную часовню для свеч и денег отправить строителю Лонгину с братиею надежного человека».*

В 1819 году часовня эта во время бывшего в Сухиничах пожара сгорела, и в том же году дозволено было построить оную вновь каменным зданием. А при отце игумене Никодиме и та по ветхости была перестроена заново.

Петровская часовня

Каменная квадратная, с главой и золоченым крестом, покрыта железом и чисто обелена, открывается лишь во время ярмарки для свечной продажи и денежного сбора.

Серпейская часовня

Каменная восьмигранная, с шатровым верхом, обитым железом, и главой, увенчанной восьмиконечным золоченым крестом, стоит при выезде из города при устье двух дорог, Серпейской и Мосальской. Внутри около стен устроен иконостас, состоящий из двух рядов икон, частью древних, частью обновленных. Середину этого иконостаса занимает распятие с резной плотью и резными фигурами предстоящих; по сторонам две иконы — Спасителя и Божией Матери с сребро-позолоченными венцами и в медных посеребренных окладах. На иконе Божией

Матери в клейме надпись: «1709 года февраля 12-го дня, сию икону Пресвятыя Богородицы выменил и дал вкладу в Мещовский уезд Егорьевского монастыря в церковь Вознесения Христова боярина Федора Абрамовича Лопухина человек его Алексей Семенов». К иконе привешена пелена, на которой по фиолетовому бархату вышито серебром крупными словами: «Богородице Дево, радуйся». Тут же древняя икона св. Николая Чудотворца, большого размера, с медным посеребренным венцом старинной работы. При этой часовне особо устроена небольшая деревянная келья для часовенного инокa.

Достопримечательные церковные вещи, ризница и церковная библиотека

Напрестольные Евангелия

1. Напрестольное Евангелие, значащееся в описи под № 1, большого формата на александрийской бумаге, Московской печати 1689 года, облачено рытым бархатом фиолетового цвета по золотой земле. Оклад верхней доски серебро-позолоченный гладкий, на ней средник — Деисус и наугольники — Евангелисты серебро-позолоченные накладные, чеканной работы. Вокруг средника расположены в гнездах восемь цветных камней: два зеленого, два фиолетового, один темно-желтый, три белесоватых; застежки медные вызолоченные.

2. Напрестольное Евангелие, значащееся по описи под № 2, на александрийской бумаге в лист большого формата, Московской печати 1798 года, облачено цветным рытым бархатом с травами по золотому полю. На передней доске оклад сплошной гладкий, серебро-позолоченный; на ней средник — Спас Вседержитель, стоящий на шаре; под ним надпись: «имеяй подножие землю», в поясе надпись: «имеяй престолом небо»; наугольники — Евангелисты серебро-позолоченные накладные, чеканные. На задней доске средник, наугольники плоские, прорезные, чеканные.

Надпись на обороте заглавного листа: «Сия святая книга, глаголемая Священное Евангелие куплена в прошедшем 1709 году на собственные деньги блаженные памяти государя родителя моего Ивана Васильевича Чебышева, тако же

и серебром и прочим украшением оправлено его же собственным; а сего 1753 года декабря 7 дня, ко исполнению обеща- ния онаго государя родителя моего, отдана сия святая книга Священное Евангелие в монастырь св. великомученика Георгия, что в городе Мещовске, для вечнаго поминовения во блаженной памяти родителей моих Иоанна Васильевича, Параскевы Алексеевны, да братьев моих родных Василия и Иоанна Иоановичей, к тому же и прародителей моих Ва- силия, Анны, монахини Таусии, Алексия, схимонаха Антония, Стефаниды, Пелагеи, Иоанна и всех моих прародителей и сродников, а потом, когда Бог велит и мне от сего времен- наго жития отъити, такоже и жене моей, тогда пожало- вать не забыть поминать меня Александра и жену мою Та- тьяну Ивановну, и быть сему святому Евангелию вечно и никем не отемлемо в оной Георгиевской обители и подписал я Александр Иванов сын Чебышев своею рукою 1753 года де- кабря 7 дня Козельскаго уезду, Луганскаго стану в селе Всес- вятском Еропкино тож».

Внизу по листам надпись: «1753 года месяца декабря 7 дня сию богодухновенную книгу глаголемое Священное Евангелие по обещаюнию своему отдал я А. И. сын Чебышев в Георгиев- ской монастырь, что в городе Мещовске, для поминовения родителей своих Иоанна и всех моих сродников преставль- шихся, того же Георгиевского монастыря при Архимандри- те Силе вечно и подписал я Александр Чебышев своею рукою».

Евангелие напрестольное в лист среднего формата, Мо- сковской печати 7142 (1634) года, облачено малиновым бар- хатом; средник — распятие и наугольники — Евангелисты¹ сребро-позолоченные плоские: изображения на них сделаны резьбою вглубь, застежки сребро-позолоченные с травами. Надпись по листам: «Сие Евангелие дала вкладу в Мещовской уезд в Егорьев монастырь, что под городом, боярыня На- стасья Ивановна, боярина Иванова жена Федоровича Стрешнева, по родителях своих в лето 7192 (1684) июня во 2-й день».

Евангелие в лист среднего формата, Московской печати 1701 года, облачено зеленым бархатом; на верхней доске сред- ник — распятие и наугольники — Евангелисты шестилистовые.

¹ Евангелисты без преобразовательных их знаков; у Иоанна изображен Прохор, ученик его.

Кресты

Крест серебро-позолоченный, гладкий¹, на лицевой стороне наложены финифтяные изображения лучшей работы, пять образов, осыпаны — средник распятия стразами с сиянием и короной из страз же, а в углах перекрестия четыре малых аметиста; остальные образа осыпаны в два ряда стразами и мелкой бирюзой с коронами, в которых (в каждой) вставлены по два бирюзовых камушка покрупнее.

Крест медный позолоченный: на лицевой стороне св. изображения чеканные, внутри в деревянном кресте частицы св. мощей; на тыльной стороне травы чеканные, на ней в круглых клеймах размещены надписи, означающие имена св. угодников Божиих, которых св. мощи помещены внутри креста; а на нижней ветви креста сделана еще надпись: «*Сей святой и животворящий крест Христов со св. мощами построися по обещанию Спасова Андроньева монастыря Архимандритом Серапионом, келейной, в лето от руб. Христова 1721-го году*».

Крест серебро-позолоченный, изображения чеканные с травами. На задней стороне, на нижней ветви креста вычеканена надпись: «*Лета 7197 (1689 году) мая в 16 день, построен сей святой и животворящий крест Господень в Мещовск в Георгиевский монастырь по стольнике по Силе Осиповиче Аничкове и по своих родителей в вечное поминовение, а строили сей святой крест Господень душевные его прикащики окольничей Василий Савич Нарбеков, да князь Василий Федорович Македонский*».

Церковная утварь

Сосуд, значащийся в описи под № 1, — чаша, одета сквозной серебряной решеткой наподобие жемчужной обниси; на поддоне между финифтяными изображениями вставлены в гнездах цветные камни: восемь фиолетовых и четыре зеленого цвета. Клеймо 1797 года.

Ковчег серебряный небольшой², в виде церкви, с главой и крестом, позади надпись: «*1763 году июня 10 дня построен сей ковчег Мещовского Егорьевскаго монастыря Архимандритом Силою, для вечного поминовения, собственным его*

¹ Клейма 1804 года.

² Клеймо 1763 года.

коштом». На лицевой стороне изображено вглубь распятие, а на нижней части (ящика) «Положение во гроб». В ковчеге два ящика, один с задней, другой с передней стороны, который разделен на два отделения, верхнее и нижнее.

Серебряное кадило обложено серебряной сеткой, в виде жемчужной обниси.

Ризница

Вообще ризница монастырская, будучи приумножена заботливостью некоторых настоятелей, каковыми были о. Пимен и игумен Никодим в текущем столетии, находится в удовлетворительном состоянии. Но в недавнее время, при нынешнем настоятеле, монастырь приобрел такое облачение, которому по богатству и изяществу нет подобного в других монастырях Калужской епархии. Это полное церковное облачение пожертвовано на поминавание генеральши А. С. Каверинной, согласно ее собственному назначению. При жизни ее оно хранилось в ее доме и употреблялось более при домашнем и изредка при церковных богослужениях.

Риза серебряного глазета со светло-голубым отливом, шита вся золотом и серебром по карте, на оплечье кругом вышиты слова: *«сердце чисто созижди во мне, Боже и пр.»*; в середине вышит Бог Отец, в образе старца «Ветхого деньми», в золотом сиянии; по углам херувимы. Крест и звезда шиты золотом; по неподольнику и вокруг всей ризы поля шиты цветами золотом и серебром, подкладка голубого гроденапля.

Подризник белого гроденапля, морэ, неподольник вышит синелью, обложен узенькой золотой бахромой, крест из золотого узкого газа, подкладка из белого ластика.

Епитрахиль из белого серебряного глазета, одинакового с ризой, на ней три креста шиты золотом по карте; между крестами вышиты золотом слова Служебника при возложении епитрахили: *«Благословен Бог изливаяй благодать свою на священники своя»*. Низ епитрахили обложен в два ряда золотой широкой бахромой. Подкладка из белого гроденапля.

Две пары поручей для священника и диакона из серебряного глазета, на них кресты вышиты золотом по карте и слова из Служебника, произносимые при одеянии поручей: *«Десница Твоя, Господи, сокруши враги и пр., и руце Твои сотвористе мя и создасте мя»*; подкладка из белого гроденапля.

Пояс из серебряного глазета, на нем крест вышит золотом по карте; кругом пояса вышиты золотом слова: *«Благословен Бог препоясуяй мя»*; подкладка из белого гроденапля.

Стихарь серебряного глазета со светло-голубым отливом. На оплечье вышит золотом в сиянии Св. Дух, кругом оплечья золотом слова: *«Господи, устне мои отверзеши и проч.»*; по углам вышиты золотом херувимы, крест шит золотом и серебром по карте; подкладка из голубого ластика.

Орарь серебряного глазета, на нем шесть крестов вышиты золотом и между ними слова: *«Господи, возвах к Тебе! услыши мя, и да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою»*; концы обложены широкой золотой бахромой; подкладка из белого гроденапля.

Покров и два воздуха серебряного глазета; покров вышит золотом, серебром и синелью. В середине крест шит по карте золотом и серебром, кругом креста терновый венец, по углам вышиты золотом и серебром орудия страстей Господних, по полям слова: *«Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся»*; обложен кругом золотой бахромой с четырьмя золотыми кистями по углам. Подкладка из белого гроденапля. Воздухи также вышиты золотом, серебром и синелью. В середине золотые кресты, вокруг их слова: на одном — *«Приимите, ядите сие есть тело Мое»*; на другом — *«Пийте от нея вси, сия есть кровь Моя»*. Обложены кругом золотой бахромой, подкладка из белого гроденапля.

Пелена под Евангелие из полос, три серебряного глазета и четыре пунцового бархата, вышиты белыми бусами и голубым бисером с золотым шнурком; на ней крест вышит также бусами, бисером и золотым шнурком, кругом обложена золотой бахромой; подкладка белого коленкора.

Все облачение ценится более 1000 руб. серебром и может составить украшение самой богатой ризницы. Пожертвованы в обитель 27 июня 1861 года, в день погребения г-жи Кавериной (урожденной Богдановой).

*Богослужбные и вообще старопечатные
книги церковной библиотеки*

Октоих в лист Московской печати 1683 года.

Пролог Московской печати 1696 года. Надпись по листам: *«Лета 7206 июля в 10 день дал вкладу сию книгу Пролог*

на свое обещание Чудова монастыря иеродиакон Никон города Мещовска в Георгиевской монастырь».

Минеи месячные 12 книг Московской печати 1683 года; надпись внизу по листам: «7200 года января в 25 день, сии книги Минеи месячные дал вкладу боярынь Федор Абрамович Лопухин, Мещовского уезду в Георгиевский монастырь при Архимандрите Серафиме с братиею, а за тот вклад помянуть родителей его, схимонаха Александра, Ефимию, Устинию».

Триодион или Трипеснец Московской печати 1682 г.

Маргарит Московской печати 1698 года; надпись на первом листе: «1700 года августа в (-) день, в сей Георгиевский монастырь дал вкладу Маргарит Чудова монастыря иеромонах Никон, а пострижение его в семь Георгиевском монастыре, что в Мещовске и того же году он иеромонах Никон в армии под Нарвою убит от Шведов».

Апостол Московской печати 1684 года.

Апостол Московской печати 1697 года.

Библия Московской печати 1663 года. Надпись: «Сия книга глаголемая библия Гремячего монастыря игумена Лазаря его келейная, продать ее на деньги и роздать по нем игумену на поминовение души его, а продал сию книгу приказчик души его, Лихвинскаго уезду Доброго монастыря Архимандрит Иларион города Мещовска Георгиевского монастыря белому диакону Иоанну Симеонову зовоному Карачевцу». Другая надпись: «1735 года октября 6-го дня Преосвященный Сергей Епископ Великоустюжский и Тотемский отдал сию книгу библию в Мещевский Георгиевской монастырь для поминовения себе и родителей своих».

«Обет душевный» соч. иеромонаха Симеона Полоцкого, Московской печати 1681 года. Надпись по листам: «Сия книга глаголемая обет душевный игумена Серафима». Другая надпись свидетельствует, что он дал ее на поминовение себе и родителей своих 7206 (1698) году.

Евангелие учительное воскресное Московской печати 1697 года. Надпись по листам: «7217 (1706) сентября в 8-й день дал вкладу сию книгу Евангелие города Мещовска Георгиевского монастыря иеромонах Пахомий Блестанов, в тот же Георгиевский монастырь при Архимандрите Серапионе с братиею, а за тот вклад помянуть родителей его: Свя-

ценно-Архимандрита Серафима, Иоанна, Ксении, Тимофея; подписал своею рукою, цена 27 алтын».

Книга трудов св. Ефрема Сирина, Московской печати 1701 года.

«Беседы св. Иоанна Златоустого на 14 посланий Апостола Павла», в двух частях, Московской печати 1709 года. Надпись по листам: «1735 года октября 6-го дня Преосвященный Сергий Епископ Великоустюжский и Тотемский отдал сию книгу беседы Апостольские в Мещовский Георгиевский монастырь для поминовения себя и родителей своих».

«Деяния церковные и гражданские» Барония, в двух книгах, Московской печати 1719 года, в лист. Надпись по листам: «Сию книгу зовомую Бароний, первую часть, Леонид Архиепископ Сарский и Подонский в Георгиевской монастырь, что в Мещовске, и для уверения подписал своеручно». На второй книге надпись такого же содержания: «1787 года октября 22, дал сию книгу зовомую Бароний вторую часть».

Триодь цветная Киевской печати 1724 года. Из подписи по листам видно, что книга эта была келейною преосвященного Леонида и отдана им в Мещовский Георгиевский монастырь.

Церковный Устав 1794 года Московской печати. Надпись по листам: «Сия книга глаголемая Устав Леонида Архиепископа Сарскаго и Подонскаго келейная, которую отдал в Мещовский в Георгиевской монастырь в церковь, а для уверения подписал своеручно. Леонид Архиепископ Сарской и Подонской 1734 года января 22 дня».

Рукописей в библиотеке монастырской замечательных нет, кроме нотного Устава трезвонном в 1/4 долю листа, в кожаном переплете (485 стр.). Оглавление сей книги:

- Трезвон празднику Владимирской Богородицы
- Трезвон Святей Троице
- Трезвон Апостолам Петру и Павлу
- Трезвон Филиппу Митрополиту
- Трезвон празднику Казанской иконы Богородицы
- Трезвон ризе Господней
- Трезвон Илье Пророку
- Трезвон Усекновению главы Иоанна Предтечи
- Трезвон новому лету
- Трезвон Сергию Радонежскому
- Трезвон Иоанну Богослову

- Трезвон Покрову Богородицы
- Трезвон Димитрию Солунскому
- Трезвон Архангелу Михаилу
- Трезвон Иоанну Златоустому
- Трезвон Екатерине мученице
- Трезвон Знамению Богородицы
- Трезвон Андрею Первозванному
- Трезвон Николаю Чудотворцу
- Трезвон Петру Митрополиту
- Трезвон Обрезанию Господню и Василию Великому
- Стихиры зимнему Николаю Чудотворцу
- Славник Ионе Митрополиту, лист. 185.

Книга вкладная

Начата архимандритом Серафимом в 1681 году. На первой странице надпись: *«Сия вкладная книга христианам, любителям дома Пресвятыя Богородицы и присно Девы Марии, честнаго и славнаго Рождества Ея и Георгия Стратотерпца во усердии писатися в книгу памяти вечныя поощряет желательнее».*

Далее следует слово, *«известное всем благочестивым христианам, любителям и строителям дома Пресвятыя Богородицы и присно Девы Марии, честнаго и славнаго Рождества Ея и Георгия Стратотерпца, во усердии писатися в книгу памяти вечныя поощряет желательне».*

Потом следует рассуждение о пользе милостыни вообще, которое оканчивается так: *«Вспомяни и Корнилия сотника, яко милостынею и молитвою, не точию грех неверства своего погуби, но видения Ангела Господня сподобися видети и глас от его слышати сице: Корнилие, молитва и милостыня твоя въздоша на память пред Богом. Много бо сия помогает на избавление души от грех, на сию душевную добродетель и благолепие дому Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Рождества ея Георгиевского монастыря зело устремилася своим тщательством блажеинья памяти благочестивейшая Государыня наша царица и Великая Княгиня Евдокия Лукьяновна».*

Далее следует историческая часть извещения: *«Сего ради*

мы убозии и грешнии, вседневные о спасении благочестия вашего богомольцы, Пресвятая Богородицы Рождества ея Георгиевского монастыря Архимандрит Серафим с братиею, в прошлых годах 187-м (1679 году), желанием возжелахом на дело сие, и о строении Святаго дому попечение имети с велиим есмь усердием.

При державе блаженныя памяти государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России Самодержца. И при державе великих государей наших и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев. И по благословению блаженныя памяти великаго господина нашего Святейшаго Кир Иоакима Архиепископа Московскаго и всея России и всех северных стран Патриарха. И по благословению блаженный памяти Господина нашего Преосвященнаго Варсонуфия Митрополита Сарскаго и Подонскаго. Да церковь Божественная во обители Пресвятая Богородицы и Страстотерпца Георгия, в конечное совершение построилась, еже приносити безкровную жертву Господеву, в славу святаго имени Его и в честь Пренепорочныя Девы Владычицы наша Богородицы Марии и о спасении благочестия вашего молим всею о Христе братиею нашею, будите блази и милостивы Святыя Восточный Церкви суше сынове, согласующеся и соединяющеся Православию... Тем же преклоните благослышательная ваша ушеса ко прошению нашему, дадите от сокровищ Богом вам данных на строение храма Божия и Пречистыя Матере Его.

Сего ради потщитесь благовернии и Христоролюбивии людие на созидание и украшение дому Пречистыя Владычицы наша Богородицы, честнаго и славнаго Рождества Ея и страстотерпца Георгия от сокровищ своих дати, и во вкладной сей книге доброхотное свое подаяние и отшедших душ родителей своих вечное поминовение под тем своим подаянием написати.

Мы же дому Пресвятая Владычицы наша Богородицы страстотерпца Георгия, Аз Архимаидрит Серафим с братиею моею известуем вам, и кто по нас будет дому Пресвятая Богородицы, донеле же обитель сия, милостию Христа Бога, и Пресвятая Богородицы, и страстотерпца Георгия предстательством в сохранстве будет стоять за от-

шедших от жития сего вписанных именами душ, молитва и поминовение не оскудеет никогда.

Царю же веков нетленному, невидимому, единому и премудрому Богу честь и слава ныне и во веки веков Аминь. Предложися от мироздания 7204 (1696) году февраля в 9 день».

Царские вклады

1. Лета 7189 (1681 году) пожаловал великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея великия, и малыя и белыя России самодержец, на каменную церковь двести пудов железа, дано марта в 1 день.

2. Лета 7192 (1684 году) июля в 3-й день пожаловали великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великия, и малыя, и белыя России самодержцы, на строение на каменную церковь пятьдесят рублей денег. Дано на церковную же утварь лакотных товаров: объяри серебряной 30 аршин, стихарь камчатый белый, оплечье участок золотный: подризник тафтяной соломенного цвета, денег дано 24 рубля 20 алтыны.

Лета 7193 (1685 году) боярин Иоанн Федорович Стрешнев дал вкладу денег двадцать рублей, сосуды серебряные, да на престольное Евангелие. Евангелисты серебряные позлащены, оболочено бархатом красным. Ризы зеленые изорбатные, оплечье золотное, поручи шиты золотом по зеленому отласу, камку зеленую на ризы: изорбат желтый на престол, крест серебряный благословенный чеканный.

3. Лета 7194 (1686 году) великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великия, и малыя, и белыя России Самодержцы, пожаловали 20 пудов железа, бочку белого железа: слюды пуд; пятьдесят листов белого железа к оконницам.

Во 196 (1688) году великие государи пожаловали на церковное строение, по боярине по Иоанне Михайловиче Милославском денег тридцать рублей.

Лета 7198 (1690 году) великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великия, и малыя, и белыя России Самодержцы, пожаловали на церковное Строение пятьдесят рублей денег, три бочки железа белого, две-

надцать пудов прутowego железа, двести тридцать досток чугуного железа.

Во 199 (1691) году великие государи пожаловали на колокольню сто пуд железа связного.

Лета 7199 (1691 году) великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великия, и малыя, и белыя России самодержцы, пожаловали в Мещовск в монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы и страстотерпца Георгия паникадило медное доброе, весом десять пуд, 30 гривенок, цена паникадилу сто семь рублей. Ризы объяринные золотные по серебряной земле, кругом обложены кружевом большим золотным, епитрахиль, да двои поручи объяринные золото с серебром, подризник изобратной красный, местами проткано золотом, обложен кружевом золотным кованым, стихарь объяринный серебряный белый, обложен кружевом золотным, орарь цветной, пелена большая налойная, что читают Евангелие, золотная полосатая, две пелены атласные большие, атлас рудожелтый, опушены красным атласом, а подложены зеленым киндяком; одной пелены длина без четверти дву аршин, а другая пелена аршина полтора, два воздуха, а третий покровец, а те воздуха и покровец рудожелтые, а опушены красным атласом, а подложены алою тафтою, епитрахиль и поручи атласные желтые, опушены красным атласом, а подложены зеленым киндяком, а пуговицы серебряные позлащены и тех 20 пуговиц, кисти шелковые. Дано на хоругвь белого атласу два аршина, да на окладку красного атласу пять аршин.

Боярин Петр Аврамович Лопухин большой дал вклад, по стольнике Стефане Димитриеове, сыне Борисове, денег двадцать рублей.

Боярин Петр Аврамович Лопухин меньший дал вкладу Архимандричью шапку, плащи серебряные кованы, позлащены, с жемчугами и с камением, цена сто восемьдесят рублей.

Лета 7199 году (1691) июля в 3-й день, дал вкладу на церковное строение боярин Федор Аврамович Лопухин денег девять рублей, да оплечье бархатное золотное, другое оплечье бархатное на стихарь; два набедренника, один набедренник камчатный желтый, подложен тафтою красной, накищено золотом; другой набедренник атласный крапивный цвет, подложен китайкою, накищен золотом.

Боярин Федор Аврамович Лопухин дал вкладу на месячные Минеи восемь рублей.

Боярин Иоанн Тимофеевич Кондырев дал вкладу на церковное строение денег десять рублей.

Боярин Петр Тимофеевич Кондырев дал вкладу дватцать четвертей ржи.

Лета 7194 (1686 году) боярин Никита Константинович да Тихон Никитич Стрешневы дали на строение на каменную церковь денег пятьдесят рублей да водосвятную, медную луженую чашу.

Боярин Никита Константинович, Тихон Никитич Стрешневы дали вкладу в прошлом году пять рублей на месячные Минеи.

195 (1687) февраля в день боярин князь Юрий Семенович Урусов дал вкладу на строение каменной паперти двадцать пять рублей.

Боярин Петр Аврамович Лопухин меньшей дал вкладу на церковное строение денег пять рублей с полтиною, да оплечье красное золотое на ризы, от дела тех риз полтина.

Боярыня Настасия Ивановна Стрешнева дала вкладу епитрахиль золотом шита по атласу красному, пуговицы серебряные позлащены.

Боярыня Дарья Назарьевна дала вкладу десять четвертей ржи.

Окольничий Василий Аврамович Лопухин дал денег три рубля.

204 (1696) году в феврале месяце дал вкладу на воздух, на покровцы три ширинки тафтяные белые, шиты золотом, по цене пятнадцать рублей.

Окольничий Петр Тимофеевич Кондырев дал вкладу на церковное строение денег пять рублей.

Во 198 (1690) году дал вкладу стольник князь Василий Федорович Македонский, для поминовения Силы Иосифовича Оничкова, крест весь серебряный позлащен, ценою пять рублей, дватцать... да он же дал денег пять рублей.

Стольник Потап Михайлович Дурнов дал вкладу жеребца сивожелеза, цена 15 руб., да десять четвертей ржи, да он же дал кобылицу челу, цена 16 руб. 708 году

Стольник Михаил Стефанович, да сын его Василий Михайлович нехорошей, Гурьевы, дали вкладу в монастырь Пресвятыя Богородицы Рождества и Св. мученика Георгия пять рублей денег на строение церковное.

Стольник Иван Калинич Пушкин дал вкладу коня булана, коляску вислую оправную, цена 16 руб.

204 (1696) году февраля в день (-) Иларион Иванович Лупандин дал вкладу в дом Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Рождества ея в Георгиевский монастырь на церковное строение десять рублей денег, и из тех денег десяти рублей сорокоуствие и милостыни роздано три рубля, скирду ржи полтораста копен на поминовение бывшей посестрии его схимонахини Марии и по отце его Иоанне, да матери Марии.

Стольник Василий Петрович Комынин дал вкладу, по отце своем, иноходца рыжего со всею сбруею, цена пять рублей.

Стольник Ефимий Симеонович Кондырев дал вкладу 20 четвертей ржи.

Стольник Стефан Федорович Засецкий дал вкладу, по отце своем, коня, мерин соловой, цена три рубля.

Дано вкладу, по стольнике по Петре Михайловиче Быкове, конь соловой, цена восемь рублей.

Дано вкладу, по стольнике по Алексии Климонтовиче Засецком, конь гнед, цена десять рублей.

Стольник Даниил Максимович Ртищев дал вкладу, по отце своем Максиме Григорьевиче, да по дяде Луке Григорьевиче, мерина серого да кобылу серую, цена обоим десять рублей. Он же дал пятьдесят пудов соли.

Стольник Илия Калинич дал вкладу, по отце своем, Калине Климонтовиче, мерина гнедого, цена пять рублей.

Стольник Федор Харлампиевич Лопухин дал вкладу коня серого, цена пять рублей.

Стольники Димитрий да Афанасий, Стефан, Григорий Никитичи Шепелевы дали вкладу иноходца пегого с седлом.

Стольник Григорий Тимофеевич Воейков дал вкладу кумач добрый, да полтину денег на церковное строение.

Стольника Афанасия Никитича Шепелева, супруга его Мария Васильевна, дала в церковь киндяк красный добрый.

Стольник Самуйло Иоанович Чебышов дал вкладу хлеба пять надесять (15) — четвертей, два ведра вина, два пуда мяса.

Стольник Силивестр Артемиевич Огibalов дал вкладу всякого хлеба двадцать четвертей, пятнадцать пудов мяса, десять ведр вина.

Стольник Никита Артемиевич Шепелев дал вкладу пять рублей, пять ведер вина.

Стольник Андрей Игнатиевич Щербачев дал вкладу денег два рубля.

Стольник Василий Петрович Комынин дал вкладу денег 5 рублей.

Стольник Михайло Васильевич Лопухин дал вкладу денег 16 алтын и 4 деньги.

Стольник Федор Богданович Несветлев приложил к образу стратотерпца Георгия венец серебряный, да на ризы дал камку таусинную.

Роман Аристархович Яковлев дал вкладу вина десять ведр, мяса пуд, запасу хлебного две четверти, епитрахиль изорбатную.

Стольник Кирилл Аристархович Яковлев дал ризы китайчетые зеленые.

По Косме Аврамовиче Лопухину дал вкладу сын его Федор Космич на церковное строение тридцать четвертей хлеба.

Стольник Федор Емельянович Бутурлин дал вкладу тафту соломенного цвета.

Стольник Василий (Аврамович) Амвросимович Чебышев дал вкладу денег пять рублей, пятнадцать четвертей муки, два ведра вина, два пуда мяса.

Стольник Андрей Михайлович Бороздин дал вкладу денег пять рублей.

Мария Ильинична Острогубова коня серого с седлом, новое полотенце вишневое, цена семь рублей.

Во 193 (1685) году дана вкладу книга Устав печатный от разных вкладчиков.

Во 198 (1690) году дано вкладу от разных вкладчиков, кадило серебряное, местами вызолочено, дела чеканного, весом фунт 30 золотников, цена 15 рублей.

Во 198 (1690) году дали вкладу разные вкладчики пояс шелковый шамаханских разных шелков, узлы кафимские золотные.

Подъячий Стефан Емелианов сын дал вкладу кадило медное резное.

Кадашевец Симеон Романов сын Спесивцев дал вкладу кадило медное белое.

Казенный слободы Богдан Яковлев с зятем своим Сергием Емелиановым сыном, да Дементий Терентиев дали вкладу охобень участок травчатый, цена пять рублей.

Матрона Петрова дочь Дементиева жена дала вкладу дороги Аглицкие добрые, на поминовение дочери своей Евдокии.

Во 191 (1683) году дал вкладу игумен Серафим на церковное строение денег пятьдесят рублей.

Свинского монастыря келарь Исмаил дал вкладу денег пять рублей.

Схимонах Дорофей дал вкладу иноходца пегого с седлом.

Иеромонах Авраамий дал вкладу мерина гнедого, цена два рубля.

С Лугани иеромонах Дорофей дал вкладу мерина солового, цена два рубля.

С Чавли монах Фелофей дал вкладу мерина серого, цена два рубля.

Монах Феодосий дал вкладу мерина гнедого, цена три рубля.

Монах Иона дал вкладу мерина гнедого, цена два рубля.

Монах Арсений дал вкладу мерина, цена два рубля.

Монах Елисей дал вкладу денег три рубля двадцать алтын.

Из села Сухиничи иерей Финоген дал вкладу два рубля, две четверти хлеба.

Монах Матвей дал вкладу мерина бурого, цена два рубля.

Монах Варсонофий дал вкладу коня бурого с седлом.

Монах Кирилл дал вкладу мерина гнедого, цена четыре рубля.

206 (1698) году февраля в день дал вкладу стольник Павел Стефанович Темирязов коня темно-серого, цена пятнадцать рублей.

Иеродиакон Чудова монастыря Никон, постриженник Георгиевского монастыря, дал вкладу Апостол, цена сорок алтын. Стул в церковь, цена восемь гривен, да свечей на восемь рублей.

Чудова монастыря иеромонах Иосиф дал Апостол золочен по образу, цена два рубля, родители написаны в Апостоле.

Лета 7206 (1696 году) января в день строены сосуды церковные позолоченные, весом 4 фунта 30 золотников люботрудным и неленостным тщанием и снисканием тояж обители настоятелем, всечестнейшим отцем Архимандритом Серафимом.

И кои вкладчики имена всяк благочестивый человек в те сосуды в строения поподавали и то написаны в сей книге по статьям, а цена сосудам 46 руб. два алтына две деньги.

Боярин князь Иоанн Борисович Троекуров дал в сосуды семь рублей на поминовение боярина Василья Аврамовича Лопухина и боярыни его.

Того же монастыря Строитель и наставник Архимандрит Серафим в сосуды дал 6 руб.

Того же монастыря постриженник, бывший игумен Карион дал в сосуды десять рублей, да он же дал свое Евангелие, 5 рублей.

Того же монастыря постриженник, строитель Серапион в те сосуды дал полтора рубля.

Того же монастыря постриженник, монах Увар в те сосуды дал два рубля.

Того же монастыря постриженник, иеродиакон Феофан в те сосуды дал двадцать четыре алтына две деньги.

Драгошанскаго монастыря игумен Домиан в те сосуды дал полтину.

В те же сосуды Государевой Грамачей конюшни стряпчий конюх Андрей Мяконько дал три алтына и две деньги.

Чудова монастыря иеродиакон Никон в те сосуды дал 3 руб. да золотой.

Чудова же монастыря крылошанин монах Пахомий в те сосуды дал полтину.

Чудова же монастыря уставщик дал гривну.

В те же сосуды стольник Козельскаго уезду Иван Петрович Шепелев дал гривну.

В те же сосуды боярин Петр Тимофеевич Кондырев дал два рубля.

В те же сосуды дала Анна Назарьевна Чебышева полполтины.

Лютикова монастыря крылошанин Стефан в те сосуды дал 10 денег.

В те же сосуды дал Мелетинский архимандрит 6 алтын 4 деньги.

Черный Диакон Иаков дал шесть денег.

Окольничий Иван Иванович Головин в те же сосуды дал три рубля на поминование Петра Аврамовича Лопухина и боярыни его.

В те же сосуды дали Никита да Леонтий Романовы, дети Яковлевы, 2 руб.

В те же сосуды дал Павел Стефанович Тимирязев рубль.

В те же сосуды дали Ермил да Иван Ивановы, дети Беклемишевы, два рубли.

В те же сосуды дал Никифор Борисович Макашев 4 алтына.

В те же сосуды дал стольник Стефан Никитич Шепелев рубль.

В те же сосуды дал Лука Михайлович Хоборов рубль.

В те же сосуды дал стольник Володимер Евтропиевич сын Чернышев 10 алтын.

В те же сосуды дал стольник Стефан Федорович Засецкой полтора рубли.

В те же сосуды дал послуживец его Марко Потапов две гривны.

В те же сосуды дал Василий Петрович Камынин рубль.

Дал вкладу Чудова монастыря иеродиакон Никон два Пролога по обрезу злочены, цена шесть рублей, два пуда свечей, цена семь рублей с полтиною.

Монах Галактион дал вкладу два рубли.

207 году (1699) января в 31-й день дал вкладу стольник Владимир Евтропиевич Чернышев коня соврасого, цена десять рублей.

В бытность архимандрита Афанасия

Лета 7207 (1699 году) города Мещовска в Георгиевский монастырь, при Архимандрите Афанасии, стольник Иоанн Васильевич Чебышов дал вкладу вновь к прежнему своему вкладу св. на-престольное большое Евангелие в досках, по обрезу позлащено, без прикладу, писано в дестеных тетрадах, на целых листах, на Александрийской бумаге, и Архимандрит Афанасий, посоветовав с братиею на приклад Спасителя образа и Евангелистов к св. Евангелию, надеясь на всещедрого Бога, и стали бить челом милостивым вкладчиком, чем кого Господь Бог по сердцу известит.

Стольник Иоанн Васильевич Чебышов в то св. Евангелие дал вкладу серебра тридцать семь золотников.

Боярин Петр большой Аврамович Лопухин в святое Евангелие дал вкладу денег пять рублей.

Стольник Василий Петрович Камынин дал во св. Евангелие денег рубль.

Церкви Апостола Филиппа священник Никита Дорофеев дал вкладу ефимок в то же Евангелие.

Из Калуги, Лаврентиева монастыря игумен Карион, постриженник сего Георгиевского монастыря, приложил в св. Евангелие денег 5 руб.

Архимандрит Афанасий дал вкладу в св. Евангелие четыре ефимка.

Стольник Самойла Иванович Чебышов дал вкладу во святое Евангелие денег рубль.

Стольники Никита да Леонтий Романовичи Яковлевы дали вкладу в святое Евангелие денег десять руб.

Малюта Иванович Лупандин дал вкладу три ефимка в то святое Евангелие.

Стольник Павел Степанович Темирязев дал вкладу в то святое Евангелие денег рубль.

С Высоко-Петровского монастыря келарь иеромонах Серапион, постриженник сего Георгиевского монастыря, дал вкладу святое Евангелие, позолоченное изорбафом золотым, да Спасов образ и Евангелисты, серебряные позолоченные; кадило серебряное чеканное, местами позолоченное; книгу Соборник; ризы и стихарь из камки темно-вишневой; оплечья из изорбафа золотого травчатого; поручи золотные, шитые насланным золотом, с пуговицами серебряные; ризы байберековые черные; оплечья из китайского бархата желторытого.

Чудова монастыря иеромонах Никон, сего же Георгиевского монастыря постриженник, дал вкладу книг: Пролог две книги по три месяца в книге, по обрезау золоченые; книгу Устав, книгу Лествицу, да Пролог по три месяца четыре книги; да книгу Благовестник, ризы объяря серебряного, белого; оплечья, шитые золотом и серебром и по местам положены звездками по бархату красному, да книгу Маргарит.

Лета 7212 (1704 году), Рождества Пресвятая Богородицы, Георгиевского монастыря Архимандрит Афанасий с братией просит милости на поставку крестов железных, золоченых на церковь Божию, чем кому Господь по сердцу положит, да подает от здания своего ради многолетнего своего здравия и душевного спасения, и для поминовения своих праведных родителей.

Боярин Федор Аврамович и сын его Аврам Федорович Лопухины на те кресты дали денег четыре рубля.

Стольник Самойла Иванович Чебышов дал на кресты два рубля.

Алексей Самойлович Чебышов на кресты дал рубль.

Малюта Иванович Лупандин на кресты дал рубль, 6 алтын и 4 деньги.

Стольники Никита да Леонтий Романовичи Яковлевы дали на кресты три руб.

Потап Михайлович Дурново дал на кресты рубль.

Стольник Ермил Иванович Беклемишев на кресты дал рубль.

Стольник Павел Степанович Темирязов дал на кресты пять рублей.

Стольник Василий Иванович Тарбеев дал на кресты рубль.

Стольник Тит Афанасьевич Радичев дал на кресты рубль.

Леонтий Иванович Радищев дал на кресты рубль.

Стольник Григорий Игнатьевич Зыбин дал на кресты рубль.

Боярина Тихона Никитича Стрешнева дому люди его, Косма да Григорий Петровы, дети Грибоедовы, дали на кресты два рубля.

Мещовские приказные избы подъячей Иван Андреевич сын Смирнов дал на кресты два рубля.

Василий да Григорий Викулины, дети Волженские, дали на кресты полтину.

Стольник Алексей Васильевич Беклемишев дал на кресты рубль.

Села Меснич приказной человек Никита Анкудинов дал на кресты рубль.

Села Подкопаева приказной человек Влас Шишиморин дал на кресты рубль.

Сельца Шеметового приказной человек Косма Лукьянов дал на кресты полтину.

Сельца Воронина приказной человек Яков Гаврилов дал на кресты полтину.

Сельца Ломтева приказной человек Иван Зайцев дал на кресты полтину.

Стольник Стефан Никитич Шепелев, для поминовения братьев своих родных Григория да Афанасия, дал на церковные кресты денег двадцать рублей.

Да он же Стефан Никитич дал на подъем тех крестов денег рубль.

Да он же Стефан Никитич во святое Евангелие дал рубль.

Иван Иванов сын Кареев на кресты дал рубль.

Архимандрит Афанасий дал на кресты два рубля.

Келарь Варсонофий на кресты дал двадцать алтын.

В бытность архимандрита Серапиона

1710 года февраля 14 дня стольник Павел Стефанович Темиряев, для поминовения матери своей Пелагии Ивановны и прочих родителей, дал вкладу денег двадцать рублей.

Стольник Павел Стефанович ещё дал денег пятьдесят рублей на строение каменной ограды для поминовения матери своей.

710 году боярин Федор Аврамович Лопухин, по стольнике Андрее Яковлевиче Родичеве, дал вкладу: ризы камчатые вишневые, оплечье атласное цветное, подольник камки осиновой. Епитрахиль атласная зеленая, поручи двои камчатые, подризник выбойчатый, пояс церковный стихарь камчатый лимонный, оплечье и опушка — камка осиновая. Орарь камчатый, покровцы из камки красной и соломенной крестообразно. Покровцы красные опушены киндяком зеленым, четыре блюда оловянные,

четыре тарелки оловянные, кандея медная, мерина мухорта, ценой в шесть рублей.

1708 года начался, 1709 года совершился, что на воротах, каменная церковь во имя Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, правлением и тщанием всечестнаго отца Архимандрита Серапиона.

Боголюбивых вкладчиков поданием, что писано ниже сего: Боярин Тихон Никитич Стрешнев дал денег десять рублей.

Боярин Федор Аврамович Лопухин, по стольнике Андрее Яковлевиче Родичеве, дал десять рублей.

Стольник Иван Иванович Беклемишев дал пять рублей.

Стольник Стефан Симеонович Ергольской дал пять рублей.

Стольник Потап Михайлович Дурново рубль.

Сего же монастыря Архимандрит Серапион, тщатель строения той церкви, дал пятьдесят рублей.

Города Мещовска посадский человек Федот Иванов сын Костин с детьми дал 20 руб.

Иеродиакон Никанор дал десять рублей.

Стольник Павел Стефанович Темирязев два рубля с полтиной.

Алексей Семенович Лопухин два рубля.

Иван Иоаникиевич Кареев два рубля.

По монахе Георгие Карееве десять рублей.

Майор Григорий Колюбякин рубль.

В бытность архимандрита Феофана

1713 году начася каменная ограда и кельи у дву стенах кельи и башни тщанием и трудолюбием Архимандрита Феофана с братиею и боголюбивых вкладчиков подаянием, что писано ниже сего:

Леонтий Романович Яковлев дал вкладу на каменное строение двадцать рублей.

Иван Васильевич Чебышев дал тридцать рублей.

Иеродиакон Сергей дал по отце своем, иеромонахе Аврамии, пятьдесят рублей.

Иван Акимович Синявин дал вкладу на каменное строение пятьдесят рублей.

Архимандрит Феофан дал по отце своем, монахе Елисее, двадцать рублей, да ризы в пятьдесят рублей, да двадцать пудов железа.

Потап Михайлович, а во иноцех монах Пафнутий, дал на каменное строение десять рублей.

Боровенского монастыря Строитель Трифиллий дал на каменное строение десять рублей.

По Симеоне Игнатьеве сыне Протасове дано пять рублей.

Монах Пафнутий, постриженник сего монастыря, дал на каменное строение пять рублей.

В 1720 году Василий Петрович Камынин дал вкладу на оградное строение немолоченой ржи сто копен, а вымолочено семьдесят четвертей с осьминою.

По Стефане Никитиче Шепелеве дано два возника, и те возники проданы, взято сто семнатцать рублей.

Вкладчика Василия Петровича Камынина вышеупомянутая рожь продана, взято 45 руб. 30 алтын.

1724 года июля 22 дня Леонид Архиепископ Крутицкий дал в Георгиевский монастырь в поминовение родителей, дал сто рублей.

1724 года июля с Высоко-Петровского монастыря Архимандрит Сергей обещал дать в поминовение родителей своих в Георгиевский монастырь тридцать девять рублей, к тому же еще одиннадцать рублей, итого пятьдесят рублей.

Синодального дома иеромонах Арсений в Егорьевской монастырь в поминовение родителей дал пятьдесят рублей.

Дома Крутицкого Архиерейского ризничий иеродиакон Герман пять рублей дал в поминовение родителей своих.

Дома его же Преосвященства казначей иеромонах Кирилл двадцать рублей в поминовение родителей своих.

Его же Преосвященства домовый Канцелярии канцелярист Савва Ильин дал два рубли.

Его же дома Преосвященства подъяк Борис Семенов два рубля.

С Костромы из Ипацкого монастыря Архимандрит Серапион дал пятьдесят рублей.

Антоний Архимандрит Златоустовский, дал десять рублей.

Мелхиседек Архимандрит — пять рублей.

Новоспасского монастыря чернец Герасим дал 16 алтын 4 деньги.

Архимандрит Горицкого монастыря дал 15 рублей.

Церкви Пророка Илии, что на Воронцове поле, иерей Иоанн Кириллов дал пять рублей.

Дома его Преосвященства канцелярист Иван Кандратов дал рубль.

Макарий Крестовоздвиженский дал десять рублей.

Бурнашев Фихарей дал три рубли.

Дома Императорского Величества стряпчий Стефан Корницкой дал два рубля.

Иерей Петр Меркулов дал два рубля.

Дома графа Гаврила Ивановича Головкина правитель Семен Дмитриев сын Смирягин для поминовения сына своего Венедикта дал десять рублей и подписал своей рукой.

В 1728 году Преосвященный Леонид Архиепископ Сарский и Подонский, к прежнему своему вкладу, еще дал денег двести рублей на каменную ограду, да три ризы, три стихаря, все белые камчатые, оплечья из материи красной с травами золотыми и шелковыми, подольники из шелка полосатого, для поминовения родителей своих. Леонид, грешный Архиепископ Крутицкий, для уверения подписал своеручно.

В 1728 году, дома Крутицкого Архиеерея судия, Архимандрит Пахомий Блестанов, на оное же строение ограды вкладу дал денег сто рублей, для поминовения родителей своих. Архимандрит Пахомий приписал своею рукою.

1730 года Архимандрит сего Георгиевского монастыря Феофан вкладу дал колокол, весу в нем семь пуд одна четверть, по 8 руб. 16 денег пуд.

Он же, Архимандрит Феофан, дал вкладу второй колокол, весу в нем полшеста пуд и полчетверти фунта, цена 44 руб. 17 алтын 2 деньги.

1731 году января 29 дня Леонид Архиепископ Крутицкий дал сто рублей.

В бытность архимандрита Пахомия с 1731 года мая 27 дня

По смерти Архимандрита Феофана денег вкладчиков осталось 52 руб. 12 копеек.

Бригадир Федор Аврамов сын Лопухин дал вкладу в Егорьевской монастырь денег десять рублей да жеребца вороного в 1732 году апреля 23 дня.

Подполковник Петр Потапович Дурново дал вкладу десять рублей да хлеба пять четвертей.

В 1732 году Преосвященный Леонид, Архиепископ Сарский и Подонский, дал вкладу четыреста семьдесят пять рублей.

Того же года, по Архимандрите Феофане, Архимандрит Пахомий дал вкладу сто рублей.

Александр Никитич Яковлев дал вкладу два рубля.

Семен Патрикеевич Щербачев дал вкладу рубль.

Канцелярист Семен Смирнов дал вкладу рубль.

Стольник Василий Андреевич Десятов дал вкладу рубль.

Майор Петр Калинич Яковлев дал вкладу 16 денег да хлеба 3 четверти.

Федора Аврамовича Лопухина служитель Ермил Маракушев дал 16 денег.

Федора Аврамовича служитель Иван Федоров дал рубль.

Посадский Иван Яковлев, сын меньшей Костин, дал рубль.

В 1732 году Петр Васильевич Камынин по отце своем, Василие Петровиче, дал вкладу ржи сто копен.

Спасов образ нерукотворный в окладе серебряном; серебряная лжица, весу девять злотников; ковер разных цветов, длина полтретьи аршина; два возника серых с хомуты и узды; коляска оправная на дорогах.

В 1735 году Преосвященный Сергей, Епископ Великоустюжский и Тотемский, дал вкладу денег пятьсот рублей да книг: Библию, Киевский Патерик, да четыре книги Четых Миней на 12 месяцев.

В 1738 году Преосвященный Леонид, Архиепископ Сарский и Подонский, дал вкладу книги в десть Требник большой, Служебник выхода 1735 года.

В 1739 году казначей иеромонах Авраамий дал вкладу 20 рублей.

В 1745 году июня 10 дня сочтено церковных денег, которые имелись в ризнице под охранением в бытность казначея иеромонаха Савватия, а именно: Леонида Архиепископа сто рублей монеты, Сергия Епископа сто восемьдесят рублей монет, разных сборов монета семьдесят семь рублей 85 коп.; тех же сборов мелких серебряных денег пятьдесят восемь руб., девяносто четыре копейки; всего 416 руб. 79 коп., и оные деньги отданы в ризницу под охранение ризничему иеродиакону Игнатию.

Архимандрит Иов

1767 году июня от 4-го числа, в монастыре началось строение, то есть перестройка за крайнюю ветхостью ризничной палатки и паперти в ней. И опять значительны были подаяния благолюбивых вкладчиков.

Мещовского Духовного Правления подканцелярист Максим Дьяконов дал на то строение и перекрышку один рубль.

Села Урвани поп Иоанн дал на то же строение три копейки.

Села Ерлыкова поп Тихон Максимов дал на то же строение пять копеек.

Той же обители иеромонах Варлам дал на строение рубль.

Козельского уезда села Покровского благочинный священник Косьма Васильев дал на строение денег двадцать пять коп.

Той же обители иеродиакон Деомит дал полтину.

Приставы Духовного правления Онисим Скороходов, Григорий Леонтьев, Семен Нечаев дали по 5 коп., итого 15 копеек.

Той же обители иеромонах Филарет на ту же крышку полтину дал.

Соборной церкви поп Давид дал на то строение 10 копеек.

Мещовский купец Яков Щеминин на церковное строение подал рубль.

Села Течи поп Митрофан Матвеев на строение церковное подал 10 копеек.

Села Великорецкаго Дьячек Степан Уваров на строение церковное подал десять копеек.

Села Кипети поп Алексей подал пятнадцать копеек.

Мещовский купец Иван Тюнин па строение церковное подал рубль.

Мещовский купец Григорий Шевелев пять копеек.

На строение церкви подал Бутырского полку Подпорутчик Осип Федоров десять копеек.

Строитель иеромонах Лонгин

Мещовского Георгиевского монастыря подал на церковные крыши денег десять рублей строитель иеромонах Лонгин.

Александр Иванов Чебышев дал на починку строения в Георгиевском монастыре денег десять руб.

Во оное строение подано рубль.

Василий пять рублей.

Николай рубль.

Александр Иванов, сын Чебышев, дал на строение колокольни пять рублей.

Мещовского Духовного Правления управитель священник Герасим подал на объявленное исправление денег двадцать пять копеек.

Мещовский купец Михаила Тюнин дал на объявленное строение три рубля.

Мещовский купец Яков Барышов дал на объявленное строение три рубля.

Мещовский купец Григорий Логгинов дал на обновление строения пять рублей.

Мещовский купец Федор Михайлов сын Панышин, дал на объявленное строение денег пять рублей.

Мещовский купец Стефан Федотьев дал на объявленное строение денег рубль.

Мещовский купец Иван Костин — рубль.

Мещовский купец Григорий Леонов дал на обновление церкви 50 копеек.

Мещовский купец Яков Павлов с детьми — рубль.

Градский Афанасьевской церкви Дьякон Афанасий Васильев дал на объявленное строение двадцать пять копеек.

Градской Благовещенской церкви священник Иоанн Матвеев дал пятьдесят копеек.

Мосальский купец Иван Григорьев, сын Алтухов, дал 50 копеек.

Николая Михайловича Каховскаго крестьянин Сергей Васильев дал 25 копеек.

Мосальской купец Кандратий Панфилов, сын Бунаков, дал денег тридцать копеек.

Алексей Тюников два рубля.

Борис Космин рубль.

Иван Боршев двадцать пять копеек.

Василий Афанасьев, сын Тисав, рубль.

Степан Яковлев, сын Боршев, двадцать пять коп.

Московской купец Григорий Михайлов — двадцать пять копеек.

Градский Благовещенский священник Прохор Иванов по силе своей дал пятьдесят копеек.

Села Щелканова священник Андрей Никаноров на церковное строение подал пятьдесят копеек.

Села Велина священник Кандратий Зотов на строение церкви подал пятьдесят копеек.

Полотняной Фабрики содержатель Григорий Иванов, сын Щепочкин, на покрышку церкви Божией дал вкладу сто досток кровельных.

Мещовский купец Алексей Иванов, сын Болотин, на покрышку церкви Божией тесу пятьдесят досток, еще пятьдесят облонок.

Мосальской купец Савелий Немчинов подал на строение денег рубль пятьдесят копеек.

Подано на построение церкви Божией денег десять рублей.

Тесу двести тесниц, стекла зеленого ящик, сто листов, стекла белого сто.

Подал в церковь вкладу мосальский купец Аристарх денег 3 рубли.

Подал в монастырь вкладу денег рубль.

Подал в монастырь денег рубль.

Подал в монастырь вкладу два рубля.

Управитель священник Петр Благовещенский дал укладу 20 коп.

Подал мещовский купец Григорий Панышин рубль.

Некто из Христороубцев приложил два рубля.

Подано один рубль.

Крутицкой Консистории канцелярист Андрей Баталин вкладу дал двадцать пять копеек.

Софоний Парфеньев дал вкладу пятьдесят копеек и осмину ржи.

Отдано в церковь Божию от майора Алексея Фролова, сына Товаркова, один рубль.

Подал в церковь Божию порутчик Петр Воинов рубль.

Степан Парфеньев Мясоедов подал в церковное строение 50 копеек.

Мещовский купец Алексей Иванов подал в церковь Божию два рубля.

Мещовский купец Гаврила Екимов подал в церковь Божию в монастырь рубль.

Кирила Костин, купец мещовский, подал в церковь Божию в монастырь 20 копеек.

Мосальский купец Кандратий Панфилов подал в церковь Божию в монастырь рубль.

Мосальской купец Евдоким Анисимов подал в церковь Божию монастырь вкладу пятьдесят копеек.

Мещовской канцелярии канцелярист Андрей Савельев подал в церковь Божию пятьдесят копеек.

Николай, Дарья, Иван, Татьяна, Авдакея (Евдокия), Матвей рубль.

Отставной поручик Петр Шершавицкий дал пятнадцать копеек.

Агафья десять копеек.

Серпейский помещик Петр Шеншин дал вкладу три рубля.

Города Калуги городской староста Аврам Иванов дал три рубля.

Купцом Василием Грековым дано двадцать пять коп.

В Калуге Василий Попов дал вкладу двадцать пять, да еще двадцать пять копеек.

В Калуге Матвей Бабичев дал вкладу десять копеек.

Канцелярист Михаила Ефимов двадцать пять копеек.

Афанасий Петелин, калужский мещанин, дал пять копеек.

Федор Карнеев, калужский мещанин, пять копеек.

Семен Тимофеев, орловский купец, пять копеек.

Калужская Катерина Филипова — пять копеек.

Калужский купец Филип Федотов — пять копеек.

Иван Бизяев подал один рубль.

В 1776 году ноября 10 числа Михайла Львов, сын Ртищев, дал на починку в Егорьевскую обитель денег два рубля.

Того же числа священник Григорий Иванов, по приказанию девицы Прасковьи Леонтьевны Яковлевой, подписал на починку церкви дать один рубль.

Того же числа Александр Иванов, сын Чебышев, дал на починку в Егорьевской монастырь церкви денег один рубль.

Доброжелатель дал рубль.

Доброжелатель дал один рубль.

Доброжелатель дал один рубль.

Алексей Дмитриевич Ладыженский дал вкладу рубль.

Дано вкладу в монастырь пятьдесят копеек.

Дано вкладу от Никиты Ергольского рубль.

Доброжелатель дал вкладу в обитель Святого великомученика Георгия двадцать пять копеек.

Доброжелатель дал вкладу пятьдесят копеек.

На починку Георгиевского монастыря нынешнего году ноября месяца дал Александр Иванов, сын Лопухин, денег пять рублей.

Доброжелатель дал денег один рубль.

В 1776 году ноября 17 дня дано в обитель денег рубль, дал вкладу в Егорьевской монастырь ржи три четверти порутчик Ефим Смирягин.

Мещовского уездного суда канцелярист Александр Смирнов один рубль.

Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийския из Крутицкой Духовной Консистории, Мещовскаго Георгиевскаго монастыря Строителю иеромонаху Лонгину

Минувшаго октября 29 дня, присланным в Консисторию, вы, Строитель, доношением представили, что построенная в оном монастыре против Рожественской церкви колокольня каменнаго здания от громоваго удара при прежних Настоятелях разбита и в некоторых местах имеютя расседины, а во время благовесту и звону оная колокольня бывает в немалом трясени и падают кирпичи, и что к починке оной колокольни за малоподаянием от доброхотнодателей денежнаго сбора приступити нечем, того ради по Ея Императорскаго Величества указу в Крутицкой Духовной Консистории определено, к вам Строителю послать указ и велеть, чтоб вы старание и попечение неусыпное по долгу своему прилагали об исправлении ветхостей монастырских, не доводя до конечного оных разрушения, посредством испрашивания у доброхотнодателей и вкладчиков денежнаго подаяния.

Ноября 13-го дня 1779 года.

В Крутицкую Духовную Консисторию Мещовского и Георгиевскаго монастыря Строителя иеромонаха Лонгина.

Репорт о получении указа

Указ из Крутицкой Духовной Консистории прошедшаго ноября от 13-го дня 1779 году по № 2453 о прилагании о исправ-

лени ветхостей построений, не доводя до конечнаго их разрушения, посредством испрашивания у доброхотодателей и вкладчиков денежного подаяния, в Мещовском Георгиевском монастыре сего декабря 1 числа получен декабря дня 1779 году.

Приход 1781 года

В Вязме некто подал один рубль.

Подано пятьдесят копеек.

В Вязме Михайла подал пятьдесят копеек.

Алексей, Марфа и Александр подали двадцать пять копеек.

Василий подал двадцать пять копеек.

Парасковея подала двадцать копеек.

Сидор подал пятьдесят копеек.

Иван Фастов подал пятьдесят копеек.

Писарь Иван подал двадцать пять копеек.

Игнатий подал пять копеек.

Петр Флуднев подал десять копеек.

Василий подал десять копеек.

Илья подал десять копеек.

Петр подал двадцать пять копеек.

Подано на церковное строение десять копеек.

Василий подал на церковное строение тридцать копеек.

Петр, Федор, Александр, Семен подали два рубля.

Екатерину, Михаила, Агрипину, монахиню Екатерину, Анну помянуть о здравии; Филипа и Александру со чады их, дано на сие поминовение шесть рублей.

В бытность строителя церомонаха Никодима

1845 года сентября 10-го дня, города Мещовска мещанка Татьяна Леонова дала вкладу тысячу рублей в вечное поминовение родителей своих и сродников, имена коих писаны в монастырском синодике.

Игумен Юхновского монастыря Антоний дал вкладу пятьдесят рублей.

Помещица Ксения Афанасьевна города Александрии Херсонской губернии дала вкладу на вечное поминовение своих родителей триста сорок рублей серебром.

1849 года сентября 15 дня, Московский почетный гражданин Иван Григорьевич, сын Евдокимов, дал вкладу сто восемь рублей серебром на вечное поминовение родителей.

1848 года октября 5 дня, двора его Императорскаго Величества Камер фрейлина, графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, в монашестве Агния, дала вкладу на вечные времена для поминовения ее, пять тысяч рублей серебром.

Из дворян девица Олимпиада Алексеевна Бородина дала вкладу денег пятьсот рублей серебром на вечное поминовение своих родителей.

При строителе Мельхиседеке

Тульской губернии, Чернского уезда от помещиков братьев: Константина, Симеона, Иоанна, Сергия и Иосифа Григорьевых, господ Раевских в разное время жертвовано в пользу Мещовского Георгиевского монастыря для поминовения как о здравии их, так и о упокоении родителей их Григория, Евдокии, Александра, Любви, Анны, Димитрия, Елизаветы и Надежды. Всего три тысячи пятьсот рублей ассигнациями на вечное время.

Помещик Тульской губернии Новосильского уезда села Плотского Петр Васильев Артемьев пожертвовал в разное время тысячу пятьсот рублей ассигнациями для поминовения родителей его на вечное время.

Генеральша Калужской губернии, Козельского уезда, села Колодезей Авдотья Сергеевна Каверина пожертвовала в Мещовский Георгиевский монастырь две тысячи восемьсот рублей ассигнациями.

Княгиня Калужской губернии Мещовского уезда села Маклакова Марья Фоминична Львова пожертвовала в пользу Мещовского Георгиевского монастыря в разное время для поминовения мужа своего князя Петра на вечное время семьсот рублей ассигнациями.

Купец Тульской губернии города Ефремова Алексей Сергиев Титов в разное время жертвовал и ныне жертвует в пользу Георгиевской пустыни и с продолжением впредь не оставить оной своим благоволением. Теперь просит братию поминать о здравии Алексия, Наталии, Сергия, Веры со чады; о упокоении затворника Илариона, рабов Сергия, Мавры, Архипа, Евдокии, Марфы, Димитрия, Александра, Марии, Гавриила, Феодора.

1849 года сентября 30 дня, Московский почетный гражданин и Коммерции Советник Павел Матвеич Александров дал вкладу денег триста рублей серебром для поминаения своих родителей.

Он же, Павел Матвеич, дал вкладу денег сто пятьдесят рублей серебром для поминаения своих родителей.

1855 года апреля 12 дня, помещик Тульской губернии Чернского уезда, подполковник Иван Никитич Молчанов, подал вкладу билет Московской Сохранной Казны за № 42,532, на сумму четыреста рублей серебром, положенных им на вечное время в пользу Мещовского Георгиевского монастыря и братии за поминаение его и сродников.

1857 года февраля 20 дня, мещовский помещик, Титулярный Советник Владимир Алексеевич Гриньхов дал вкладу билет Сохранной Казны из Калужского Приказа общественного призрения за № 256, на сумму триста рублей серебром положенным на вечное время из процентов в пользу братии Мещовского Георгиевского монастыря за поминаение за упокой сродников его.

1857 года октября 15 дня, Московский купец Косьма Сергеевич Бромов дал вкладу билет Санкт-Петербургской Казны за № 80441, на сумму пятьсот рублей серебром, положенных на вечное время из процентов в пользу Мещовского Георгиевского монастыря.

1858 года марта 20 дня, Мещовская помещица, из дворян девица Мария Федоровна Разгина, дала вкладу билет Московской Сохранной Казны за № 91512, на сумму пятьсот рублей серебром, положенных на вечное время из процентов в пользу братии Мещовского Георгиевского монастыря, за поминаение боярина Ивана Петровича Вранцкого и его сродников.

1858 года августа 27 дня, Козельский помещик, Губернский Секретарь Сергей Николаевич Кашкин, дал вкладу билет Московской Сохранной Казны за № 93017, на сумму триста рублей серебром, положенных им по завещанию Мещовской помещицы, гвардии Прапорщицы Татьяны Евгениевны Ртищевой, на вечное время из процентов в пользу братии Мещовского Георгиевского монастыря, за поминаение ее.

1859 года мая 30 дня, мещовский помещик Никифор Матвеич Егоров дал вкладу билет Сохранной Казны из Калужского При-

каза общественного призрения за № 389, на сумму две тысячи рублей серебром, положенных ими по завещанию покойной вдовы, Полковницы Евгении Ерговской, на вечное время из процентов в пользу Мещовского Георгиевского монастыря и братии за поминование, в коем и тело ее погребено.

1860 года сентября 14 дня, Мещовская помещица из дворян девица Мария Сергеевна Панютина, подала вкладу билет Сохранной Казны из Московского Опекунского Совета за № 85,687, на сумму тысяча пятьсот руб. серебром, положенных ею на вечное время из процентов в пользу братии Мещовского Георгиевского монастыря, за поминование ее при жизни о здравии, а по смерти — за упокой.

Вкладная книга и синодик

Синодик так же, как и вкладная книга, заведен при архимандрите Серафиме в 1687 году.

Синодик в лист, на обороте заглавного листа надпись: *«Сия книга глаголемая Синодик, града Мещовска, Рождества Пресвятыя Богородицы Георгиевского монастыря церковная. В ней же написаны суть имена о упокоении благочестивых царей и цариц и чад их, святейших Патриархов, Преосвященных Митрополитов и вкладчиков роды, которые ту святую обитель во всем снабдевают и потребные подают. А строена сия книга люботрудным тщанием и снисканием тойже обители Настоятелем, всечестнейшим отцем игуменом Серафимом, лета 1687».*

На трех первых листах общее поминование; на четвертом помянник патриархов всероссийских: Иова, Гермогена, Филарета, Иоасафа, Иосифа, Никона, Иоасафа, Питирима, Иоакима.

На пятой странице помянник царей московских и всея России от Иоанна Васильевича до Иоанна Алексеевича включительно. На шестой странице помянник благородных царевичей от царевича Иоанна до царевича Алексея.

На седьмой странице помянник благоверных цариц от Анастасии до Агафьи.

На восьмой странице помянник благородных царевен от царевны Пелагии до царевны Феодосии.

На обороте сей страницы записан преосвященный, митрополит Новгородский Евфимий.

На девятой странице записаны митрополиты Сарские и Подонские: Геласий, Пафнутий, Иона, Павел, Серапион, Сильвестр, Павел и во 2-й раз Варсонофий.

На обороте преосвященные, епископы Сарские же и Подонские Митрофан, Феогност, Исмаил, Варсонофий, Иоанн, Питирим.

Частные роды

- 1) Род боярина Лукияна Степановича Стрешнева — 230 имен;
- 2) род боярина Ивана Федоровича Стрешнева;
- 3) боярина Никиты Константиновича Стрешнева;
- 4) князя Василия Васильевича Голицына;
- 5) боярина князя Георгия Симеоновича Урусова;
- 6) боярина Иоанна Тимофеевича Кондырева;
- 7) боярина князя Иоанна Борисовича Троекурова;
- 8) боярина Феодора Аврамовича Лопухина;
- 9) князя Сергея Голицина;
- 10) преосвященного Леонида, архиепископа Сарского и Подонского; здесь записаны митрополиты: Евфимий, Стефан, Иларион, епископ Феодосий, архимандриты: Серафим, Иоасаф, Игнатий, Лаврентий, Ефрем, Моисей, Карион, Авраамий, иеромонах Арсений, иереи: Климент, Илия, Епифаний, диакон Ефрем;
- 11) род Евтихия Ерофеевича Острогубова;
- 12) стольника Самуила Ивановича Чебышева;
- 13) Потапа Михайловича Дурново;
- 14) стольников Василия да Семена Абрамовичей, детей Чебышевых;
- 15) род Павловых;
- 16) род стольника Ивана Ивановича Беклемишева;
- 17) род стольника Калины Гавриловича Пушкина;
- 18) Илариона Ивановича Лупандина;
- 19) стольников Даниила да Ильи Максимовичей, детей Ртищевых;
- 20) стольника Григория Никитича Наумова;
- 21) князей Македонских;
- 22) стольников Димитрия, да Григория да Стефана Никитичей Шепелевых;
- 23) стольника Филиппа Хрисанфовича Якимова;

24) Калужан посадских людей Иакова да Кирилла Кательниковых (писано в 1695 году);

25) Кадашевцев Тимофея, да Феодора да Иоанна, Исаевых детей.

Частные роды второй записи XVIII столетия

1) Игумена Кариона, постриженника Георгиевского монастыря, что в Мещовске;

2) стольника Стефана Семеновича Ергольского;

3) Высокопетровского монастыря келаря, иеромонаха Серапиона, постриженника сего монастыря;

4) Пахомия Блестанова, архимандрита сего монастыря;

5) Архимандрита Афанасия, постриженника сего монастыря;

6) Лыковых;

7) Волженских;

8) Василия Петровича Камынина;

9) стольника Павла Стефановича Темирязева;

10) Арсения Феофановича;

11) иеродиакона Сергия, постриженника сего монастыря».

Кладбище

Древнего кладбища за разными бывшими в монастыре перестройками не существует. Но зато сохранился один надгробный камень, очевидно завезенный сюда из кладбища старого монастыря, бывшего до Литовского разорения (1610 г.) на реке Рессе, и служащий порогом верхней церкви; он найден при устройстве галереи, соединяющей колокольню с храмом, и положен близ входных южных дверей упомянутой галереи. Камень длиною 2 аршина $1/4$ верш., в узком конце 11 вершков, в широком 13 вершков, толщина в 4 вершка; в коймах или жгутах украшено грубой насечкой 1,5. На поверхности надпись вязью: «*Лета 7111 (1603) февраля в 28 день преставися раба Божия инока Анастасия Димитриева, дочь Стрешнева*¹».

¹ Не бабка ли эти царицы Евдокии Лукьяновны?

Монастырские владения до 1764 года

Мещовский Георгиевский монастырь исстари владел вотчинами, в Мещовском же уезде селом Клетиным с деревнями, о которых первое сведение, по дошедшим до нас актам, доставляет выпись из писцовых книг Мещовского уезда письма и меры Тимофея Звенигородского да Подьячего Дружины Огаркова 134 (1626), 135 (1627) и 136 (1628) годов. В этой выписи, в окологородном стану, в монастырских вотчинах написано:

«1. Село Клетино на речке на Ужете, пашни 50 четвертей да перелогу 40 четвертей, да лесом поросло 12 четвертей.

2. Деревня Крутица на речке Ужете, пашни 35 четвертей, перелогу 45 четвертей, лесом поросло 50 четвертей.

3. Деревня Барсучья на речке на Ужете, пашни 20 четвертей, перелогу 23 четверти, лесом поросло 7 четвертей.

4. Деревня Староселье на речке на Ужете, пашни 30 четвертей, перелогу 55 четвертей, лесом поросло 36 четвертей.

5. Деревня Овсяники, пашни 15 четвертей, перелогу 25 четвертей, лесом поросло 15 четвертей.

6. Деревня Бобровицы на речке на Бобровке, пашни 20 четвертей, перелогу 30 четвертей, лесом поросло 35 четвертей, сена на речке Бобровке 10 копен, лесу непашенного в длину 2 версты, а поперек на версту.

7. Деревня Сузем на суходоле, пашни 5 четвертей лесом поросло 15 четвертей, перелогу 22 четверти.

8. Деревня Отъезжая на речке на Бобровке, пашни 15 четвертей, перелогу 29 четвертей, лесу поросло 35 четвертей, сена по селищам 5 копен.

9. Пустошь Надейкино на речке на Ужете, пашни и перелогу 9 четвертей да лесом поросло 23 четверти, сена по селищам 10 копен.

10. Пустошь Лепехино на речке на Ужети, пашни 7 четвертей, лесом поросло 17 четвертей, сена по селищам 5 копен.

11. Пустошь Сарылевка на суходоле, пашни 8 четвертей, лесом поросло 17 четвертей, сена по селищам 20 копен, лесу непашенного в длину и поперек на полверсты. И всего одно село, да семь деревень, да три пустоши.

Пашни 190 четвертей, перелогу 301 четверть, лесом поросло 260 четвертей, и обоего, пашни, перелогом и лесом 750 четвертей в поле, а в дву по тому же, сена 50 копен.

Лесу непашенного в длину полтретьи версты, поперек полторы версты. Писана та вотчина по приправочным книгам. Межа почалась от речки Ужети вверх по врагу Судовище

до речки до Бобровки и до речки Ужети, а через речку Ужеть и перешла та межа назад через речку Ужеть. А во 188 (1680) году октября в 30 день по грамоте из поместного Приказу за приписью Дьяка Ивана Максимова, по челобитью Егорьева монастыря игумена Серафима, воевода Максим Трубченинов ездил в околородный стан и монастырскую вотчину село Клетино с деревнями и с пустошами от разных помещиков отмежевал, и межа почалась от речки Ужети и шла та межа по старой писцовой меже.

А в выписи с Мещовских переписных книг, переписи Василья Сокольникова да подъячего Гаврилы Перекусихина 186 (1678) году, в околородном стану написано: «Монастырь святого великомученика Георгия Стратотерпца и за монастырем живут монастырские работники на месячине 4 двора: 2 конюхов, квасовара и хлебника с семьями; а те их монастырские работники старинные того же Георгиевского монастыря.

А всего за Георгиевским монастырем в вотчине в селе Клетине с деревнями 19 дворов крестьянских, а людей в них, а у них детей и братьев и зятьев и племянников и приемышев женатых и которые лет по 15 и больше, 63 человека; да у них детей и племянников и внучат недорослей, которые лет по 12 и по 10 и меньше, 51 человек. Да 38 дворов бобыльских, а людей в них, которые лет по 15 и больше, 117 человек, недорослей 84 человека; да в бегах 7 дворов бобыльских, с женами и с детьми. Да под монастырем два двора конюхов, двор квасоваров, двор хлебников, а людей в них 6 человек.

Писаны те вотчины по сказке того же монастыря старца Денисья, а дана сия выпись с переписных книг Георгиева монастыря, что в Мещовске, Архимандриту Серафиму с братиею, а впредь, кто в том монастыре по нем будет, для явления тех крестьян и бобыльских людей, по их же челобитью и по помете на выписке Дьяка Димитрия Федорова в нынешнем в 199 (1691) году. Подлинная выпись за приписью Дьяка Гаврилы Перекусихина, справки Подъячева Романа Ряховского».

В 195 (1687) году по указу царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей приписаны к Георгиевскому Мещовскому монастырю вотчины бывшего Николаевского Серпейского, что на посаде, монастыря.

В писцовых же книгах Серпейского уезда, письма и меры и раздела Кордюка Ржевскаго да подъячего Исаака Леонтьева 144 (1636) и 145 (1637) в околородном стану написано:

«Вотчина Никольского монастыря, что в Серпейске на посаде:

1. Деревня Маклакова на речке на Бобровке.
2. Пустошь, что была деревня Иванкова, на речке на Ресе.
3. Пустошь Кривая.

4. Полпустоши Суземы. А в них пашни пахотные: и перелогом и лесом поросло, среднее земли 130 четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена 70 копен.

В том числе в полупустоши Суземе пашни 17 четвертей с осминою; а лесу и сена не написано.

И в той полупустоши завладели многим лесом и сенными покосами деревни Больших Коробок за межею писца стольника Льва Наумова, да Подъячего Марки Кордюкова 193 и 194 годов.

А в писцовых книгах письма и меры и межеванья оных стольника Наумова да подъячего Кордюкова написано: вышеписанными деревнями Маклаковою и Иваньковою владеют города Серпейска соборной Николаевский поп Лев с братьями по жалованной грамоте 458 году января 22 дня, которую они явили оному межевщику. А в жалованной грамоте к тем деревням написано: пустошь Кривая, да половина пустоши Суземы. А другая половина той пустоши за воловою Серпейскою межею, в Мещовском уезде, в вотчине Георгиевского монастыря. А к тем деревням и пустошам пашни и лесу и сена написано вышеписанное число.

А по письму и по мере Льва Наумова на оных деревнях и в пустошах пашни пахатные и перелогом и лесом поросло по 187 чети в поле, а в дву по тому ж.

И обоего пашни пахатная и перелогом и лесом поросло доброй земли с наддачею по 150 чети.

И примерено сверх старой дачи по 19 чети с осминою в поле, а в дву по тому ж, и та примененная земля примежевана из старой дачи к вотчинной земле.

Сенных покосов по речке Бобровке вниз, и по речке по Ресе вверх, и за пустошью Суземом по потоку и меже пол и по заполью 30 десятин, сена косят 300 копен.

Да непашенного лесу 102 десятины, да болот под деревнею Маклаковою и под деревнею Иванковым 20 десятин.

И сверх старых писцовых книг примежеванной пашни и лесу и болот и сена 155 десятин без четверти, а с четвертями будет 309 чети с осминою.

И в тех межевых книгах урочище до урочища писаны все с мерою, и на те межевые книги сходу никакого не было, и с тех книг по челобитью вышеписанного попа Льва Алексеева с братьями за руками оных писцов дана выпись для земляного платежа.

А во 195 году июля в 10 день, по челобитью Мещовского игумена Серафима с братьей и по докладной выписке, в которой выписано из писцовых старых писцовых вышеописанных книг и приписаны вышеописанные деревни с пустошами, к Егорьевскому монастырю показаны.

И в том же во 195 году июля в 23 день, по челобитью оною монастыря, дана с вышеописанных книг выпись за дьячью приписью впредь для владения и сыску беглых крестьян.

А как съезд был в нынешнем 729 году на спорной земле Егорьевскаго монастыря Архимандрит вышеписанное межеванье Льва Наумова называл будто неправым и будто от их на то межеванье и спор есть, а спору никакого по справки в Вотчиной Коллегии не имеется и быть не возможно, для того, что сверх писцовой книги, пашни, и лесу, и сена примежевано многое число».

Копии

С выписки секретаря Бошилова в означенном 729 году владел он Большими Коробками сельцом, что в Серпейском уезде и намерен был обиду учинить монастырским деревням Маклакову да Иванковой.

Состояние монастырских вотчин в 1724 году видно из следующей ведомости:

«За Мещовским Георгиевским монастырем по переписным 186 (1678) года книгам в Мещовском уезде, в селе Клетине с деревнями крестьянских бобыльских 57 дворов. В Серпейском уезде, в деревне Иванковой да в деревне Маклаковой 10 дворов. Итого 67 дворов. В них мужеского полу Мещовского уезду 324 душа, Серпейского уезду 65 душ; всего 386 душ. А ныне по свидетельству мужеского ж полу в Мещовском уезде 534 души; в Серпейском 139 душ; итого 673 души. Прибыло 287 душ.

В тот монастырь окладных сборов не бывает, только собирается неокладных.

С монастырских огородов запродажную пеньку 10 рублей. За продажной скот два рубля. Итого 12 рублей, а в иной год и меньше.

Столового припаса — масла коровьего три пуда; холста посконного триста аршин; конюших припасов — лык триста пучков; дров шестьдесят сажень.

К тому ж монастырю четыре мельницы с которых платится оброк в светскую команду к комисарству.

В городе Мещовске на речке Турее о дву поставях, оброку в год по двадцати по два рубля по пяти денег.

В селе Клетине на речке Ужете о двух поставках оброку в год по девятнадцати рублей по девяти алтын по пяти денег.

В деревне Староселье на речке Ужете об одной поставке, оброку в год по пяти рублей по двадцати семи алтын по пяти денег.

В Серпейском уезде, в деревне Иванковой на речке Ресе о двух поставках, оброку в год по тринадцати рублей по девятнадцати алтын по полшесты деньги.

Итого оброчных денег в казну в платеже бывает по шестьдесят рублей по двадцати по пяти алтын с деньгою.

И в оной платеж не достает по 15-ти рублей в год и больше, и те недостаточные на той платеж собирается с крестьян.

За оным же монастырем десятинной пашни тридцать три десятины. На той пашне в посевах бывает: ржи шестьдесят шесть четвертей; ячменя двадцать пять четвертей два четверика; овса двадцать четыре четверти один четверик; гречи десять четвертей один четверик; пшеницы десять четвертей; итого 145 четвертей 4 четверика.

Того хлеба по умолоту за семена в природе было:

В 724 году: ржи семьдесят восемь четвертей; ячменя тридцать девять четвертей; овса пятьдесят пять четвертей один четверик; гречи одиннадцать четвертей; пшеницы двенадцать четвертей один четверик; итого 195 четвертей один четверик.

В 725 году: ржи 70 четвертей 2 четверика; ячменя 75 четвертей 1 четверик овса 53 четверик; гречи 12 четвертей; пшеницы 10 четвертей; итого 180 четвертей 3 четверика.

В 726 году: ржи 80 четвертей; ячменя 40 четвертей; овса 50 четвертей; гречи 18 четвертей; пшеницы 12 четвертей 1 четверик; итого 200 четвертей 1 четверик.

Сена косили по двести по десяти копен, и то сено употребляется на корм монастырских лошадей.

В том монастыре ныне на лицо:

Архимандрит Феофан,

Бывший Архимандрит Афанасий,

Игумен Авраамий,

Казначей иеромонах Авраамий,

Инквизитор иеромонах Иосиф,

Иеромонахи: Сергей, Антоний, Софроний, Филарет, Аарон.

Иеродиаконы: Серапион, Ефимий, Игнатий, Иаков.

Пономарь Пахомий.

Крылоские:

Матвей,

Онуфрий,

Житенной Андрей,
 Чашник Елисей,
 Подкеларщик Аверкий.
 Посельные:
 Иона, Силивверст,
 Конюшей Пафнутий,
 Хлебные:
 Иосиф, Тарасий,
 Поваренный Алимпий,
 Иеродиакон Серапион.
 Полевые и во братстве:
 Арсений, Уар, Георгий, Ефрем, Ефросин, Пафнутий, Ти-
 хон, Пафнутий, Макарий, Иоасаф. Итого с Архимандритом
 36 человек.

Светских:

Подьячий — 1.

Служителей — 3.

Конюхов — 2.

Скотников — 2.

Отставных солдат — 2.

Итого 10 человек: а с монахами 46 человек.

Да из вышеописанных доходов в расходе:

На церковные потребности 8 рублей,

На братскую пищу и одежду 4 рубля.

Всего денег в расходе бывает 12 рублей.

Архимандриту и братии хлеба ржи и ярового 126 четвер-
 тей один четверик.

Служителем и отставным солдатам 54 четверти. На корм
 лошадям и скоту употребляется 20 четвертей.

Итого в расходе хлеба бывает 200 четвертей 1 четверик.

А в недостаточное число хлеба получаемо бывает того
 монастыря от вкладчиков».

Чем владеет в настоящее время

Будучи в 1764 году лишен не только вотчин, но и всех своих
 угодий, Мещовский Георгиевский монастырь долго боролся
 с крайней нуждой, прежде чем успел возратить себе хотя
 небольшую часть их. Так, в 1788 году он получил 10 сажен око-
 ло своей ограды для совершения крестных ходов.

Вследствие высочайшего указа 1797 года декабря в 18 день,
 он, наравне с другими заштатными монастырями и пустынями,

получил ежегодное милостынное подаяние в 300 рублей ассигнациями и мельницу на реке Рессе с рыбной ловлей в той же реке, исключен из ведения Калужской казенной палаты, и отданы во владение сего монастыря 4-го сентября 1798 года 30 десятин земли около его стен, которые поступили в его владение окончательно лишь в 1801 году¹.

В 1851 году дано монастырю более 70 десятин строевого леса в урочище Бордукине, близ села Алферьевского.

В 1860 году, вследствие высочайшего указа 1836 года о наделе монастырей по способности дано 70 десятин луговой земли в дачах казенного ведомства Перемышльского уезда на реке Жиздре.

В 1861 году приобретено по духовному завещанию от помещика Никифора Матвеевича Егорова 100 десятин лесных порослей и луговой земли. Итак, ныне монастырь владеет следующими угодьями:

1. Мельница Мосальского уезда, при селе Тараскове на реке Рессе², о 4-х поставках с сукновальнею и толчеею; отдавалась при самом поступлении во владение монастыря (с 1802 года) за 350 руб. ассигнациями в год, в 1814 за 600 рублей ассигнациями с обстройкой содержанием заново, а ныне дает дохода до 300 рублей серебром.

2. Рыбная ловля при той же мельнице на реке Рессе, которая, как оговаривается в указе Калужской Консистории, отдана на имя о. строителя Пимена от 15 июля 1851 года, основанном на запросе у Калужской Казенной Палаты, *«долженствует иметь пространство на течении реки в дачах казенного ведомства крестьян»*. Согласно этому, и в контракте, заключенном строителем о. Пименом в 1802 году апреля 23 дня, об отдаче в арендное содержание монастырской мельницы крестьянину Мосальского уезда Боровенской волости села Тараскова Алексею Устинову Салынину с детьми, — о рыбной ловле говорится следующее: *«имеющуюся рыбную ловлю при оной мельнице, вверху и в низу, казенного ведомства в крестьянских*

¹ Из дела о сем видно, что первоначально была предназначена Мещовскому монастырю мукомольная мельница при деревне Староселье на реке Ужете, а рыбная ловля в Перемышльском уезде в 65 верстах от монастыря: но по невыгоде и по прошению строителя о. Мельхиседека назначена нынешняя мельница и рыбная ловля на реке Рессе.

² В 20 верстах от монастыря.

дачах смотреть и без приказу строителя не допустить к ловлению в оной рыбы».

3. 30 десятин земли вокруг монастырских стен, с березовой рощей на южной и восточной сторонах, отведены в том же 1801 году, по силе указа 1797 года усердием о. Пимена, тогда же окопаны рвом и валом для устранения притязаний со стороны соседей.

В 1861 году, по просьбе нынешнего настоятеля о. игумена Мельхиседека, взамен упомянутой лесной дачи 70 десятины, отведено столько же десятин (70) луговой земли Перемышльского уезда¹ по реке Жиздре, в даче Камевке, и отдается в арендное содержание казенным крестьянам за 210 рублей серебром.

И, наконец, в 1862 году Мещовского уезда помещик Никифор Матвеевич Егоров по духовному завещанию отказал, предоставив в вечное владение монастырю, 100 десятин лесных порослей и луговой земли при селе Никитском, верстах в 17 от монастыря. Отдается луговая земля за 30 рублей серебром в год крестьянам того же села, с условием сберегать от порубки молодой лес.

Хозяйственные документы

План на монастырскую землю 30 десятин, выданный по именному Его Императорского Величества указу в 1801 году.

Дело об отведении Мещовскому Георгиевскому монастырю мукомольной мельницы в Мосальском уезде при селе Тараскове, на реке Рессе, начавшееся 1798 года 4 сентября.

Чем содержится монастырь

С 1764 года Мещовский Георгиевский монастырь содержался и содержится, подобно всем заштатным обителям, своими средствами и мирским подаянием, кто что получает.

В 1789 году монастырь получил: годовых доходов 224 руб. 26,5 коп.

В 1792 году 557 руб. 10 коп.

При чем очень значащая статья была — сбор из часовен: Благовещенской, где тогда находилась икона «Скорбящей Божией Матери» и из Сухиничской: от помещения в пустых мона-

¹ Не Козельского ли?

стырских зданиях вина получалось в год 172 руб. По ведомостям 1825 года значилось свечной суммы 477 руб. 90 коп., неокладной 1159 руб. 89 коп., итого 1942 руб. 10 коп. асс.; ныне годовых доходов обители простирается не свыше 1500 руб. серебром. Свои средства состоят, как мы уже видели, в отдаче на арендное содержание мельниц и луговой земли, что доставляет обители до 500 рублей серебром ежегодного дохода.

С Петровской ярмарки получается сборных до 100 рублей серебром.

Обитель получает с 1797 года милостивенное подаяние, назначенное всем заштатным монастырям указом блаженной памяти императора Павла Петровича, по 300 рублей ассигнациями в год, что составляет на серебро 85 рублей. С капитала, внесенного на поминовение разных лиц, в кредитные установления, с 1805 по 1862 год, до 15000 рублей серебром, получается годовых процентов 600 рублей серебром.

Архив монастырский находится в порядке и отличается от других монастырских архивов Калужской епархии обилием материалов первой половины XVIII столетия (от 1700 до 1750 года), по которым легко можно проследить в подробности отношение правительства к вотчинным монастырям за все это пятидесятилетие.

Список настоятелей

1. Игумен Кирилл управлял обителью между 1643 и 1652 годами.
2. Игумен Пафнутий управлял между 1667–1668 и 1673 годами.
3. Серафим упоминается с 1679 по 1691 год игуменом, а с 1691 года по 1699 — архимандритом; скончался в сем монастыре. Он построил в монастыре нынешнюю каменную двух-этажную церковь и устроил его хозяйство на прочных основаниях: скончался и погребен в сем монастыре (как видно из описи 1702 г.).
4. Афанасий — с 1691 по 1707 год; по сказке его самого в 1702 г. (см. мон. Описан.) *«он в том монастыре во Архимандритах с прошлого 207 года по указам преосвященного Пимена, Митрополита Сарского и Подонского, и по грамоте из Казенного Приказа за приписью Ивана Зиновьева, тот Георгиевский монастырь на него Архимандрита описывал Юхнова монастыря*

строитель иеродиакон Трифиллий». По ведомостям 1711 года ему 58 лет; жил на покое в сем же монастыре.

5. Серапион упоминается с 1707 по конец 1710 года, постриженник Св. Георгиевского монастыря, был келарем Высоко-Петровского Московского монастыря.

6. Феофан упоминается с 1711 по 1731 год, постриженник Св. Георгиевского монастыря; скончался здесь же 27 мая 1731 года.

7. Пахомий (Блестанов)— с 1731 года по 1743, постриженник Св. Георгиевского же монастыря; по ведомости 1710 года показан в числе иеромонахов 47 лет, а в 1728 году видим имя его в числе вкладчиков того же монастыря: *«1728 года, дому Крутицкого Архиерея судья, Архимандрит Пахомий (Блестанов) на строение ограды вкладу дал денег 100 рублей, для поминовения родителей своих»*. Он пользовался особым расположением преосвященного Леонида, архиепископа Сарского и Подонского.

8. Архимандрит Иов — с 1744 по 1748 год.

9. Сила — с 1753 по 1765, из постриженников Покровского училищного монастыря, родом Мещовского уезда из священников села Дубков.

Игумены

10. Гедeon — 1765–1770. Родом из малороссиян; был вначале игуменом Боровенского Мосальского монастыря, а по упразднении его перемещен наместником в Боровский Пафнутьев монастырь и в 1765 году переведен игуменом в Мещовский Георгиевский монастырь.

11. Моисей, 1770–1774, уроженец Мещовского уезда села Немерзок, пострижен в монашество в Св. Георгиевском монастыре по указу преосвященного Платона, епископа Сарского и Подонского; им же посвящен во иеродиакона, а преосвященным Илларионом во иеромонаха; в 1758 году произведен во игумены в Козельскую Оптину пустынь, а в 1763 году переведен преосвященным, архиепископом Амвросием, на праздное место в Мценский Петропавловский монастырь игуменом же; в 1764 году переведен отсюда в Московский Крестовоздвиженский монастырь преосвященным Тимофеем, митрополитом

Московским и Севским. Будучи в Оптиной пустыни, «от двоекратного разбойнического нападения бит был смертно и мучен и жжен огнем», — о чем значится по делу в Крутицкой консистории. В 1767 году перемещен из Оптиной пустыни, согласно его прошению, по своему обещанию, в Мещовский Георгиевский монастырь на покой с производством жалованья 50 рублей в год.

Строители и игумены

12. Лонгин — с 1 июля 1774 по 1783; указом 11 августа сего года смещен со строительской должности и переведен в число братства в Белевский Спасопреображенский монастырь.

13. Иосиф — с 11 августа 1783 года по 14 мая 1784; указом от 14 мая смещен со строительской должности и отрешен от присутствия в Духовном правлении с перемещением в число братства в Можайский Лужецкий монастырь, а на его место определен строителем и присутствующим уволенный из Севской епархии иеромонах Евгений.

14. Евгений — с августа 1784 до 1786 года, из священников; скончался в том же монастыре.

15. Игумен Арсений — с 21 декабря 1786 года из Московского Сретенского монастыря. Принял монастырь от казначея иеромонаха Епифания; скончался в Св. Георгиевском монастыре 10 мая 1789 года; на его место определен строителем, по резолюции Московского и Калужского митрополита Платона от 27 июня 1789 года, Данилова монастыря иеромонах Мельхиседек, скончавшийся в Св. Георгиевском монастыре в 1799 году. Он памятен своей благочестиво-подвижнической жизнью.

16. Пимен — с 1800 до 1808 года: еще будучи строителем, в 1802 году сентября 12-го дня был назначен экономом с управлением Мещовским Георгиевским монастырем, коим, за отсутствием его, заведовал иеромонах Митрофан, казначей Калужского архиерейского дома; но в 1803 году по прошению мещовских граждан уволен обратив свой монастырь; с 1807 по 1808 год вторично был экономом архиерейского дома, а в мае месяце 1808 года произведен во архимандрита в Покровский Лихвинский Добрый монастырь; скончался в своем монастыре в марте 1812 года. Он родом из вольноотпущенных или дворовых лю-

дей, — человек весьма способный по хозяйству и духовной жизни, принадлежит к числу сподвижников Оптиной пустыни игумена Авраамия, вышедших с им из Песноши для устройства Оптиной пустыни по желанию митрополита Платона.

17. Указом 18 мая 1808 года назначен был строителем Мещовского монастыря Оптиной пустыни иеромонах Макарий¹, но отказался по болезни; а определен указом 22 июня 1808 года Мещовского Георгиевского монастыря иеромонах Корнилий, из мещовских граждан, постриженец Оптиной пустыни; в 1812 году перемещен строителем же в Калужскую Тихонову пустынь, где и скончался в 1814 году в сентябре месяце.

18. Указом в январе месяце 1812 года назначен в строителя казначей Лихвинского Доброго Покровского монастыря иеромонах Митрофан. Он числился сперва в Перемышльском Лютиковом монастыре, а сперва жил в Оптиной пустыни, потом 4 июля 1800 года (вместе с Пименом) перешел в Мещовский Георгиевский монастырь, где в ноябре того же года посвящен во иеромонаха. В бытность Пимена экономом Калужского архиерейского дома, в звании казначея управлял Св. Георгиевской обителью с 1802 по 1803 год; вместе с производством о. Пимена во архимандрита перемещен казначеем же в Покровский Лихвинский Добрый монастырь. Управлял сим монастырем с 1812 по 1816 год; 10 июля 1816 года определен экономом Калужского архиерейского дома с управлением монастырем; исправлял экономскую должность до 18 августа 1817 года, в коем уволен в свой монастырь.

19. В конце 1816 года назначен строителем Св. Георгиевского монастыря иеромонах того же монастыря о. Михаил, а в апреле 1819 года уволен от строительской должности по прошению, постригся в схиму и проживал на покое в том же монастыре, подавая братии поучительный пример смирения и прочих иноческих добродетелей. Был в общении с духовными старцами своего времени и пользовался их уважением. Он из духовного звания, уроженец Козельского уезда села Крапивны. С 1791 года обучался в Московской Академии до риторики; 1799 года определен в Оптину пустынь в число братства, а в 1800 году перемещен в Мещовский Георгиевский

¹ Впоследствии архимандрит Малоярославецкого монастыря.

монастырь, в котором в 1804 году пострижен в монашество; в 1806 году помещен в штат при доме его преосвященства, с жительством по-прежнему в Мещовском монастыре. В 1810 году посвящен в иеродиакона, а в 1812 году перемещен в Калужскую Тихонову пустынь, где исправлял должность казначея, и по смерти строителя о. Корнилия с 24 сентября по 17 июля управлял монастырем. В 1815 году 18 июля определен строителем той же пустыни, а в 1816 году августа 14-го переведен строителем же в Мещовский Георгиевский монастырь и определен присутствующим в Мещовском духовном правлении, и того же 1816 года сентября 22 вступил в должность Мещовских духовных училищ со званием смотрителя; в 1817 году 1 июня награжден набедренником и того же года 6 июля уволен от смотрительской должности.

20. На место о. Михаила определен строителем смотритель духовных училищ иеромонах Иннокентий; но как он, по указу из Московского Святейшего Синода Конторы, 16 марта того же года помещен в число соборных иеромонахов Донского монастыря, а поэтому и «несовместно» ему быть строителем, то 14 мая 1819 года назначен строителем Мещовского Георгиевского монастыря экономом архиерейского дома иеромонах Владимир, с исправлением экономоской должности. 20 ноября того года уволен в свой монастырь. 7 мая 1821 года вторично, по указу преосвященного Филарета, епископа Калужского и Боровского, назначен экономом архиерейского дома, а управление братией и благочинием Мещовской обители поручено смотрителю духовных училищ иеромонаху Иннокентию. 4 июля 1823 года уволен в свой монастырь, где и скончался в 1829 году; родом был из духовного звания, сын священника Мосальского уезда села Мосури.

21. 10 мая 1829 года назначен исправляющим должность строителя иеромонах Ираклий, из иеромонахов Оптиной пустыни; управлял по 1830 год; перемещен строителем в Тихонову пустынь, которой управлял с 1830 по 1835 год, и в этом году, согласно его прошению, уволен от строительской должности и поступил на жительство в Московский Златоустовский монастырь; родом из карачаевских граждан.

22. Августин — с 1835 по 1842 год, из дьячков села Ловати Жиздринского уезда, постриженец Боровского Пафнутьева

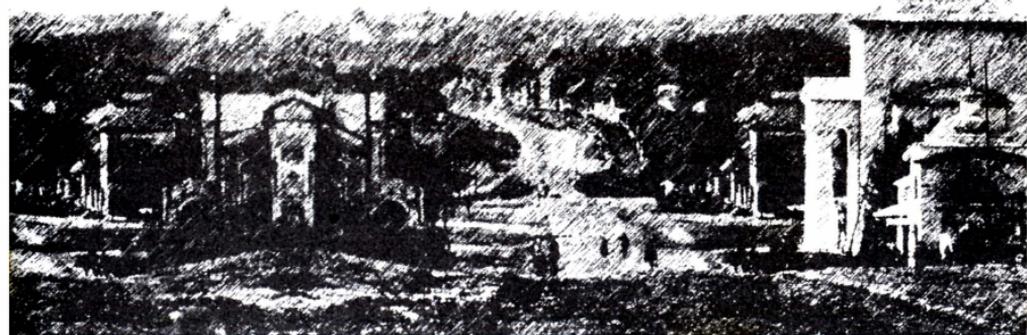
монастыря; оттуда вскоре по пострижении, в 1824 году, взят в экононы архиерейского дома, а из экономов назначен строителем 23 января 1830 года, с исправлением и экономской должности: в сентябре 1830 года отпущен в свой монастырь, а 25 августа 1842 года перемещен наместником в Боровский Пафнутьев монастырь, где и скончался. На место его назначен из иеромонахов скита, что при Оптиной пустыни.

23. Иеромонах Никодим — с 1842 по 1853 год, постриженец скита Оптиной пустыни, из отставных флотских офицеров, в миру Николай Петрович Демусье; произведен в сан игумена в 1844 году; в 1853 году перемещен в настоятели в Малоярославецкий Черноостровский монастырь, в котором произведен в сан архимандрита, а в 1862 году уволен на покой в тот же монастырь, с принятием схимы.

24. Мельхиседек — с 1853 года по настоящее время, из экономов архиерейского дома, постриженец Калужского Лаврентьева монастыря, 1847 года, из священников и благочинных Лихвинской Введенской церкви; проходил экономскую должность с 1843 по 1853 год. 1853 назначен строителем сего монастыря, а в 1856 году 10 июня произведен во игумена.

КАЗАНИЕ О РОДЕ СТРЕШНЕВЫХ,
О ЛУКЪЯНЕ СТЕПАНОВИЧЕ СТРЕШНЕВЕ,
ОТЦЕ ПЕРВОЙ ЦАРИЦЫ ЕВДОКИИ
РОМАНОВОЙ, ДАВШЕЙ НАЧАЛО ВСЕМУ
ЦАРСКОМУ РОДУ РОМАНОВЫХ

Лукьян Степанович Стрешнев
(*Старинное историческое предание*)¹

Нлучшие сочинения чужестранных писателей большею частью наполнены похвалою великим людям Греции и Рима, которых они представляют с изумлением в пример потомству. Но с какою особенною радостью, только истинному сыну Отечества известною, должен русский воздать хвалу великим людям своей земли? Сколько их было у нас, сколько еще их есть и ныне?! Бытописания наши и настоящие громкие дела наших витязей служат тому доказательством. Развернем свиток достопамятных событий, в России случившихся, и мы в нем найдем своих Епаминондов, своих Сципионов, Цинцинатов. Знаменитое доблестью и мужеством русское дворянство, сколько имело в сословии своем мужей славы, начиная от простого воина до полководца, от домостроителя до судьи! В довод сему приведу я не вымышленное, но точное сказание о Лукьяне Стрешневе, смиренномудрие которого достойно похвалы и который показал примером своим, что русский дворянин столь же велик в скудной доле, как и на высокой степени; что он хотя бы стал самым первым боярином, и тогда не постыдился бы своей благородной бедности.

Восстановитель России царь Михаил Федорович, оплакав потерю своей супруги, царицы Марии Владимировны, из рода князей Долгоруких, обязан был вступить во второй брак. Общее благо и с этим всегда согласное желание мудрой матери его, Марфы Ивановны, того требовали. И так по обычаю тех времен призваны были ко двору, к матери царя, шестьдесят девиц из перво-статейных княжеских и боярских родов. Быв щедро пожалованы

¹ Из сборника XIX века.

богатыми царскими дарами, они остановились на несколько дней в покоех у матери государя, и каждая девица имела при себе подругу для собеседования. По тогдашнему обряду, царь вместе с родительницею своею в назначенный час пошел в покои знатных девиц избрать себе невесту, но ни одна из них не тронула его сердца. Потом, также вместе с родительницею своею, пошел он смотреть собеседниц их. Одна из них поражает красотю своею очи царские. Прелестные черты лица ее, которым кротость, с неким унынием соединенная, придавала волшебную силу, была явным отображением сущей добродетели, а цветущая юность оживляла ее стройный стан и величавую осанку. Словом, красавица была совершенный ангел. При первом на нее взгляде государь остановился, посмотрел на нее пристально и в задумчивости вышел из покоев. Он не скрыл своего чувствования от царицы, матери своей. В то же время приказано было узнать о роде и племени прекрасной девицы. Немедленно доносят государю и государыне, родительнице его, что девица сия, по имени Евдокия, дочь бедного мещовского дворянина, Лукьяна Степановича Стрешнева; что она осиротела еще в пеленках, лишившись матери вскоре по рождении своем; что отец ее, отправляясь на службу ратную в смутные времена, отдал ее на воспитание дальней своей родственнице, знатной боярыне, с дочерью которой она и приехала ко двору. При сем объяснении упомянуто было также и о том, что Евдокия Лукьяновна Стрешнева живет под игом жестокого своенравия гордых своих родственников; что она всем от них обижена и редкий день проходит, чтобы она не обливалась слезами; но что она скромная и добродетельная девица; что никто не только не слышал от нее жалоб, даже недовольного взгляда от нее не видал.

Такое о девице Стрешневой известие наполнило болезненным состраданием сердце царево, уже любовью объятое. Невольный вздох вырвался из груди государевой, и он сам того не приметил, как произнес: «Несчастливая... Но ты должна быть счастливою».

Лукьян Степанович
Стрешнев

Мать царя была недовольна сим выбором и с некоторым негодованием сказала сыну своему: «Государь! Таковым избранием ты оскорбляешь бояр и князей, знаменитых своими и предков своих заслугами; дочери их, если тебе и не по нраву, то, по крайней мере, не менее Стрешневой добродетельны... А Стрешнев кто?.. Человек неизвестный!»

— Он дворянин. Сего довольно, — ответил Михаил. — Одна только бедность отделяет его от боярства. Скудную долю его я дополню щедростью.

— Из ничтожества ты возведешь на высокую степень... — отвечала мать государя. — Так... Но, не зная о его качествах, не слышав ни от кого, какова его душа... Послушай меня, любезный сын мой, рассуди о твоём намерении!

— Не смею прекословить тебе, государыня, — сказал сын матери, — приказывай, что угодно! Я все исполню по воле твоей. Назови мне невесту — с покорностью приму ее себе в супруги от руки твоей.

Потом, с некоторым смущением, запинаясь, робко продолжал: «Но отваживаюсь произнести перед тобою, государыня, одно, одно только слово о несчастной!.. Она в сиротстве, без покровительства, угнетена своими родственниками и, может быть, погибнет в бедствии...»

И мы с тобой, родительница, также были!.. Горька была нам участь наша. И мы так же, как она теперь, жили в сиротстве — без отца: он страдал в плену, без покровительства: на нас устремлены были мечи наших гонителей. А кто учился терпению напастей в училище злополучия, тот, конечно, останется навсегда благотворителем ближнего... Кто страдал, тот умеет сострадать и готов на всякую помощь. Мы спасены чудесным промыслом Всевышнего. Может быть, сам Вседержитель положил в сердце моем ее спасение... В ней, может быть, посылает Он благодетельницу народу моему... Может быть, на участь мою с нею есть воля Создателя нашего... *(в глазах царя показались слезы)*. Несчастливая и завладела моим покоем... Все уверяют меня, что она должна быть добродетельна».

Пораженная покорностью и чувствованием царя, сына своего, Марфа Ивановна не могла удержаться от слез: она прижала его к нежной материнской груди своей и, поцеловав, отвечала ему:

— Сердце царево в руке Божьей. Отныне девица Евдокия

тебе невеста, а мне дочь: да будет над тобою и над нею Божие и мое благословение!

На другой же день поутру Евдокия Лукьяновна Стрешнева объявлена была всенародно невестою царя Михаила Федоровича. Бессмертный муж, патриарх Филарет, благословил царя на обручение с избранною его, и несметное многолюдство, теснившееся толпами на Красной площади, воскликнуло: «Многая лета отцу государю с невестою его!»

Герб Стрешневых

Но каким несказанным удивлением поражена была девица Стрешнева! Она заснула вчера бедной, несчастной, столь несчастной, что и луч надежды к какой-либо отраде не озарял души ее, а сегодня пробуждается царской невестой. Ей приносят цветные одежды, ей служат с благоговением, ее величают царевной, ее просят в покои царские, собственно для нее приготовленные. Долго она не верила тому, что слышит. Наконец встает с беспокойного одра своего; чувства ее все в волнении; едва могла дрожащими ногами приблизиться к образу Богоматери, который всегда при себе имела. Перед ним упала она на землю, произнеся слова сии: «Царица Небесная! Ты призрела на смирение рабы твоей!» Рыдание пресекло голос ее. В то самое время пришла к ней государыня, мать царя и, будучи тронута ее умилением, подняла ее, заключила в свои объятия, называла ее своею дочерью и всемерно старалась успокоить душу ее, встревоженную различными чувствами.

Раздался благовест к молебствию об избранной невесте по всему пространству столицы. Евдокия, облеченная в богатые одежды, препровождена была в великолепный царский чертог, где ожидали ее все бояре и вельможи, для принесения ей поздравления. Дочери князей и бояр, приехавшие ко двору в одно время с ней, тут же находились. Когда подступили они к целованию руки ее, то она, не давая руки своей, с приветствием поцеловала каждую девицу; но последняя из них объята была трепетом; бледное лицо и потупленные глаза представляли в ней преступницу, раскаянием и страхом терзаемую; на всяком шагу она препиналась и вдруг, зарывав, поверглась к ногам Евдокии:

«Государыня! — воскликнула она отчаянным голосом, — прости меня! Я виновата перед тобой. Не припомни лихости моей!» Кто же была та виновная, лежавшая у ног Евдокии? Гордая, злонравная и жестокая родственница ее, которая еще вчера с презрением на нее взирала и не удостаивала посадить ее вместе с собою. Добродетельная Евдокия спешит поднять, ее, обнимает ее и говорит ей своим нежным голосом: «Прости и меня, если я чем тебе досадила, а тебя Бог простит! Я помню твои хлеб и соль; я выросла у твоих родителей в доме». Потом, одарив ее, отпускает от себя милостиво.

Поступок сей, изображающий великодушие и милосердие царской невесты, удивил весь двор, принес радость царице Марфе Ивановне и усугубил любовь венценосного жениха.

После торжественного обручения, совершенного великим патриархом Филаретом, отправлены были чиновники от царя к Лукьяну Степановичу Стрешневу в Можайский¹ уезд с богатыми дарами, с царскими для него повозками и с извещательной грамотой, что по благодати Божией царь государь избрал себе в супруги Евдокию Лукьяновну Стрешневу.

Чиновники, достигнув тех мест, где жил Стрешнев, осведомляются, где дом его; им показывают хижину, соломою покрытую. Они приходят к воротам. Слуга, вязавший борону, спрашивает: «Кого вам надобно?» — «Лукьяна Степановича Стрешнева», — отвечают послы. «Его нет дома, — возразил слуга, — он в поле на работе». «Проводи нас к нему», — сказали чиновники. «Подождите немного, — отвечал слуга, — только что довяжу борону, без нее нельзя мне барину показаться». Слуга весьма скоро окончил свое дело и поехал с бороной в поле к господину, за этим-то провожаемым шли царские послы. Они приходят к ниве, которую пахал старец почтенного вида, в кафтане сурового домашнего холста. Слуга сказал им, указав на старца: «Вот мой барин!» Благородный вид привлекал к нему уважение: белые, как пух, волосы и окладистая борода резко отделялись от густой тени кустов, близ которых Стрешнев пролагал новую по ниве борозду. Приближаясь к чиновникам с сохой, он обтер полотенцем пот с лица, а поравнявшись с ними, поклонился им и посмотрел на них не без удив-

¹ Далее архимандрит Леонид доказывает, что Лукиан был Мещовским купцом, а не Можайским, возможно, после литовского разорения Лукиан жил в поместье своей новой жены Анны Волконской, либо упоминание Можайска просто ошибка в тексте.

ления, не прерывая работы своей. Чиновники, подойдя к нему с почтением, возвещают, что дочь его наречена царской невестой. Стрешнев не верит тому и, полагая то более за ошибку послов, говорит им: «Конечно, вы отправлены к кому-нибудь иному, а не ко мне. Нет ли другого Стрешнева, а меня зовут Лукьяном Стрешневым». Послы представляют ему грамоту, на имя его писанную. Стрешнев в недоумении своем приемлет грамоту и отвечает: «Не смею прикоснуться, не будучи уверен в точной истине. Прошу пожаловать ко мне в дом и там меня подождать; там мы разберем все дело и вы изволите узнать, что я, верно, не тот, кого вам надобно. А теперь дозволейте мне допахать мою ниву, пока погода хороша, да и солнце уже на закате». Послы, однако же, убедили его принять от них грамоту. Стрешнев, прочитав, призадумался немного; потом, окинув взглядом ниву, приказывает слуге своему допахать и заборонить ее, а сам провожает послов в хижину свою. Придя туда, он полагает грамоту под образа и, отдав три земных поклона Подателю всех благ, воззвал к Нему, стоя на коленях: «Боже Всесильный, из ничего свет создавший, возводя меня от бедности к изобилию, сердце чисто и дух прав утверди во мне! Подкрепи меня десницею Твоею, да не разврашусь посреди почестей и богатства, Тобою мне, может быть, во искушение ниспосылаемых!» После этой молитвы Стрешнев предложил чиновникам на вечернюю трапезу свои хлеб и соль и что Бог ему послал. После ужина, пожелав им покоя, оставил и занялся всем тем, что требовал от него скудный домашний обиход его. Потом лег спать на соломенный свой одр.

На другой день Стрешнев пошел в церковь, отслужил молебен, принял благословение от духовного отца своего, простился с соседями, как с братьями, искренно обрадованными благополучием его, и, наделив их, чем мог, отбыл из бедного деревянного селения, из убогой хижины своей, в престольный град, в царские палаты.

По прибытии в Москву Лукьян Степанович встречен был во вратах столицы с великими почестями. Ему предшествовала царская рында¹, окольные и бояре; стремянные царские вельможи за повод коня его и шли вокруг его; стольники, воеводы и прочие сановные люди, назначенные по уряду, провожали его до Грановитой палаты. Сам государь вышел к нему за золотую решетку, на красное крыльцо, и, не допустив его поклониться себе в землю, повел его с собою в Светлые терема, где дочь его вместе с царицею Марфою Иванов-

¹ Рындой называлась конная царская стража.

ною, ожидала пришествия их. Какова же должна быть встреча Лукьяна Степановича с дочерью своею после долговременной разлуки и при столь внезапной перемене ее состояния?

Лукьян Степанович, воздав почтение матери государя, обратил взоры на дочь свою, близ нее стоявшую. Евдокия, ощущая неизреченную радость, с некою робостью соединенную, имела устремленные на отца очи и не чувствовала, как слезы катились на высокую грудь ее, колеблемую биением сердца. Но когда он сказал ей: «Здравствуй, дочь любезная!», тогда поклонилась она ему в ноги и поцеловала его руку. Стрешнев, благоговевая в присутствии государя, хранил при нем величественную твердость духа, и только яркий румянец, выступивший на бледные старческие ланиты его, обнаруживал сильное движение скромного чадолюбия. Государь с Марфой Ивановной удалились.

Евдокия, будучи с отцом наедине, бросилась в объятия его, и почтенный старец сей, сколько ни крепился, но не мог не плакать. Евдокия говорила ему: «Родитель мой, мне и в мысли не приходило, чтобы я могла быть царской невестой». «Дражайшая дочь! — отвечал ей отец ее. — Творец непостижим в делах своих... Бог гордым лишь противится, но смиренным дает благодать. Он призывает тебя на важный подвиг. Почувствуй, однако, бремя, какое Создатель, промышляющий о человечестве, возлагает на тебя в новой твоей доле! Отныне ты должна разделять тяготу венца с государем, нареченным супругом твоим, который есть твое неоцененное сокровище, дражайшее жизни твоей. Государь — страж общего покоя; а ты должна соблюдать его спокойствие! От него зависит благоденствие народа, а в тебе да обретет он отраду и услаждение от трудов, скорбей и печалей, неминуемо сопряженных с человечеством и величеством царским! Отныне ты должна быть заступницей всех бедных, сирых и утесненных, тем более что ты сама была и сира, и убога. Ты должна быть ходатаицей за истину и невинность у супруга твоего. Ты должна умолять его о помиловании даже и впадших в прегрешение; ибо един только Бог без греха. Милосердие его да будет плодом твоих добродетелей! Пусть лучше в милостях, нежели в казнях, укорять его! И такая укоризна, превышающая многие похвалы, да будет тебе во славу и утешение; твоим человеколюбием да приумножится к нему любовь общая! О сколь много потребно душевных сил, чтобы совершить предлежащие тебе обязанности, обязанности священнейшие царицы и благо-

творительницы целого народа! Всемогуший Зиждитель царств и податель им царей, помоги своей силой небесной, да воззванная Тобою к царскому величию сирота со славою и честью пройдет знаменитое поприще жизни своей». При этом слове Лукьян Степанович с сокрушенным сердцем начал молиться Богу, земно кланяясь, а помолясь поцеловал дочь свою и оставил ее в глубоком размышлении. По прошествии месяца совершенно было бракосочетание государя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой. Милостями царя и царицы, излиянными на все царство, ознаменовано было брачное торжество сие.

Лукьяну Степановичу пожаловано боярство, поместья и дом в Москве, и поведено ему заседать в большой думе. Сей почтенный муж, быв на поклоне у государя, принес от себя царице, дочери своей, дары, им для нее сбереженные. «Благоволи, государыня, принять от меня сокровища, тебе полезные», — сказал он, ставя перед ней небольшой старый ларец. «Родитель мой! — отвечала царица. — На что мне сокровища? Взыскана будучи милостью Божью, имею ли я в них нужду? Единые сокровища мои: любовь государя, супруга моего, и твое родительское благословение: только о том прошу и молю Создателя».

«Сокровищам, мною в дар тебе приносимым, нет цены, государыня, — возразил боярин Стрешнев. — Прими их от меня, как дочь, в залог любви родительской!»

Царица повиновалась воле отца своего и приняла ларец. Тогда Лукьян Степанович открыл оный и, вынув из него суровый холстинный кафтан, сказал: «Любезная моя дочь! Вот кафтан мой, сшитый руками твоей матери, из холста ею же вытканного. Кафтан был на мне в то время, когда я пахал свою ниву. Вот полотенце, которым утирался я, когда работал в поте лица моего. А в этом малом ларце заключалось все приданое твоей матери... Сокровища сии должны напоминать тебе, государыня, каждый раз, когда на них ты взглянешь, чья ты дочь и в каком состоянии родилась. А эти напоминания более и более соединять тебя будут с человечеством. Чем чаще ты будешь видеть сии дары мои, тем скорее сделаешься матерью народа... Но молю Тебя, Вседержитель, спаси меня от печали: не дай мне дожить до того злосчастливого дня, в который увидел бы я в дочери моей одну только царицу и не обрел бы в ней Евдокии, дочери бедного Стрешнева!» «Господь Бог порукою тебе, дражайший родитель, в том, что дочь твоя пребудет всегда достойною любви

твоей и благословения», — отвечала царица отцу своему и, приняв от него с живейшею чувствительностью дары его, поставила ларец посреди драгоценнейших утварей своего чертога, так что он для нее всегда был первым предметом.

Боярин Стрешнев из царских палат перешел на житье в пожалованный ему дом, который, по тогдашнему обычаю, столько украшен был иждивением царским, сколько требовало того жилище тестя государева. Но спальню свою Лукьян Степанович убрал сам по своему нраву: в головах своей кровати поставил образа; в ногах меч и копье, коим разил врагов на ратном поле; по стене развесил свои земледельческие орудия, как-то: серп, косу, заступ и сошник; против кровати на широкой скамье разостлал старый свой ковер, доставшийся от отца в наследство. Таким образом, устроил он все для того, чтобы каждая вещь приводила ему на память первобытное состояние его. По непремennomу своему правилу Лукьян Степанович начинал и оканчивал каждый день молитвой. В старом кожаном Молитвеннике, где написаны были его рукой утренние и вечерние молитвы и по коему всегда молился, приписал он в конце: «Лукьян! Помни, что ты был!» Простодушный слуга его, деревенский его сотрудник, служил ему, и никто из прочих слуг кроме него не был к господину близок.

Таким-то неожиданным случаем Лукьян Степанович Стрешнев, из бедного дворянина сделавшись великим боярином, не забывал в себе человека. Он был ходатай истины у Престола, ревнитель общего блага, защитник всех бедных и беспомощных, мудр в советах царских, строг к себе одному и добр ко всем, верный слуга царю и отечеству, сущий христьянин, совершенный русский вельможа. Он был равно благороден и в суровой бедности и в боярстве. Знаменитая дочь его, истинная наследница родительских добродетелей и за них удостоенная царского сана, благочестием, благоразумием и милосердием украшала венец супруга своего царя Михаила Федоровича, который во все время своей жизни с ней неусыпно занят был благоустройством разоренного врагами государства. Царица Евдокия Лукьяновна была основательницей Богоугодных заведений, и сама она воспитывала сына своего, царя Алексея Михайловича, коего мудрость и великие дела свидетельствуют о качестве ума и сердца его.

Провидение даровало нам ею славное поколение Романовых. Она мать законодателя царя Алексея Михайловича и бабка Петра Великого.

ССЛЕДОВАНИЕ
О РОДЕ СТРЕШНЕВЫХ

Стрешневы получили особую значительность с того времени, как одна из их рода, Евдокия Лукьяновна, сочеталась браком с царем Михаилом Федоровичем.

Но род Стрешневых, вопреки позднейшим предположениям и вымыслам, принадлежит к старым русским дворянским служилым родам, и некоторые из Стрешневых получили личную известность еще прежде своего случайного родства с царским домом. При том Стрешневы, как, оказывается, были искони мещовскими, а не можайскими дворянами, тогда как последнее мнение, неизвестно почему, утвердилось и повторяется голословно всеми новейшими историками. Исследование наше имеет целью исправить эту ошибку и познакомить читателя с замечательными лицами этого угасшего рода.

Царица Евдокия Лукьяновна была дочь Лукьяна Степановича Стрешнева. Сочеталась браком с царем Михаилом Федоровичем в 1626 году, февраля 5 дня.

Дети от сего брака были:

1. *Царевна Ирина Михайловна*, родилась в 1627 г., апреля 22; скончалась в 1679 г., февраля 3.

2. *Царевна Пелагея Михайловна*, родилась в 1628 г., апреля 17; скончалась в 1629 г., января 25.

3. *Царь Алексей Михайлович*, родился в 1629 г., марта 10, скончался в 1676 г., января 29.

4. *Царевна Анна Михайловна*, родилась в 1630 г., июля 14; скончалась в 1692 г., октября 27.

5. *Царевна Марфа Михайловна*, родилась в 1631 г., августа 19; скончалась в 1633 г., сентября 21.

6. *Царевич Иван Михайлович*, родился в 1633 г., июня 2; скончался в 1639 г., января 10.

7. *Царевна София Михайловна*, родилась в 1634 г., сентября 15; скончалась в 1636 г., июня 20.

8. *Царевна Татьяна Михайловна*, родилась в 1636 г., января 5; скончалась в 1658 г., августа 23.

9. *Царевич Василий Михайлович*, родился в 1639 г., марта 25; скончался в 1639 г., марта 25.

Скончалась царица Евдокия Лукьяновна в одном году с супругом, а именно: царь Михаил Федорович скончался 12 июля (в день своего рождения), а Евдокия Лукьяновна 18 августа 1645 года и погребена в Московском Вознесенском девичьем монастыре. В описании бракосочетания их (1626 г.) мы встречаем имена нескольких ближних родственников царицы (с отцовской стороны) как участников брачного

Царица Евдокия Лукьяновна
(урожденная Стрешнева)

торжества, а именно: отец царицы стольник Лукьян Степанович; стольник Василий Степанович Стрешнев (у государыниной свечи); Сергей Степанович, сын Стрешнев; Илья Афанасьевич, сын Стрешнев; Матвей Федорович, сын Стрешнев; Максим Федорович, сын Стрешнев; Иван Филипов, сын Стрешнев (все шестеро показаны в числе сверстных московских дворян, шедших в брачном поезде за санями государыни). Из лиц женского пола участвовали в свадебном обряде лишь жена Лукьяна Степановича, Анна Константиновна, да жены Ивана Стрешнева, Ульяна Ильинична, и Василия Ивановича Стрешнева, Ирина Прокофьевна¹.

1. Родитель царицы Евдокии Лукьяновны, *Лукьян Степанович Стрешнев*, мещовский дворянин, пожалован на свадьбе дочери стольником, в 1630 году окольничим, 1634 году боярином; а в описании венчания на царство внука его, царя Алексея Михайловича (1646 г.), он наименован «сродичем» (сродичь) и держал царский венец; тогда же он пожалован в ближние бо-

¹ См. описание в лицах торжественного бракосочетания государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государынею царицею и великою княгиней Евдокией Лукьяновной Стрешневой. В 4 д. л. Москва, 1810 г., издание Платона Бекетова, составляющее ныне книжную редкость.

яре. Скончался в 1650 году и погребен в Мещовском Георгиевском монастыре.

2. Жена Лукьяна Степановича, Анна Константиновна, была ли родной матерью царицы Евдокии Лукьяновны или мачехой (согласно тому преданию, что Евдокия Лукьяновна выросла сиротой в доме одного из своих родственников), мы утвердительно сказать не можем, но по некоторым соображениям полагаем, что Анна Константиновна была точно мачехой царицы Евдокии Лукьяновны, сестрой окольного князя Григория Константиновича Волконского, который был так же, как и Лукьян Степанович, мещовским вотчинником. На царской свадьбе он шел за санями государыни. Предполагаемое нами родство этого близкого к царю вельможи с Лукьяном Степановичем Стрешневым лучше всяких преданий дает ключ к разгадке обстоятельств, сопровождавших этот брак. Весьма вероятно, что кроткая Евдокия, получив воспитание в доме своего сильного родственника, могла быть (согласно преданию) жертвой блажи его родной дочери, с ней вместе была на смотринах и понравилась царю кроткозадумчивым выражением своего приятного лица.

Боярыня Анна Константиновна была мамой (няней) царицы Ивана Михайловича, родившегося в 1633 году, а скончавшегося в 1639 году.

Братья Лукьяна Степановича: Федор Степанович и Сергей Степанович Стрешневы.

3. **Федор Степанович**, также мещовский дворянин, приобрел некоторую известность еще прежде, чем сделался царским родственником. В 1613 году мы видим его выборным от города Мещовска на Земском Соборе для избрания на царство Михаила Федоровича. В разрядных книгах 1615, 1616 и 1617 годов Федор Стрешнев значится воеводой в Лихвине, «а с ним Лихвинских стрельцов 30 человек, пушкарей и затинщиков 18 человек». В 1616 году он мужественно отсидел в г. Лихвине от наезда Лисовского, и был награжден тогда же «присылкою к нему в Лихвин от царя с золотыми, а за всю его службу в смутное время придано ему к поместному окладу 18 рублей». По окончании войны Федор Стрешнев вошел к царю Михаилу Федоровичу с следующим челобитьем: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу вся Русь бьет челом холоп твой Федко Стрешнев. В прошлом, Государь, в 124 году, был я, холоп твой, на твоей царской службе в Лихвине; и приходили, Государь,

под Лихвин Литовские люди и Черкасы Литовские с товарищами; и я, холоп твой, от них твой, Государев, город Лихвин отсидел и на вылазке языки поймал, и ты, Государь, меня, холопа твоего, за мое службишко пожаловал, велел ко мне в Лихвин с золотыми прислать; и за мое службишко твое царское жалование придано мне, холопу твоему, поместного оклада 100 чети, а денежного жалования к прежнему окладу 18 рублей. А которые, Государь, наши братья города отсидели, и за такие службы пожалованы твоим царским поместным окладом и денежным жалованием больше того, да им же было твое царское жалование кубки и шубы, а мне, холопу твоему, твоего царского жалования за мое службишка не дано ничего. Милостивый Государь, царь и великий князь, Михайло Федорович всея Руси, пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко царским жалованием против моей братьи, как тебе, милосердному Государю, Бог известит, чтоб мне, холопу твоему, в позор не быть перед своею братию. Государь царь, смилуйся, пожалуй!» По справке оказалось: «Федор Степанов Стрешнев в прошлом 124 (1616 году) был в Лихвине воеводой; и выписана служба его из отпуска, как послано к нему с золотыми: 124 года в ... день, писал к Государю царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу Всея Руси из Лихвина воевода Федор Стрешнев: сентября во 2-ой день, за час до света, пришли к Лихвину Лисовский с Литовскими людьми, и к Лихвину приступили жестокими приступы всеми людьми; и он, Федор, прося у Бога милости, в Лихвине, в малом острожке, в осаде с Лихвинскими ратными людьми сидел, и Государю служил, с Литовскими людьми бился с утра и до седьмого часу дня, и Божеею милостью и Государевым счастьем от Литовских людей в малом острожке отсиделись, и Литовских людей на приступах многих побили и переранили; и за ту службу и за осадное сидение к Федору Стрешневу послано с Государевым жалованием и золотыми, да ему же за ту службу была поместная придача. А что Федору Стрешневу за ту службу поместного оклада придано, и то в разряде не сыскано, по тому что поместные столпы в Московский пожар во 134 (1626) году пригорели. А ныне Государю царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом Федор Стрешнев, что ему придано Государева жалования за ту Лихвинскую службу поместного оклада 100 чети, а денежно-

го жалования 18 рублей. А которые его братья город отсидели, и им Государевого жалования поместного и денежного окладу придавано больше того, да им же даны шубы и кубки, и ковши, а ему, за его службу, не дано ничего; и Государь бы его пожаловал за его службу своим Государевым жалованием против его братьи, как Государю Бог известит. А поместный его оклад, по его словам, прежней 700 чети, денег 27 рублей; да ему же за ту Лихвинскую службу придачи 100 чети, денег 18 рублей; и всего ему окладу 800 чети, денег 45 рублей. И выписаны дворяне в пример (следует несколько примеров)». По склейке рукой дьяка помета: «135 (1725) году января в 26 день Государь царь и Великий Князь Михайло Федорович всяя Руси сее выписи слушав, пожаловал Федора Стрешнева за прежнюю его Лихвинскую службу, велел придать ему своего, Государева жалования к прежнему его окладу придачи: поместья 100 четвертей, денег из четверти двадцать пять рублей, да с казенного двора, велел ему Государь своего, Государева, жалования дать атлас золотой в 50 рублей, да сорок соболей в шестьдесят рублей, для того, что ему в те поры за ту службу шубы и кубка не дано против его братьи»¹. В 1634 году Федор Стрешнев пожалован в окольничие, а в 1656 году в бояре, и находился при царском дворе, что видно из одного акта 1634 года, в котором сказано: «а отписку велено подать в верху окольничему Федору Степановичу Стрешневу»². Федор Степанович Стрешнев скончался в 1647 году. Сын его стольник Степан Федорович в 1631 и 1632 годах был воеводой на Ваге (Архангельской губернии).

4. **Сергей Степанович Стрешнев** в 1615 году был воеводой в Алексине, что видно из разрядных книг того же года.

5. Современник по службе Федора Степановича и родственник его, также мещовский дворянин, **Илья Афанасьевич Стрешнев**, по Разрядным книгам 1615 и 1616 годов показан Осадным головой в Мещовске, «а с ним детей боярских мещан с меньших статей 32 человека, стрельцов 13 человек, пушкарей и затинщиков 13 человек, воротников 3 человека, рассыльщиков 3 человека, посацких людей 55 человек».

¹ См. Временник 1849 г. Кн. 3. Поместные дела, стр. 21–24.

² См. «Чтения в Императ. Обществе Истории и Древностей Российских», 1862 г. кн. IV, Смесь, стр. 50: «Письмо царицы Евдокии Лукьяновны к Новгородскому иерею Максиму».

На свадьбе царицы Евдокии Лукьяновны он показан в числе московских дворян, сопровождавших свадебный поезд.

6. **Василий Иванович Стрешнев**, которого на свадьбе царицы видим уже в звании стольника, в 1634 году вместе с Федором Степановичем Стрешневым пожалован в окольник, а в 1646 году в бояре. В Литовском походе (1654 г.) мы видим его боярином и воеводой сторожевого полка. Как за этот поход, так и за другие службы, государь пожаловал Стрешневу, в числе прочих, *«шубу под атласом золотым на соболях, кубок золочен с кровлею в 7-м гривенек, денежной придачи к окладу ... рублей»*. Скончался в 1661 году.

7. **Иван Филиппович Стрешнев**, тоже упоминаемый в описании бракосочетания царицы Евдокии Лукьяновны, в 1606 году был уже думным дворянином, в 1609 году Устюжским воеводой¹, а в 1630 воеводой на Варе², в 1631 году заменил его сын Федора Степановича, Степан Федорович Стрешнев.

Из братьев и сестер царицы Евдокии Лукьяновны известны нам лишь: Степан Лукьянович и Федосья Лукьяновна Стрешнёвы.

Первый (**Степан Лукьянович**) в 1655 году был уже боярином, находился при дворе и скончался в 1666 году. Он известен своим горячим участием в деле о низложении патриарха Никона и был один из самых влиятельных лиц в стороне, враждебной Никону. Он-то и составлял вопросы о разных обстоятельствах Никонова дела, на которые Паисий не замедлил написать казуистические ответы, а патриарх Никон возражения. Эти вопросы и возражения на них Никона остаются доселе в рукописи и служат любопытным материалом для верной оценки этого единственного в своем роде дела в истории Русской Церкви. Рукопись эта хранится в Патриаршей (Синодальной Московской) библиотеке; впрочем, встречаются с нее списки и в частных руках, но редко. Нам известен один из таких списков, принадлежащих Г. Кашкину.

О судьбе сестры царицы, **Федосьи Лукьяновны**, мы не могли найти никаких сведений; даже не знаем, за кем она была замужем. Памятником родственно нежных отношений между сестрами осталось лишь собственноручное письмо царицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны Федосье Лукьяновне: *«Пожаловали есмя послали к тебе своего... жалованья волосник золотой... низаная с канителью и с трунцалом, три цевки золота, три цевки*

¹ См. Исторические акты, т. II, стр. 160.

² Временник, кн. 25, стр. 89.

серебра, аршин на подубрусники тафты Виницейки червчетой, полотно двойное, да три полотна тройных, да пятьдесят золотник шелков цветов разных, да два фунта белил. Да дочери твоей пожаловали есмя сережки золоты с жемчюжки, каменья лалы, да шубку, камка желта, на пупках собольих, кружево серебряно, пуговики серебряны же. Да ты ж нам била челом о серьгах, и мы те серьги пришлем к тебе вперед, а ныне не успели послать». Подлинник сего письма хранится в архиве Оружейной палаты, писан столбцом на одном листке¹.

Из прочих известных членов этого рода встречаем в списках окольных царя Алексея Михайловича:

1. **Ивана Большого Федоровича Стрешнева** в 1654 году
2. **Ивана Меньшего Федоровича Стрешнева**² в 1656 году.
3. **Родиона Матвеевича Стрешнева** с 1657 года³.

А в списке стольников 1670 года:

1. **Ивана Ивановича** и
2. **Якова Максимовича Стрешневых**.

В царствование Петра I из Стрешневых были известны бояре:

1. **Никита Константинович** и
2. **Тихон Никитич Стрешневы**

Последний пользовался особым уважением Петра и был в конце своей службы московским губернатором⁴.

3. Боярыня вдова **Анастасия Ивановна Стрешнева**.

Стольники:

4. **Иван Родионович**⁵ и

5. **Иван Иванович**⁶ **Стрешневы**, которые все участвовали в 1694 году в так называемом кумпанстве боярина Никиты Константиновича Стрешнева для построения судов. Известно утвердитель-

¹ Смотри Временник 1849 года, кн. 1. Смесь, стр. 15.

² Один из них был тестем князя Василия Васильевича Голицына и жил в Москве; род его записан в Синодике Мещовского Георгиевского монастыря вместе с родами Лукьяна Степановича (230 имен) и Никиты Константиновича Стрешневых и князя Василия Васильевича Голицына. Боярином. О. Б.

³ Погребен в Чудовом монастыре 1687 г., апреля 2, и назван в надписи боярином. О. Б.

⁴ «Когда Петр собственноручно обрезал бороды боярам, Тихон Никитич был пощажен, «за свою испытанную преданность» (Донесение Гварии Цесарю от 12 сентября 1698 года).

⁵ «Погребен в Чудове же монастыре 1722 г., августа 14, в заглавии, против гроба родителя своего, и назван в надписи ближним стольником. О. Б.

⁶ Сын его, генерал-аншеф Петр Иванович Стрешнев, погребен в Донском монастыре. Брат же Николай Иванович, генерал-майор, погребен в Чудове монастыре 1745 г., мая 5, на 39 году от рождения. О. Б.

но, что Стрешневы были коренные мешовские дворяне и вотчинники и погребались издревле в Мещовском Георгиевском монастыре.

Не имея под руками писцовых книг Мещовского уезда, мы в подтверждение того, что Стрешневы были искони мешовские помещики, можем сослаться на переписную книгу церковных земель Мещовского уезда 1626 года (в которой упоминаются лишь одни села).

Из этой книги достаточно ясно видно, что родовые поместья Стрешневых были сосредоточены преимущественно в околородном стану; стало быть, именно в окрестностях старого Мещовского монастыря на реке Рессе. В этой книге упоминаются: «1. За Григорием Игнатьевым сыном Стрешнева старое отца его поместье, село Петрушинское, на речке на Нисве и на речке на Недвижке. 2. За меньшим Афонасьевым сыном Стрешнева, по Государеве жалованной грамоте в 1615 году, за приписью Дьяка Герасима Мартемьянова, две трети села Гавриков, на речке на Крапивенке, а треть того села за братом его, Яковом Стрешневым. 3. Вдовы Матрены Федоровской жены Стрешнева, да Степановское поместье Борисова сына Стрешнева, пустошь, что было село Мурхвичи, на речке Нисве¹. 4. Во Владычинском стану за Ильєю Афонасьевым, сыном Стрешневым, что по приправочным книгам написано было за ним в вотчине и в поместье две трети села Травина с жеребьем на речке на Старке».

Из этого видно, во-первых, что род Стрешневых принадлежал к старым дворянским родам; во-вторых, что род их исстари имел оседлость в Мещовском уезде, и именно в окрестностях Мещовского монастыря, в стенах коего также исстари была их родовая усыпальница, чем и объясняется внимание к сей обители царицы Евдокии Лукьяновны, о коем память сохранилась не только в устных преданиях, но и в письменных монастырских актах; так, во вкладной книге сего монастыря, заведенной архимандритом Серафимом в 1681 году, сказано утвердительно, что «на милостыню (как душевную добродетель) и благолепие Дому Прес-

¹ Мы полагаем, что здесь речь идет о родовом поместье отца Лукьяна Степановича Стрешнева (родителя царицы), которое в литовское разорение могло быть опустошено, через что Лукьян Степанович был вынужден переселиться в другое свое или женино поместье в Можайском уезде, где и застало его счастливое для него событие 1626 года, когда дочь его, Евдокия Лукьяновна, сделалась царскою невестою. Но еще вероятнее, что в письменном предании, по ошибке, вместо Мещовска поставлено Можайск.

вятые Богородицы честного и славного Рождества ее Георгиевского монастыря, зело устремилася своим тщательством блаженные памяти Благочестивейшая Государыня и Великая Княгиня Евдокия Лукьяновна». Это известие, как записанное одним из настоятелей обители через 36 лет после кончины царицы, по одному этому уже не требует других подтверждений. Что же именно сделано царицей в пользу обители, остается неизвестным. По ходу обстоятельств надобно полагать, что вообще щедротами Евдокии Лукьяновны и ее родственников старая Георгиевская обитель, что была на реке Рессе и совершенно разоренная в литовское нашествие, построилась на новом месте, «в Мещовске на посаде», деревянным зданием.

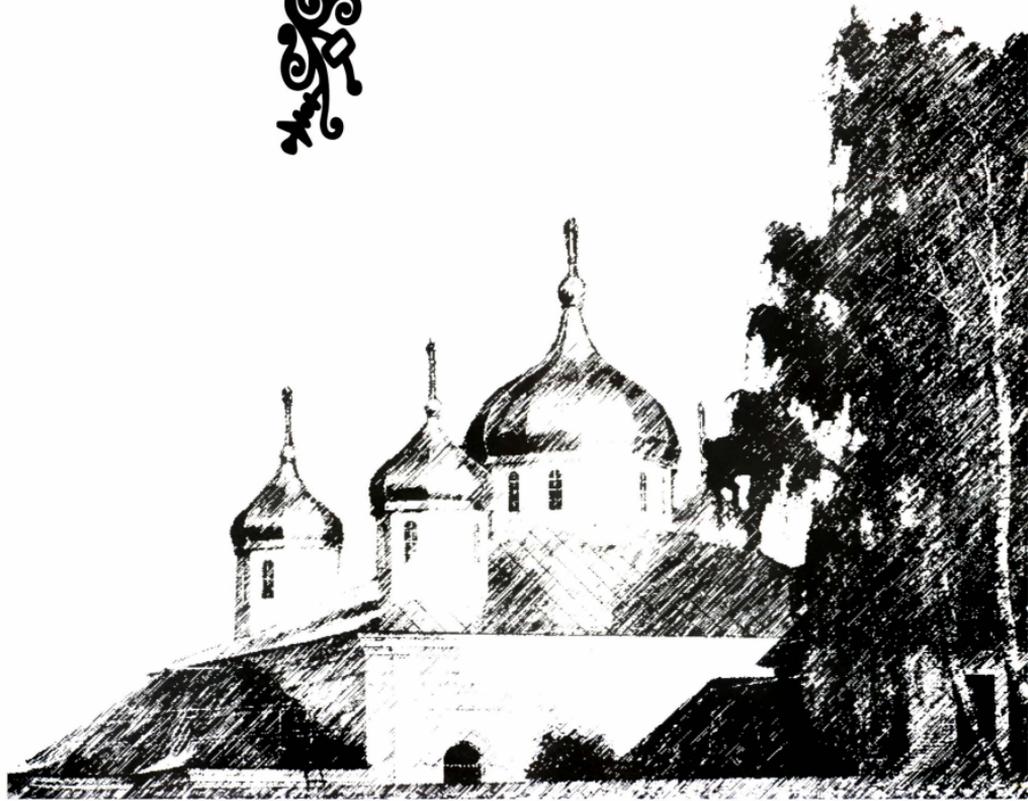
В описи 1716 года из родственников царицы, принимавших участие в судьбах обители в течение XVII столетиях, упоминается: отец ее, Лукьян Степанович¹, пожертвовавший несколько колоколов, да брат царицы, боярин Степан Лукьянович, который принес большое Евангелие с серебряными вырезными наугольниками и средою. В начале XVII столетия боярыня Анастасия Ивановна Стрешнева пожертвовала воздух и два покрова серебряной объяри с травы золотыми; боярина Никиты Константиновича Стрешнева: оклад ризы изорбафа травчатого с звездки, боярина Ивана Федоровича Стрешнева: ризы участок серебряной с травы золотыми и, наконец, вклад боярина Тихона Никитича Стрешнева — несколько колоколов и серебряный ковш.

Самое участие в судьбах Мещовской обители, начавшей с 1680 года воздвигаться каменным зданием, царей Федора Алексеевича, Ивана и Петра Алексеевичей, основываясь на уважении к памяти их добродетельной бабки, служат подтверждением вышеупомянутого предания, устного и письменного. Внимание же к Георгиевскому Мещовскому монастырю царя Петра Алексеевича в начале его единодержавия получило еще и новое побуждение (с 1689 г.) в том, когда по неисповедимым судьбам Промысла Божия, другая Евдокия, также, подобно первой, взросшая вблизи Мещовской Георгиевской обители, сделалась супругой молодого царя. Разумеет Евдокию Федоровну Лопухину, дочь боярина Федора Абрамовича Лопухина, бывшего владельца села Серебряного, находящегося в виду сей обители.

¹ Не Семен ли Лукьянович Стрешнев? Ибо в числе известных лиц из рода Стрешневых (бояр и окольных) не видно Степана Лукьяновича, а лишь Семен Лукьянович (ум. 1666).

П

РИЛОЖЕНИЕ

Андрей, мешцовский юродивый¹

Андрей, мешцовский юродивый, не именем только, но и самим делом, самой жизнью уподоблялся святому Андрею, Христа ради юродивому, видевшему Божию Матерь «на воздухе». Он добровольно от юности своей шел тесным и трудным путем, ведущим в Царство Небесное. Он был такой муж, у которого слова и дела казались бессмысленными многим людям. По мнению последних, он жил против уставов природы, нарушал житейские обязанности и обычаи; и потому был поношаем, уничижаем и поругаем ими. Между тем при внимательном взгляде на жизнь раба Божия Андрея нельзя не видеть, что он имел высокую мудрость и был великим подвижником. Все черты этой мудрости и этого подвижничества известны одному только Богу, испытующему сердца и утробы и ведущему тайные помышления и советы людей. Но и тем, которые знали юродивого Андрея, известно величие мудрости и подвигов его. Много жертв принесено им на алтаре самоотвержения; много совершено подвигов смирения и самоуничтожения; много оказано непоколебимого, но вместе кроткого терпения среди обид и оскорблений; много представлено нераздражаемого незлобия, безответной кротости, неизменной любви к оскорблявшим его; много подвигов умерщвления плоти; много явлено опытов прозорливости. Таким образом, бессмыслие Андрея на самом деле не было бессмыслие или юродство, а мудрость, прикрытая *буйством*: оно было, так сказать, безобразный покров, под которым таилось высокое совершенство. Все это

¹ Сведения из монастырской рукописи. Автор Сергей Архангельский. Прибавления к КЕВ № 21 за 1868 г. С. 599–618.

ясно увидим мы, когда изложим в кратком очерке жизнь юродивого Андрея.

Андрей юродивый родился в 1744 году в деревне Овсянниковой, в приходе села Клетина Мещовского уезда, от благочестивых крестьян Петра и Марии. Еще в детстве лишился он отца своего и перемещен на жительство в соседнюю деревню Бобровицы, куда мать его вышла вторично в замужество за крестьянина Григория. Крестьянам этой деревни очень заметны были в пасынке Григория чистота души, послушание, кротость и склонность к уединению. Андрей ни с кем ничего не говорил, со сверстниками своими не общался, ходил всегда один и не имел ни малейшей охоты к сельским занятиям; а потому крестьяне считали его полоумным.

По смерти матери своей Андрей опять перешел жить в прежнюю деревню Овсянникову, в дом родственников своих. Здесь, приходя в совершенный возраст, начал он ходить почти нагой с кнутиком и топориком. Топорик носил он на левом плече, держа рукоятку его правой рукой. Как ни старались домашние Андрея прикрывать наготу его, но все это было тщетно. Однажды племянница его насильно надела на него рубашку; но Андрей разодрал ее и бросил. То же сделал он и в другой раз, когда надета была на него рубашка, обшитая кожей. При разговоре о чем-нибудь хорошем Андрей приятно улыбался, а слыша бранные слова, удалялся из дома. К особенности характера его можно отнести и то, что он постоянно сидел или лежал на печи, перебирая положенные на ней дрова. Спал он весьма мало, без подстилки на печи, как бы последняя ни была горяча; вместо подушки клал под голову свою топорик.

Блаженный Андрей

Андрей любил молиться Богу, особенно в ночное время. Ле-

том, когда домашние его возвращались с полевых работ и, отужинав, ложились спать, он выходил тайно в сад и возносил молитвы свои к престолу Всевышнего, осеняя себя крестным знамением и произнося одно только слово: «Господи!» В это время стоял он с распростертыми руками, устремив взор свой к небу, и таким образом беседовал с Творцом и Искупителем до тех пор, пока кто-либо из родственников его не пробуждался от сна и не звал его домой.

Ходя по деревням, Андрей терпел много обид от крестьян и детей их. Последние бегали за ним толпами, смеялись над ним и, так как он ходил с топориком, кричали: «Андрей топора», бросали в него камнями, так что нередко ранили ему голову до крови. Незлобивый и кроткий Андрей все это переносил великодушно. В селе Клетине полюбил он дом крестьян Никулиных, в который ходил очень часто. Когда случалось ему здесь обедать или ужинать, то он, вздыхая, ударял себя в грудь так сильно, что из нее исходил какой-то печальный стон; но еще сильнее бил он себя затылком о стену: каждый удар его был слышан на улице. С удивлением и страхом смотрели на Андрея окружавшие его, думая, что он лишится жизни. Между тем, когда осматривали голову его, то не находили на ней ни малейшего ушиба, и сам Андрей не жаловался на головную боль. Узнав об этом, одни считали его притворяющимся, другие, напротив, стали любить и уважать Андрея тем более, что он начал показывать опыты прозорливости и других благодатных действий.

Однажды юродивый Андрей пришел в соседнюю деревню Староселье во время посева ржи. Один крестьянин, шутя, попросил его засеять поле свое. Андрей согласился, но, бросая семена на землю, говорил: «Пропало, замерло». И на поле этом не выросло плодного колоса. А когда другой крестьянин обратился к Андрею с просьбой посеять рожь на его поле, веруя, что Господь благословит ниву его, по молитвам праведника своего, то Андрей во время сеяния ничего ни говорил, — и на засеянном поле был такой урожай, какого никогда не было у сего крестьянина. После этого крестьяне считали за особенное счастье, когда Андрей на их полях сеял семена; ибо в таком случае, по вере их в человека Божия, нивы их всегда были обильны жатвами.

Имея около тридцати пяти лет от роду, Андрей пожелал жить в Мещовске и, указывая на сторону, обращенную к этому городу, говорил: «Отвезите меня туда!» Родственники его не соглашались на это; но бурмистр села Клетина, почетный крестьянин Андрей Бугров¹, решил исполнить желание соименника своего. Привезши Андрея в Мещовск, он предоставил юродивому идти, куда он захочет. Андрей юродивый, неизвестно почему, подошел к дому мещанской вдовы Елены Суховой и остановился здесь, приложившись к стене и как бы задумавшись. Мать этой вдовы, увидев его и узнав в нем великого подвижника, позвала его в дом дочери своей, уложила спать и одела его. С этого времени дом Суховой так понравился Андрею, что он жил в нем, и изредка в доме родственника ее, Федора Петрова Сухова, до самой смерти своей.

В Мещовске Андрей ходил так же, как и в деревне, нагой с топориком, но кнутик брал редко. Хозяйка его и мать ее умоляли его носить рубашку, тем более что некоторые из жителей мещовских жертвовали для него рубашки; но он не соглашался на это и пожертвованные рубашки отдавал нищим. Впрочем, Андрей так уважал своих хозяев, что без дозволения их никуда не ходил, ничего не брал и был всегда с ними откровенен. Он имел обыкновение летом и зимой уходить за городи чрез несколько часов опять возвращался. В зимнее время ни снег, ни мороз не причиняли ему никакого вреда. Однажды ночью Андрей пришел в дом одного мещанина ночевать. Дочери последнего, девицы, стыдились видеть наготу Андрея, и мещанин тот сказал ему: «Поди еще к кому-нибудь ночевать». Андрей тотчас вышел из его дома. Но чрез несколько времени не принявший Андрея стал жалеть о нем, опасаясь, как бы он не замерз. Взявши фонарь, тотчас отправился искать его. Недалеко от своего дома нашел он юродивого спокойно лежавшим на снегу, из которого выходили сильные пары, и, когда стал приглашать его к себе, он, ничего не говоря, встал со своего места и ушел неизвестно куда.

Андрей удалялся за город большей частью для молитвы, которую тотчас прекращал, когда замечал, что кто-нибудь

¹ Крестьянин этот имел хорошую библиотеку и был человек начитанный; он занимался астрономией; сын его обучался в университете, где и скончался, а дочь была в замужестве за священником.

смотрит на него. Дома молился он о здравии своих хозяев как благодетелей. «Помяни Господи, подай здравие дядюшке и тетушке», — говорил он; причем поминал и других лиц, ему известных. Он чтит праздники Господни, в которые нередко надевал рубашку, а в зимнее время и полушубок, и ходил с матерью Федора Сухова в церковь на Богослужение, во время которого стоял всегда благоговейно; особенно любил он ходить в монастырь к Божественной Литургии, по окончании которой всегда заходил к настоятелю монастыря. В праздники Рождества Христова и святой Пасхи Андрей обнаруживал необыкновенную духовную радость. В первый из этих праздников он весьма часто восклицал: «Христос рождается», а во второй: «Христос воскрес», и при этих последних словах целовался с известными ему лицами.

Когда Андрей ходил по торгу, то все торговцы, сверх денег, давали ему из всего, чем кто торговал. И у кого он что-нибудь брал, у того торговля шла успешно. Все, принятое от усердствующих, Андрей раздавал встретившимся с ним нищим, а когда их не встречал, то деньги клал в щели домов, с тою целью, что нищие возьмут их. В доме Федора Сухова Андрей однажды оставлен был один, и ему поручено было хозяйкой подать нищему кусок хлеба. Едва только хозяйка вышла из дома, как к Андрею пришел нищий и просил у него милостыни. Андрей вместо куска хлеба отдал ему всю ковригу. Хозяйка, возвратившись, домой и видя, что ковриги нет на том месте, где она лежала, спросила юродивого: «Андрей, где же хлеб»? «Я подал нищему», — отвечал он. Хозяйка опечалилась, тем более что настало время обеда, а хлеба не было. Андрей, утешая, сказал ей: «Будет, будет хлеб!» И действительно, чрез несколько времени какой-то помещик прислал Андрею много белых хлебов и ржаной муки. Хозяйка удивилась предсказанию Андрея и раскаялась в суетной заботливости о хлебе.

Особенное сострадание юродивый Андрей имел к воинам и заключенным в темнице. Когда слышал он разговор о солдатах, вздыхая, говорил: «Бедные солдаты!»

В то время в мещовском тюремном замке для арестантов не приготовлялось казенной пищи, и они содержались добротным подаванием, которое собирали в праздничные дни с кон-

воем по городу. Когда для этого выходили они из места своего заключения, Андрей предугадывал это и кричал в окно, обращенное к тюремному замку: «Братья, нищие, идите к нам!» Вскоре арестанты подходили к дому, в котором находился Андрей, — и он поспешно выходил к ним, и с усердием отдавал все, что берег для них. Как ни кроток был Андрей, но его всегда отправляли под стражу в тюремный замок или в клетинское волостное правление, когда ожидали в Мещовск кого-либо из важных лиц. Однажды, во время Петровской ярмарки, приехал туда калужский гражданский губернатор. Андрей не был еще под стражей. Со стороны полиции тотчас сделано было распоряжение, как можно скорее отправить юродивого Андрея в клетинское волостное правление. Исполнить это поручено было двум десятским, которые немедленно отвезли Андрея в Клетино и поспешили приехать оттуда обратно в Мещовск. Возвратившись сюда, они встретились на ярмарке с мещанином Федором Суховым, у которого проживал в это время юродивый, и сказали ему: «Где теперь твой Андрей?» — «Мы отвезли его в Клетино», — сказали они. «Давно ли вы возвратились оттуда?» — спросил их Федор Сухов, зная, что Андрей находится в его доме. «Сей час», — отвечали десятские. Сухов, не объявляя им ничего, позвал их к себе, как будто по надобности. Когда они пришли к нему, то он, указывая на Андрея, лежавшего на печи, сказал им: «Вот отвезенный вами Андрей! Он гораздо, прежде вас возвратился в Мещовск». Десятские с удивлением посмотрели на Андрея и не стали в это время брать его под стражу. Так же в другой раз, когда нужно было отправить Андрея в клетинское волостное правление, и вызвался на это строитель мещовского монастыря, дабы избавить юродивого от насилия и обид, которые нередко причиняли ему сопровождавшие его, Андрей оказался в Мещовске прежде отвезшего его строителя. Хозяину Андрея Федору Сухову однажды случилось быть в городе Витебске по торговым делам. Заболевши там, он поспешил возвратиться в Мещовск. Андрей в самый день выезда хозяина своего из Витебска начал говорить: «Едет дядюшка, — умирает!» Слова эти повторял он в течение одиннадцати дней, в которые Сухов был в пути, а когда он должен был приехать домой, Андрей, стоя у ворот, ожидал, и первый встретил его.

У того же Федора Сухова в одно время малолетняя дочь сделалась так сильно больна, что приготовлена была к смерти и положена под святые иконы. Родители ее горько плакали о ней. Андрей, лежа на печи, внимательно смотрел на них и вдруг сошел с печи. Мать больной сказала ему: «Андреюшка! Вот дочь наша умирает!» Он посмотрел на больную, быстро, с веселым видом представил руками своими, как женщины прядут, и тотчас ушел из дома. Жена Федора Сухова, не доверяя сделанному Андреем знаку, сказала мужу: «Хотя наш Андрей и показал, что больная будет здорова; но едва ли это исполнится. Она сейчас умрет». Между тем Андрей скоро возвратился и, принеся яблок и пряников, дал их больной, которая, по его приказанию, тотчас встала и начала есть, и через несколько времени выздоровела.

В другое время заболела одна из дочерей Елены Суховой. Пятнадцать дней она была в беспмятстве и не принимала никакой пищи. Юродивый Андрей, утешая мать больной, сказал: «Будет здорова дочь твоя!» Предсказание это вскоре исполнилось.

Когда приблизилось время отшествия из этой жизни матери Елены Суховой, которая по прибытии Андрея в первый раз в Мещовск приняла его в дом, Андрей, ходя по комнате взад и вперед, с прискорбием говорил: «Матушку скоро отнесут в монастырь, и дети будут плакать о ней». Через несколько времени старушка эта действительно скончалась и сопровождаемая слезами и рыданиями детей своих похоронена в Мещовском монастыре.

Многое из того, что делал Андрей юродивый, имело особенное значение и смысл: когда, например, он приходил в чей-нибудь дом с дровами, тот вскоре богател, а если у кого со двора уносил дрова, тот волей-неволей лишался своего состояния. Кому Андрей давал луковицу, того постигала болезнь или смерть, а кому предлагал хлеб, тот получал почести, богатство и славу.

Однажды юродивый Андрей пришел к мещовскому купцу Косякину с дровами и застал его в страшном горе: его имение было описано за долги. «Не грусти, — сказал ему Андрей. — Дядя даст денег». Купец не имел в виду такого благодетеля

и потому мало внимания обратил на слова Андрея. Между тем неожиданно приехал к Косякину помещик Раевский и, узнав о затруднительном положении его, дал ему тысячу рублей заимообразно. Купец этот, уплатив хоть и не все долги, стал торговать успешно.

Иеродиакон Мещовского монастыря Корнилий, родной брат хозяйки его Елены Суховой, однажды с настоятелем монастыря поехал в Калугу и там, сверх чаяния, посвящен в иеромонаха. Андрей, предузнав это, взял висевшую на дворе рубашку, разодрал ее и, сделав из нее подобие епитрахили, надел на шею; потом, смотря в окно, говорил: «Едет поп! Едет поп! Корнилий поп!» Через несколько времени новопоставленный иеромонах Корнилий, проезжая из Калуги близ дома сестры своей, зашел к ней вместе с настоятелем монастыря, рассказал ей о неожиданном рукоположении себя во иеромонаха. Впоследствии этот иеромонах Корнилий был строителем Мещовского монастыря. Ему однажды случилось быть по делам монастырским в доме одного помещика, куда пришел и юродивый Андрей и сказал: «В монастыре пожар!» Строитель, зная прозорливость Андрея, поспешил уехать от помещика в монастырь, где действительно загорелась башня, в которой тогда были монашеские келии. К счастью, пожар этот скоро был прекращен распорядительностью строителя.

В 1812-м году, во время нашествия французов на Россию, юродивый Андрей, указывая в ту сторону, откуда шел Наполеон со своим войском, говорил: «Идут с горы! Очень много! Боюсь; уйду в Калугу!» Когда хозяин спрашивал его, о ком он говорит это, то Андрей, ударяясь головой стену, повторял: «Ах, идут! Очень много! Но пропадут, исчезнут!» Этих слов Андрея никто не понимал, потому что о вторжении французов в Россию еще не было известно в Мещовске. Федор Сухов привел себе на память и понял сказанное юродивым уже тогда, когда по торговым делам отправился в Смоленск и здесь узнал, что многочисленные войска французов вступили в Россию.

Так Андрей под покровом юродства скрывал высокое ведение и мудрость, которые сообщаются только людям благочестивым, открытым для них, так сказать, со всех сторон. Солнце, при всей своей светлости, не отражается в мутной

текучей воде. Так и Божественное ведение и мудрость не проникают в ум, омраченный чуждыми Бога помыслами, не трогают сердца, возмущаемого посторонними, даже не предосудительными чувствами и движениями. Чтобы принять их, необходима чистота и тишина души, свобода от всех возмущающих душу мыслей и чувств, от всех отвлекающих впечатлений. А все это было в Андрее юродивом. Он не только отрекся от всего мирского и чувственного, но, так сказать, отсек себя от него, умер для него и весь предан был водительству Божию. Светлость и тишина царствовали в его душе и чувствах. Отвергнув и поправши свой ум, свои желания и закрывши себя от всего, что мир считает приятным, отринув все мирские заботы и попечения, заглушив все плотские нужды и потребности, умертвив силой воли и терпения уды греховные, мещовский юродивый Андрей неприступен был ни мрачным помыслам, ни возмутительным чувствам, ни увлекающим мечтаниям, ни рассеивающим впечатлениям и потому имел дар прозорливости и других благодатных действий. Да не оскорбляется этим гордая мудрость человеческая, да не презирает и не унижает юродивых, как неспособных к высокому ведению! Несмотря на видимое расстройство телесных и душевных сил, юродивые весьма способны и, может быть, способнее всех других к Божественной мудрости. Безумно с нашей стороны всех юродивых называть безумными, и все их действия и слова считать следствием бессмыслия или душевного расстройства и упорно отвергать в их действиях и словах следы, и высокого христианского просвещения, и высокого подвижничества, и, что еще непростительнее, презирать их, насмехаться и ругаться над ними, преследовать и гнать их, как отребье человечества. Сам Бог дает высокое мудрое ведение тому, кто обрек себя на безумие и унижение. Сила Божия совершается в немощи (2 Кор. XII, 9), и там более божественных сил и дарований, где более сознания сей немощи, и тем обильнее и богаче открывается благодать Божия, чем искреннее сознание своего бессилия. Мы должны остерегаться строго и жестоко судить о юродивых, чтобы не укорить и не осудить в них Духа Божия. А это очень возможно с нашей стороны по нашей гордости и высокоумию.

Один мешовский помещик, поклонник разума и мирской мудрости, подвергся внезапному семейному несчастью за гонение юродивого Андрея. Он, однажды возвращаясь с охоты с собаками и увидев Андрея, стал ими травить его. Собаки, бросившись на Андрея, искусали ноги его; но он с удивительным терпением смотрел на раны свои и мысленно с Апостолом говорил: «Аз язвы Господа Иисуса на теле моем ношу» (Гал. 6, П). Пришедши в дом Федора Сухова с веселым видом, он попросил редьки у хозяйки своей для излечения искусанных мест на ногах своих. «Батюшка, — сказала ему хозяйка его, — ведь редька не залечит ран твоих, а, напротив, растравит их!» «Ну, залечит», — отвечал Андрей. И взявши тертой редьки, приложил ее к ранам, которые скоро исцелились. Между тем у помещика того вдруг заболели два малолетних сына и умерли. Почувствовав приближение смерти, Андрей пришел в Мещовский монастырь, избрал для себя место погребения и попросил настоятеля монастыря похоронить себя на указанном им месте. Вскоре после сего он сделался болен в доме Федора Сухова. Болезнь его продолжалась более полугода и была самая мучительная. Вследствие лежания его на одном боку за печью на теле его появилось множество червей, которых очищать он никому не позволял. За несколько дней до смерти своей он благоговейно причастился Св. Христовых тайн, пожелал напутствовать себя Елеопомазанием, которое совершено над ним строителем Мещовского монастыря и старшими иеромонахами, и 28 июня 1812 года мирно скончался на 68-м году от рождения своего. (Андрей юродивый был роста среднего, голову имел небольшую, лысую, лицо продолговатое, глаза довольно большие, нос длинный, бороду редкую с проседью, вид всего тела смуглый; лицо его по смерти сделалось радостным и умиленным.) Трудно выразить, с каким нетерпением спешили к одру умершего юродивого не только жители Мещовска, но и другие бывшие в этом городе по случаю Петровской ярмарки. Многие жертвовали все нужное для погребения его, которое совершено было так торжественно, как ни над кем из мешовских жителей не совершалось. Тело Андрея к месту погребения несли лица, особенно уважавшие его, в сопровождении игумена Оптин-

ского монастыря Авраамия, оказавшегося в то время в Мещовске, строителя и всех иеромонахов Мещовского монастыря, всех городских мещовских священников и двадцати двух сельских. От дома Федора Сухова, в котором Андрей скончался, до монастыря шел весь почти народ, бывший на ярмарке; панихид служили так много, что гроб несли более трех часов. При обряде погребения трогательное пение стихов, многочисленное стечение молящихся с вложенными в руках свечами производили глубокое умиление. Тело Андрея юродивого погребено в средней монастырской башне, обращенной на восток, в которой хранилась икона Божией Матери, именуемой «Блаженное Чрево», несомая впереди гроба Андрея. Здесь повешен и топорик Андрея, который хранится и доселе.

Память о юродивом Андрее сохраняется не только у жителей города Мещовска, но и всего уезда его. Знавшие его старцы в своих домах и собраниях с утешением и назиданием рассказывали и рассказывают о его жизни, словах и действиях, в юродстве открывавших чистоту его сердца, просвещение ума силой обитавшей в нем благодати Божией. Многие издалика приходят служить по нему панихиды, спускают с топорика воду, пьют ее и умываются ею, берут с могилы его землю и посыпают ею больные места на теле своем, отчего недужные получают исцеление. Так юродивый Андрей и по смерти своей являет чудесную помощь чтущим память его.

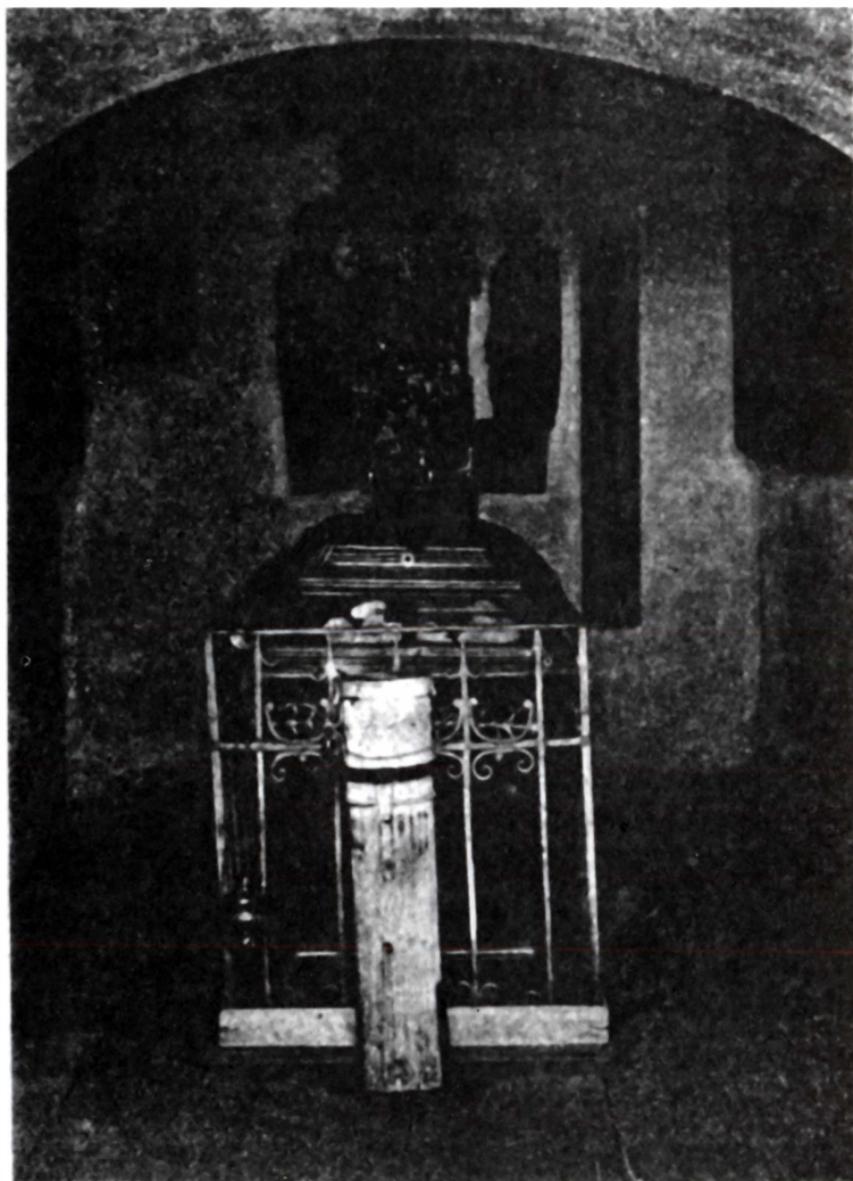
В 1840-м голодном году Господь благословил урожаем хлеба не только крестьян деревень Овсянниковой и Бобровиц, в которых жил юродивый, но и всей клетинской волости. И теперь крестьяне этой волости живут достаточно, веруя, что все довольство посылается им от Бога по молитвам юродивого Андрея, которого память чтут они всегда благоговейно. Во время эпидемии, свирепствовавшей в 1848 году, в деревне Овсянниковой не было больных этой губительной болезнью, тогда как в соседних селах и деревнях многие сделались жертвами ее. Такое спасение во время холеры жители деревни Овсянниковой относят к покровительству юродивого Андрея, как угодника Божия.

В 1855-м году письменно заявлено было о настоятелю

Часовня блаженного Андрея

Мещовского монастыря иеромонаху (ныне игумену) Мельхиседеку, что двенадцатилетняя дочь мещовского купца Никиты Никитина Кобелева, Александра, по указанно Божией Матери, ходатайством юродивого Андрея исцелена от неизлечимой болезни. Это произошло так: более месяца эта девица страдала нестерпимой болью в голове и кровотечением из носа; медицинские пособия не только не облегчали болезни, но, напротив, усиливали ее: у больной открылись сильный кашель и судорожные движения. По долгу христианскому она была исповедана и приобщена Св. Христовых Таин. Родители ее в скорби своей возложили все упование на Господа и попросили духовного отца ее поминать дочь их о здравии на проскомидии. Через несколько дней после этого, именно 1 октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы, больная во время сна чего-то испугалась и, проснувшись, закричала: «Матерь Божия, помилуй меня!» Родители ее, принявши это за бред, старались успокоить ее; но больная опять закричала: вот икона Божией Матери — подайте мне ее приложиться к ней! Родители ее, зная, что в занимаемой больною комнате иконы Бо-

Внутренний вид часовни с гробницей блаженного Андрея

жией Матери нет, недоумевали. Больная начала плакать и неотступно просить их удовлетворить ее желанию. Отец ее взял из киота икону Спасителя и поднес ее к дочери, которая приложилась, к ней, но при этом сказала: «Это икона Спасителя, а мне хочется приложиться к иконе Божией Матери, какую я сейчас видела». «Какую же видела?» — спросил у нее

отец. «Икону Тихвинской Божией Матери, которая стоит в новом Благовещенском соборе, близ левого клироса», — отвечала больная. На другой день призван был соборный священник, духовный отец ее, которому передано было о всем случившемся с ней. Он посоветовал принять в дом икону Тихвинской Божией матери. Когда она была принесена, больная приложилась к ней, попросила поставить ее против себя и пристально смотрела на нее до тех пор, пока уснула, а проснувшись, рассказала следующий сон: «От иконы Божией Матери Тихвинской был ко мне глас, повелевавший съездить в Мещовский монастырь отслужить по юродивому Андрею панихиду. Я будто с матушкой своей отправилась туда и увидела, что этот угодник Божий лежит во гробе с открытым лицом, а иеромонах служит панихиду, по окончании которой я приложилась к устам юродивого и почувствовала неизъяснимую радость в сердце». После этого рассказа родители больной пригласили соборного священника отслужить молебен перед иконой Тихвинской Божией Матери, во время которого она сидя усердно молилась; а по окончании молебна она благоговейно приложилась к этой иконе и убедительно просила отца своего, чтобы он позволил ей с матерью ехать в монастырь и отслужить там панихиду по юродивому Андрею. Отец знал, что опасно отпускать больную, отправился в монастырь сам. Прибыв сюда, он рассказал о настоятелю монастыря о болезни дочери своей и ее сновидении и попросил его приказать чередному иеромонаху отслужить по юродивому Андрею панихиду. Во время пения панихиды он со слезами молился Богу о исцелении дочери своей и призывал в помощь юродивого Андрея; затем взял воды, спущенной с топорика его. Между тем больная с нетерпением ожидала возвращения отца своего, который скоро возвратился и приказал ей выпить воды, спущенной с топорика Андрея, помочить ею голову, руки и ноги. Когда это было исполнено, больная почувствовала облегчение: жар кашель и судорожные движения стали прекращаться. Она попросила чая и выпила его чашку с белым хлебом; после этого сделалась совершенно здорова. Такое чудесное исцеление девицы привело в изумление как ее, так и родителей ее, — и все они в глубочайшем чувстве благодар-

ности поверглись перед иконой Тихвинской Божией Матери, стоявшей еще в их доме, вспоминая и великого подвижника Андрея. (В это время приехавший к ним врач Бакшанский также весьма удивился, когда увидел неизлечимо больную совершенно здоровой.) При наступлении вечера исцеленная попросила собравшихся к ней родственников и знакомых выйти из ее комнаты и осталась только с прислугой своей — девицей. Через несколько времени она спросила девицу: «Слышала ты, что мне сейчас говорила Божия Матерь?» «Нет», — отвечала девица. «Божия Матерь, — продолжала исцеленная, — сказала мне: ты теперь здорова, не ищи помощи у врачей земных, и дважды благословила меня, как благословляют священники». Вскоре после этого исцеленная уснула. Во сне в другой раз видела она, будто с матерью своей была в монастыре во время служения панихиды по Андрею юродивому, лежавшему в открытом гробе. Прикосновение ее к устам его доставило ей так же, как и прежде, необыкновенную радость. Когда она встала от сна, соборный священник приглашен был для перенесения иконы Тихвинской Божией Матери из дома в собор. Исцеленная усердно молилась пред нею и в память избавления своего от болезни пожелала иметь список с той иконы. Родители ее скоро озаботились исполнить ее желание; списанная икона была родительским ее благословением. Так совершилось исцеление неизлечимо больной мещовской купеческой дочери! Изъяснив это в объявлении своем, купец Никита Никитин в заключении писал к о. настоятелю Мещовского монастыря:

«Я несомненно верую, что дочь моя исцелена одним только милосердием Божией Матери и помощью юродивого Андрея. Усердная Заступница рода христианского в день памяти святого Андрея, Христа ради юродивого, 2-го октября, указала чудесное врачевство в мещовском юродивом Андрее, останки которого почивают в обители, вверенной вашему высокопреподобию, так что одно служение мной панихиды по нему и принятие спущенной с топорика его воды дочерью моею прекратили жестокую болезнь ее. Я и прежде слышал, что юродивый Андрей мещовский являл и являет помощь скорбящим и недужным, которые творят

память о нем с верой; в Мещовске на устах всех носится имя его; по благоговению к его жизни и подвигам юродства прославляется его память. Меня же особенно располагает благоговеть пред ним то, что сама Божия Матерь в явлении дочери моей повелела почитать память его служением панихиды по нем. Посему дочь моя, ее мать и ее отец воссылаем и будем всегда воссылать благодарственные молитвы Божией Матери и прославлять память Андрея, мещовского юродивого. Что чудесное событие, явленное над моей дочерью совершилось на моих глазах, есть истинно, и изложено мной без всякой лжи и суетной вымысленности то утверждаем по христианской совести, и в том подписывается мещовский 5-й гильдии купец Никита Никитин Кобелев. Мещовская купчиха Анна Иванова. Дочь ее и упомянутого купца Александра».

Вскоре по получении о. строителем Мещовского монастыря сего объявления, поступило к нему от мещовского же мещанина Василия Костина другое объявление следующего содержания:

«Ваше Высокопреподобие

Честнейший о. Строитель, иеромонах Мельхиседек.

Два года я никому не открывал о полученной мною чудесной помощи от юродивого мещовского Андрея, который похоронен в башне вверенной Вам обители. Ныне же, слыша повседневно о целебной силе его, открывшейся милосердием Божией Матери к юной девице Александре, дочери мещовского купца Никиты Кобелева, из благоговейного чувства благодарности к Андрею юродивому, не могу более скрывать в душе своей чудесного исцеления и меня грешного от тяжелой болезни молитвами этого подвижника.

Два года тому назад я страдал страшной головной болью и стеснением в груди. В таком безотрадном состоянии, на день Святой Троицы пред Литургией сидел я на крыльце своего дома. Ко мне подошла одна бедная крестьянка просить милостыни и сказала: «у тебя болит голова и подкапывается под сердце. Если хочешь быть здоровым, сходи в монастырь и по погребенном в башне (не упомянула имени) отслужи панихиду, спусти с висящего там топорика воды,

которую настой 6-ть дней росным ладаном и пей ее 12-ть дней утром». Я исполнил ее совет — и в скором времени выздоровел.

Как прежде благодарил я Господа, так и теперь благодарю и всегда буду благодарить, что Он мне, грешному и недостойному рабу своему, открыл благодать Свою в чудесной помощи юродивого Андрея, к славе сего подвижника благочестия, к назиданию моему и всех ревнующих о благочестии. При этом объявляю еще, что однажды ночью во сне я слышал глас: «откроются у вас мощи юродивого Андрея». Проснувшись, я почувствовал в себе сперва благоговейный страх, а потом неизъяснимую радость. Разбудив жену свою, я рассказал ей о слышанном мной во сне откровении. Все здесь мной изложенное объясняю Вашему Высокопреподобию по чистой христианской совести и собственноручной подписью утверждаю. — мещовский мещанин Василий Григорьев Костин».

СОДЕРЖАНИЕ

Историческое описание Мещовского Георгиевского мужского общежительного монастыря	5
Местоположение обители	6
Основание монастыря	8
Историческое обозрение обители	11
Окончательное благоустройство обители в настоятельство отца Серафима (1679–1699)	19
Настоятельство архимандрита Афанасия с 1699 по 1707 год	26
Монастырская опись 1702 года	28
Настоятельство отца Серапиона с 1707 по 1711 год	43
Настоятельство Феофана от 1711 по 1731 год	45
Настоятельство о. Пахомия с 1731 по 1743 год	67
Монастырская опись 1731 года	70
Церкви и прочие здания	102
История храма	102
Прочие здания	109
Монастырские часовни	111
Достопримечательные церковные вещи, ризница и церковная библиотека	113
Книга вкладная	120
Царские вклады	122
В бытность архимандрита Афанасия	129
В бытность архимандрита Серапиона	131
В бытность архимандрита Феофана	132
В бытность архимандрита Пахомия с 1731 года мая 27 дня ...	134
Архимандрит Иов	136
Строитель иеромонах Лонгин	136
В бытность строителя иеромонаха Никодима	141
При строителе Мельхиседеке	142
Вкладная книга и синодик	144
Кладбище	146
Монастырские владения до 1764 года	147
Чем владеет в настоящее время	152
Список настоятелей	155
Сказание о роде Стрешневых, о Лукьяне Степановиче Стрешневе, отце первой царицы Евдокии Романовой, давшей начало всему царскому роду Романовых	161
Лукьян Степанович Стрешнев (<i>Старинное историческое предание</i>)	162
Исследование о роде Стрешневых	171
Приложение	181
Андрей, мещовский юродивый	182

Архимандрит Леонид (Кавелин)

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МЕЩОВСКОГО ГЕОРГИЕВСКОГО
МУЖСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ**

Гл. редактор *иером. Варсонофий*
Художественный редактор *И.Н. Чалая*
Редакторы: *И.Д. Горбатова, В.И. Страхов*
Компьютерная верстка *С.И. Захаров*
Корректор *Н.Г. Любомудрова*

Издание Мещовского Свято-Георгиевского монастыря

Подписано в печать 06.07.11. Формат 60×90¹/₁₆.
Объем 12,5 п. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГУП «Облиздат»
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

